

Учредитель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет». Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам теории, истории и практики государственного и муниципального управления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. А. Сухих, д-р экон. наук (гл. редактор)
Д. Г. Красильников, д-р полит. наук, проф. (зам. гл. редактора)
Е. А. Троицкая, канд. полит. наук (отв. редактор)
П. И. Блусь, канд. геогр. наук, доц.
М. А. Булахтин, д-р ист. наук
Е. Л. Зуева, канд. экон. наук, доц.
Е. В. Каранина, д-р экон. наук, доц.
К. В. Новикова, д-р экон. наук, проф.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алтухов, акад. РАН, д-р экон. наук, проф., зав. отделом территориально-отраслевого разделения труда в АПК Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, Москва, Россия

Е. Г. Анимица, чл.-корр. РАН, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

С. В. Запольский, д-р юрид. наук, проф., зав. сектором административного и бюджетного права Института государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

Ю. В. Ирхин, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия

Д. Г. Красильников, д-р полит. наук, проф., проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, зав. кафедрой государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, председатель Общественной палаты Пермского края, Пермь, Россия

М. В. Мельник, д-р экон. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, проф. департамента учета, анализа и аудита Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

О. Ф. Новикова, д-р экон. наук, проф., зав. отделом экономических проблем социальной политики Института экономики промышленности НАН Украины, Киев, Украина

Я. П. Силин, д-р экон. наук, ректор Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

В. А. Сухих, д-р экон. наук, председатель Законодательного Собрания Пермского края, Пермь, Россия

Б. Шляхта, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой философии политики в Институте политических наук и международных отношений Ягеллонского университета в Кракове, Польша

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016 г.

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Территория распространения –
Российская Федерация,
зарубежные страны

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 41047

Адрес
учредителя, издателя
и редакции:
614990, Россия, г. Пермь,
ул. Букирева, 15

Тел. (342) 239-68-30
Сайт: ars-administrandi.com
E-mail: arsadmag@yandex.ru

Publisher: Perm State University.

The journal is devoted to the problems of theory, history and practice of public administration.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Anatoly I. Altukhov, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Territorial and Sectoral Division of Labor in the Agricultural Sector of the Russian Research Institute of Agricultural Economics, Moscow, Russia

Evgeny G. Animitsa, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Doctor of Geography, Professor, Head of Department of Regional, Municipal Economics and Management of Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Iouri V. Irhin, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Department of Political Science of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of Department of Theoretical and Applied Political Science of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Vice-Rector for Strategic Development, Economy and Law Issues, Head of Department of State and Municipal Government of Perm State University, Chairman of the Civic Chamber of Perm Krai, Perm, Russia

Margarita V. Melnik, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of Department of Accounting, Account Analysis and Audit of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Olga F. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head Economic Problems of Social Policy Department of Institute of Industrial Economics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Bogdan Shlyakhta, Doctor of Law, Professor, Head of Chair in Philosophy of Politics at the Institute of Political Science and International Relations, the Jagiellonian University in Krakow, Poland

Yakov P. Silin, Doctor of Economics, Rector of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Chairman of Legislative Assembly of Perm Krai, Perm, Russia

Sergey V. Zapolsky, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Financial and Budget Law of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Valery A. Sukhikh, Doctor of Economics, Legislative Assembly of Perm Krai – **Editor-in-Chief**

Dmitry G. Krasilnikov, Doctor of Political Science, Professor, Perm State University – **Deputy Editor-in-Chief**

Elizaveta A. Troitskaya, PhD (Political Science), Perm State University – **Managing Editor**

Pavel I. Blus, PhD (Geography), Associate Professor, Perm State University

Maksim A. Bulakhtin, Doctor of History, Perm State University

Elena V. Karanina, Doctor of Economics, Associate Professor, Vyatka State University

Kseniya V. Novikova, Doctor of Economics, Professor, Perm State University

Elena L. Zueva, PhD (Economics), Associate Professor, Higher School of Economics (Perm Branch)

Journal is indexed by the list of the leading peer reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science.

Published by Department of State and Municipal Government of Perm State University.

Distributed in Russian Federation, foreign countries.

Subscription index in the common catalogue «Press of Russia» (<http://www.pressa-rf.ru>) – 41047.

Address of Publisher and Editorial Board: Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia.
Tel. +7(342)239-68-30. Web-site: ars-administrandi.com. E-mail: arsadmag@yandex.ru.

© Editorial Board, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Оломпиев К. С. Властные институты и гражданское общество: эволюция взаимоотношений в переходный период отечественной истории (1985–1991 годы)	1
---	---

II. ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Миролюбова Т. В., Зубарев Н. Ю. Смертность населения как индикатор замедления социально-экономического развития региона	16
Захаров В. М., Германова О. В. Компетентностный потенциал в оценке эффективности регионального управления	32
Шашкова А. В. Практическая реализация одного из принципов G20/ОЭСР – роль заинтересованных лиц (на примере корпорации «Toyota»)	43

III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

Урасова А. А. Ключевые аспекты перехода экономической системы к шестому технологическому укладу	52
Гусева М. С., Габбасова Ю. Р. Комплексное развитие моногородов: опыт Самарской области	62
Пиньковецкая Ю. С. Оценка сложившихся инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий	77

IV. УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ И РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Букина Т. В., Букин Е. К. Формирование управленческой стратегии развития и функционирования сети федеральных автомобильных дорог Российской Федерации	94
---	----

V. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ирхин Ю. В. Выборы 45-го президента США: ключевые особенности, технологии, результаты	111
--	-----

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(470):321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-1-15

ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ (1985–1991 ГОДЫ)

К. С. ОЛОМПИЕВ

магистр государственного и муниципального управления, аспирант кафедры
государственного и муниципального управления

ФБГОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-7184-1064

ResearcherID: D-9767-2017

Электронная почта: olompiev2012@yandex.ru

Правильная ссылка на статью:

Оломпиев К. С. Властные институты и гражданское общество: эволюция взаимоотношений в переходный период отечественной истории (1985–1991 годы) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 1. С. 1–15. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-1-15.

Введение: в статье раскрываются особенности взаимоотношений партийных структур и общественных объединений, создаваемых инициативными гражданами, в эпоху перестройки.

Цель: выявить эволюцию взаимоотношений между властными институтами и формирующимся гражданским обществом при переходе от авторитарного к демократическому политическому режиму.

Методы: общенаучный подход: сравнительно-сопоставительный, методы – индукция и дедукция, приемы – анализ и синтез, а также специальный метод: историко-генетический.

Результаты: выявлены особенности генезиса гражданского общества в период 1985–1991 годов; показана эволюция взаимоотношений между формирующимися институтами гражданского общества и властными структурами; представлена авторская периодизация взаимоотношений власти и общественных организаций в период перестройки; выявлена положительная связь между отношениями государства и гражданского общества и становлением нового политического режима.

Выводы: автор отмечает противоречивый характер генезиса гражданского общества в период 1985–1991 годов, на который серьезное влияние оказали взаимоотношения с властными структурами. Появившись в форме клубного движения, формирующиеся независимые общественные организации сумели консолидироваться, а с появлением в стране публичной политики размежеваться с общественно-политическим движением, поставившим своей целью борьбу за власть. В условиях авторитарной системы любая

общественная активность должна была быть санкционирована партийными функционерами, поэтому консолидация институтов гражданского общества сопровождалась ухудшением взаимоотношений с властными институтами. Политика КПСС в отношении общественных организаций эволюционировала от полного их игнорирования до сотрудничества и попыток осуществления политического руководства над ними.

Ключевые слова: государственная политика; гражданское общество; некоммерческие организации; государственное управление; перестройка

Во второй половине 1980-х годов в СССР была предпринята попытка реализовать преобразования в социально-экономической и политической сферах. Итогом данных реформ стала ломка старого авторитарного коммунистического режима и переход к демократическому устройству, который сопровождался серьезными изменениями во взаимоотношениях власти и общества.

В это время происходит формирование независимых общественных объединений, которые становятся активными участниками публичной политики в стране. Значительное влияние на генезис, а также последующее развитие российского гражданского общества оказал характер отношений с властными институтами в период с 1985 по 1991 год.

В отечественной науке существуют различные подходы к исследованию вопросов генезиса и развития институтов гражданского общества в период перестройки. А. В. Шубин считает, что целесообразно выделить 2 этапа. Первый этап (1986–1988 годы) характеризуется, по мнению исследователя, «поэтапным выходом из подполья политизированных общественных организаций» (Шубин, 2006, с. 35). Отличительным признаком второго этапа (1988–1991 годы) является «кампания массовых уличных выступлений неформальных организаций» (Шубин, 2006, с. 36). Схожую позицию занимают В. Березовский и Н. Кротов (Березовский и др., 1990, с. 7).

Отмечая значимость указанного подхода, обратим внимание, что он фокусируется, прежде всего, на политизированных общественных организациях. Вместе с тем, общественное поле, складывающееся во второй половине 1980-х годов, было представлено более широким спектром гражданских инициатив. В частности, невозможно отрицать активного развития в период перестройки общественного движения по охране природы и объектов культурного наследия, представленного организациями, которые не преследовали политические цели.

Другой российский исследователь О. Н. Яницкий рассматривал процесс формирования и развития гражданского общества и его взаимодействия с властными институтами через призму экологического движения, которое в перестроечный период отличалось наибольшей организованностью. На примере развития экологических организаций О. Н. Яницкий выделил три периода. Первый период (1987–1989 годы) «стал в СССР первой легальной формой общедемократического протеста и общегражданской солидарности» (Яницкий, 1995, с. 17). Временными рамками второго этапа является «период 1989–1990 гг., когда образуются “зеленые” партии» (Яницкий, 1995, с. 17). Третий

этап (1990–1993 годы), подчеркивает эксперт, является «пиком политической поддержки “зеленых”» в России (Яницкий, 2005, с. 30). Подобной точки зрения придерживается и российский ученый П. А. Селезнев (Селезнев, 2010, с. 59–60).

Соглашаясь с мнением О. Н. Яницкого относительно того, что экологическое движение действительно было одним из наиболее многочисленных и организованных в общественной среде в период перестройки, отметим, что применение выделенной им периодизации к неформальному движению в целом является дискуссионным. Помимо экологических организаций в перестроечный период появилось множество других общественных сил, цели которых были различны. Поэтому при выделении этапов в развитии гражданского общества в условиях перестройки необходимо учитывать весь спектр общественных организаций, появившихся в это время.

Анализ степени изученности различных аспектов взаимоотношений властных институтов и зарождающихся элементов гражданского общества в переходный период позволяет сделать вывод о том, что в отечественной науке данная проблема является актуальной. Недостаточно исследованы вопросы генезиса общественных организаций в условиях смены одного политического режима другим, а также эволюции отношений между властью и гражданским обществом.

В своей работе мы опираемся на целый комплекс источников, из которых определяющими для решения заявленной научной проблемы являются архивные материалы Пермского обкома и горкома КПСС, касающиеся взаимодействия общественных организаций и власти в 1985–1991 годы на местном уровне. Также при подготовке статьи были использованы официальные документы партийных пленумов и съездов, воспоминания очевидцев и участников общественного движения, что способствовало определению характера взаимоотношений партийных структур и формирующегося гражданского общества на общесоюзном уровне.

Учитывая характер, методы, а также участников политической борьбы, развернувшейся в переходный период отечественной истории, считаем необходимым выделить 3 этапа формирования гражданского общества и его взаимоотношений с властными институтами.

Первый этап (апрель 1985 года – начало 1988 года) характеризуется незначительными изменениями в политике коммунистической партии в отношении общественных организаций, которые вырабатывались в логике предыдущего опыта. При этом под влиянием объявленного курса на развитие гласности и борьбы с бюрократизмом возникают новые общественные организации в виде кружково-клубных организаций, независимых от партийных структур. Отсутствие официального статуса и постоянного членства в подобных организациях способствовало тому, что их деятельность и взаимодействие с властью на данном этапе не выходило за границы обсуждения путей дальнейшего развития советского государства в рамках коммунистической идеологии.

Основным содержанием **второго этапа** (февраль 1988 года – 1990 год) является серьезное изменение политики КПСС в сфере взаимодействия с общественными силами. Кризис кружково-клубного периода развития гражданского общества, а также нежелание власти выстраивать партнерские

отношения с вновь создаваемыми общественными организациями способствовали консолидации «неформального» движения. При этом появление крупных гражданских объединений существенным образом повлияло на трансформацию взаимоотношений общества и власти. Нарастает протестный характер формирующегося гражданского общества, так как к началу 1988 года становится очевидным, что проводимые реформы социально-экономической сферы тормозятся бюрократической системой и без давления на партийный аппарат «снизу» могут быть свернуты. Поэтому на смену единичным, разрозненным и стихийным акциям протеста, которые были характерны для первого этапа, пришли спланированные и многочисленные митинги, участники которых высказывались за широкую демократизацию общественно-политической жизни советского государства.

Особенностью *третьего этапа* (1990–1991 годы) является окончательное размежевание общественных организаций и общественно-политических движений, ставших первыми политическими партиями демократической России. Иными словами, формирующиеся гражданское общество разделилось на собственно общественные объединения граждан, занимающиеся исключительно решением различных социальных проблем, и общественно-политические движения, целью которых было получение власти. Экономический спад в СССР привел к расширению протестных групп и включению в их состав рабочих и независимых профсоюзов. В митинговую кампанию активным образом вовлекаются шахтеры, акции протеста в защиту прав которых были наиболее многочисленными и вызвали наибольшее опасение у партийных структур.

Вместе с отменой 6-й статьи советской Конституции была устранена монополия КПСС на власть, что привело к формированию публичного политического поля и появлению первых политических партий, эволюционировавших из общественных объединений. Расширяются методы политического противостояния, которые дополняются борьбой за власть в ходе выборов.

Первоначально, после прихода к власти М. С. Горбачева, отношения между партийными органами и общественными организациями не претерпели серьезных трансформаций в сравнении с предыдущими периодами. Для примера, в своем первом выступлении в качестве генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1985 года Горбачев затронул вопрос взаимоотношений партии с общественными организациями в контексте «дальнейшего совершенствования и развития демократии, которое заключается в активизации профсоюзов, комсомола, народного контроля, трудовых коллективов» (Горбачев, 1987а, с. 129).

В подобном ключе были озвучены задачи партии в сфере взаимодействия с обществом на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года. В своем докладе Горбачев говорил о том, что партийным комитетам необходимо направить свою работу на обеспечение «гласности, уделять внимание на то, как работают все каналы связи с массами, какое внимание уделяется общественному мнению, критическим замечаниям и письмам граждан» (Горбачев, 1987а, с. 153).

Столь несерьезное отношение к проблеме свидетельствует о том, что в первые годы перестройки новый генеральный секретарь не планировал существенно менять характер взаимодействия партии и общественных организаций. Последние продолжали рассматриваться руководством партии

в качестве «приводных» ремней существующего политического режима, проводниками политики партии в обществе.

Главные задачи партии в отношении общественных организаций были высказаны Горбачевым на XXVII съезде КПСС в 1986 году. В частности, молодой генеральный секретарь акцентировал внимание на развитии социализма, которое он понимал как «развитие всего многообразия интересов, потребностей, способностей людей, поддержку самостоятельных общественных организаций, выражающих это многообразие. Сюда нужно отнести меры по активизации Советов, профсоюзов, комсомола, трудовых коллективов» (Горбачев, 1987b, с. 188). При этом подразумевалось расширить «участие общественных организаций в управлении страной» (Горбачев, 1987b, с. 190). Для чего предполагалось «расширить круг вопросов, которые государственные органы могут решать только при участии профсоюзов, комсомола и женских организаций» (Горбачев, 1987b, с. 191).

Кроме того, Горбачев отмечал необходимость придерживаться принципа гласности «не только в центре, но и на местах» (Горбачев, 1987b, с. 192). Другими словами, руководство партии ориентировало партийные органы на местах к более активному воплощению основных принципов перестройки.

Анализ данного выступления свидетельствует о трансформации политики КПСС в отношении общественных организаций. Исходя из положений политического доклада можно заключить, что были сделаны первые шаги к изменению роли партии, от игнорирования новых общественных организаций к осуществлению политического руководства над ними. Однако кардинальных преобразований не произошло, так как основными проводниками политики партии в социуме, как и в предыдущие периоды, продолжали рассматриваться комсомольские и профсоюзные организации, объединяющие основные слои населения и полностью подконтрольные КПСС. При этом согласимся с мнением отечественного исследователя Д. Г. Красильникова, который отмечает, что «основным рычагом воздействия на общественные организации была кадровая политика, то есть именно в партийных комитетах решались вопросы назначения и продвижения по карьерной лестнице того или иного руководителя общественной организации» (Красильников, 1998, с. 110).

Вместе с тем призыв нового руководства КПСС к активизации общественной деятельности стал толчком к серьезным сдвигам в общественной жизни страны. С середины 1986 года в Москве и Ленинграде появляются первые ростки независимого гражданского общества. В столице были образованы «Клуб социальных инициатив», историко-культурный клуб «Община», общественно-политический клуб «Перестройка». В Ленинграде в марте-апреле 1986 года созданы городская экокультурная группа «Спасение» и «Бюро экологических разработок», в начале 1987 года – «Дельта», «ЭРА» (Экология рядовой архитектуры), организация «Гринхип» и экологический центр «Беллона» (Шубин, 2006, с. 115).

В конце 1986 года первые клубные организации возникают на местах. При этом наиболее заметными центрами «неформального» движения стали крупные города. Движением по активизации общественной жизни были охвачены Свердловск, Новосибирск, Томск, Красноярск, Куйбышев, Казань, Горький (Решетников, 2009, с. 26). В 1986–1987 годах на территории РСФСР

были созданы Экологический центр «Дронт» (Горький), Уральский экологический союз (Свердловск), Экозащита (Калининград), Клуб «Экология» (Великий Новгород), Байкальская экологическая волна (Иркутск) и др. (Халий, 2007). В Пермской области в мае 1987 года были образованы Общественный экологический комитет, Союз коммунистов, в 1988 году – клуб «Диалог», объединивший основные общественные силы Прикамья (Березовский и др., 1990, с. 25).

Первоначально, в 1986–1987 годах партийные структуры не придали серьезного значения процессу создания новых общественных организаций. Небольшие по составу и не имеющие постоянного членства и места проведения своих заседаний организации не могли являться серьезными конкурентами для монопольной власти КПСС. Первое время после появления подобных общественных объединений партийные работники даже оказывали помощь в организации их работы, предоставляя «помещения дворцов культуры и других социальных учреждений и участвуя в обсуждении актуальных вопросов, рассматриваемых клубными организациями» (Шубин, 2006, с. 56).

Появление большого числа независимых клубных организаций и их быстрое распространение на территории всей страны свидетельствовали о кризисе «старых» общественных объединений, оторванности деятельности комсомольских, профсоюзных и других объединений, созданных «сверху», от решения реальных проблем. Однако выстраивание взаимоотношений с неформальными организациями на прежней основе, то есть используя кадровую политику, в условиях отсутствия формальной структуры и постоянного членства, было невозможным. Партийным функционерам необходимо было выработать новые подходы к организации работы с объединениями граждан.

Первый опыт взаимодействия между «неформальными» организациями и партийными структурами показал, что работники КПСС в большей своей части не были готовы к каким-либо изменениям, как в столице, так и на местах. Так, в Ленинграде, несмотря на протесты инициативной группы историков и культурологов, власти снесли здание гостиницы «Англетер», являющейся культурным памятником. В Пермской области нежелание местных партийных руководителей выносить на общественное обсуждение решение экологических проблем области и планы по строительству АЭС спровоцировало проведение митинга, организованного Общественным экологическим комитетом в 1987 году (Золотухин, 2008, с. 23). На данном мероприятии был осуществлен сбор подписей для создания комиссии по изучению экологической обстановки в г. Перми при пермском горкоме КПСС. Однако данное предложение не нашло поддержки у партийных функционеров. Как отмечалось в информационном бюллетене, издаваемом Экологическим комитетом, «решение любой крупной социальной, экологической, политической проблемы проходит на старой, чиновничьей бюрократической основе без широкого участия всех заинтересованных лиц»¹.

К середине 1987 года стало очевидным, что клубное движение исчерпало свои ресурсы для развития общественной сферы. Партийные руководители не рассматривали всерьез неформальное движение, представленное

¹ Государственный архив новейшей истории Пермского края (далее – ГАНИ). Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9.

небольшими по составу организациями. Поэтому для организации диалога между властными институтами и общественными организациями последним необходимо было консолидировать свои силы.

Консолидации общественных объединений способствовала позиция «реформаторского» крыла коммунистической партии, озвученная на январском и июньском Пленумах ЦК КПСС 1987 года. В своих выступлениях М. С. Горбачев поставил задачу партийным органам способствовать «развитию демократии, социалистического самоуправления, поощрению инициативы, самодеятельности, расширению гласности, критики и самокритики во всех сферах жизнедеятельности. Суть курса партии в демократизации советского общества. Но речь идет не о ломке нашей политической системы»².

В августе 1987 года состоялись три съезда общественных организаций, на которых стали оформляться крупные ассоциации, имеющие свой устав и аппарат управления. Так, в заповеднике Гүзерпиль состоялась учредительная конференция экологов, итогом которой стало образование Социально-экологического союза. Прошел съезд Заочного социально-политического клуба в Таганроге, а в Москве организована конференция «Встреча-Диалог», на которой было объявлено о создании Федерации социалистических клубов.

Августовские встречи «неформалов» продемонстрировали власти, что изменения в обществе, начавшиеся в 1985 году, носят более глубокий характер, чем это предполагалось. Появились независимые общественные организации, мнение которых нельзя было игнорировать. Необходимо было выстраивать взаимоотношения на новой партнерской основе.

Таким образом, первый этап (апрель 1985 года – начало 1988 года) характеризуется зарождением при советском режиме независимого гражданского общества, которое изначально развивалось в виде небольших по составу общественных объединений, не имеющих официального статуса. Основной формой их деятельности была организация дискуссий по самым различным проблемам советского общества. При этом, на наш взгляд, данная форма деятельности была схожа с так называемой «кухонной демократией» 1970–1980-х годов, когда обсуждение тех или иных проблем советской действительности происходило не в публичном пространстве, а в узком кругу родных и знакомых.

Отсутствие формального членства в подобных организациях тормозило становление гражданского общества, так как для устойчивого функционирования общественным объединениям необходимы были постоянный состав активистов, а также социальная база. Иными словами, слой людей, поддерживающих стремление общественных организаций самостоятельно решать проблемы, а также готовых принимать участие в их работе.

На первом этапе для большинства населения появление клубных организаций прошло незаметно. Советские граждане продолжали ориентироваться на традиционные общественные организации, такие как комсомол, профсоюзы и т.д. Этому способствовала и политика КПСС, которая мало чем отличалась от предшествующих лет и опиралась в первую очередь на свои «приводные ремни».

² О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки [Электронный ресурс]: докл. Генер. секретаря ЦК КПСС тов. Горбачева на XIX Всесоюз. конф. КПСС. URL: <http://soveticus5.narod.ru/455/soxix101.htm> (дата обращения: 14.09.2016).

На втором этапе (февраль 1988 года – 1990 год) консолидация общественных сил существенным образом повлияла на изменение характера отношений между гражданским обществом и партийными структурами. Расширяются методы взаимодействия с властными институтами. В первой половине 1988 года проходят первые массовые митинги общественников, не согласованные с властью. При этом медлительность в принятии решений со стороны партийных структур способствовала расширению митинговой активности, которая в последующие годы подорвет экономическую основу коммунистического режима. В митинговую кампанию были вовлечены десятки тысяч рабочих крупных промышленных предприятий, требовавших от власти соблюдения своих трудовых прав и не желавших выходить на работу до тех пор, пока они не будут удовлетворены.

При этом власть больше не могла игнорировать независимое общественное движение и впервые публично признала его существование в СССР. В апреле 1988 года М. С. Горбачев в газете «Правда» отмечал, что неформальные организации «стали возникать, несмотря на наличие огромной сети общественных организаций, которые охватывают основные слои населения» (Румянцев, 1999).

Взаимодействие новых общественных объединений с представителями власти дает первые результаты. Наиболее знаковым итогом является создание на базе подразделений Госагропрома, Минводхоза, Госкомгидромета, Гослесхоза союзного Государственного комитета СССР по охране природы (Яницкий, 2005, с. 31). В 1987–1989 годах общественникам на местах удалось добиться отмены решения партийных структур о строительстве нижегородской атомной теплоэлектростанции, приостановки строительства Крымской АЭС, запрета на подъем уровня воды Чебоксарского водохранилища, отказа от строительства Катунской ГЭС (Трифонов и др., 2008, с. 507). В Пермской области представители Общественного экологического комитета добились отказа властей от строительства Пермской АЭС (Золотухин, 2008, с. 25).

Вместе с тем усиление неформального движения вызывало беспокойство «консервативного» крыла КПСС и большей части партийных работников на местах, тормозивших проведение демократических преобразований и неготовых к выстраиванию диалога с независимыми гражданскими организациями. В докладных записках пермского обкома и горкома КПСС отмечалось, что «самодеятельные общественные организации стоят на чуждых позициях социалистической идеологии... Они характеризуются, как небольшая, но заметная, громкая, зачастую крикливая часть общественных сил, а содержание их деятельности носит подстрекательский характер»³.

Показательным являются и результаты социологического опроса, проведенного среди партийных работников. При ответе на вопрос «Отстаивают ли неформальные организации интересы народа, пользуются ли его доверием?» наиболее популярным стал вариант об отсутствии доверия к деятельности

³ ГАНИ. Ф. 105. Оп. 342. Д. 331. Л. 2–3.

неформальных объединений – 48,6 %⁴. Полное доверие к их деятельности отметили только 5,4 % опрошенных⁵.

Недовольство развитием независимого общественного движения выразилось в создании различного рода препятствий для деятельности общественных организаций. В этом отношении характерен пример взаимодействия пермского горкома КПСС и Общественного экологического комитета, вошедшего в 1988 году в состав Социально-экологического союза и клуба «Диалог» и являвшегося оппозиционным местной власти. Используя Положение об общественных объединениях 1936 года, действовавшее на тот момент, пермский горисполком не зарегистрировал кооператив «Экологист», который создавался по инициативе пермских общественников⁶. Также был ограничен доступ для экологов к оборудованию пермского медицинского института, что сделало невозможным проведение исследований экологической обстановки⁷.

Подобные примеры взаимодействия неформальных общественных организаций и партийных структур можно было наблюдать в большинстве регионов. Это вызывало ответные шаги со стороны общественности. В первой половине 1988 года в стране была проведена первая митинговая кампания. Она отражала нежелание людей возвращаться к доперестроечным отношениям, но была направлена не на свержение власти КПСС, а против деятельности ряда руководителей обкомов партии, препятствовавших развитию перестройки.

В марте–июне 1988 года митинги проходили в Астрахани, Южно-Сахалинске, Ярославле, Куйбышеве (Шубин, 2006, с. 103). В Москве митинговая волна началась с выступлений экологов, которые весной 1988 года провели несколько акций протеста против вырубки деревьев в Битцевском парке (Шубин, 2006, с. 104). А затем по инициативе Федерации социалистических общественных клубов тематика митингов стала носить политический оттенок. В конце мая – начале июня 1988 года в Москве каждую неделю проходили демонстрации против нарушений на выборах делегатов на XIX партконференцию (Шубин, 2006, с. 105).

9 мая 1988 года на встрече Федерации социалистических клубов и Всесоюзного социально-политического клуба была выдвинута идея о необходимости формирования единого фронта социалистических сил. Эта идея была поддержана партийным руководством. Уже в начале июня при активной поддержке главного партийного идеолога А. Яковлева в помещениях Академии СССР состоялся учредительный съезд крупнейших общественных организаций, на котором был разработан «Общественный наказ XIX партийной конференции» и объявлено о создании Московского народного фронта.

Очень точную характеристику целей формирования народного фронта представил один из участников данных процессов Б. Кагарлицкий, отметивший, что при создании фронта «неформалов использовали для организационной структуры, но созданная организация представляла собой уже не «приводной»

⁴ ГАНИ. Ф. 105. Оп. 342. Д. 244. Л. 58.

⁵ Там же.

⁶ ГАНИ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 6.

ремень КПСС, а организацию в поддержку перестройки» (Шубин, 2006, с. 124). В дальнейшем процесс создания Народных фронтов активно развивался на территории всей страны. В связи с этим, к концу 1989 года подобные организации появились в Ленинграде, Орле, Куйбышеве, Ярославле, на Урале и в других регионах Советского Союза.

Вместе с тем идея создания общественных сил, поддерживающих перестроечное движение, несмотря на локальные успехи, достигнутые на XIX партконференции, провалилась. Каждый народный фронт представлял собой аморфное образование, которое объединяло различные общественные движения, приверженные принципам перестройки. Этого оказалось недостаточно для устойчивой работы организации. В этой связи характерен пример Московского народного фронта. Общественные организации, входившие в него, разделились на две противоборствующие группировки: «большинство», состоявшее из организаций, отстаивавших принципы демократического социализма, и «меньшинство», в которое входили организации, выступавшие за проведение более глубоких преобразований социально-политической сферы. Уже 25 июня 1988 года были проведены первые раздельные митинги «большинства» и «меньшинства» Московского народного фронта.

Важнейшим шагом на пути демократизации политической системы СССР, выстраивания новых принципов взаимодействия общества и власти стали решения XIX партийной конференции, состоявшейся в октябре 1988 года. В своем выступлении М. С. Горбачев подчеркнул необходимость расширения сотрудничества партии с общественными организациями «по вопросам, связанным с языком, культурой, литературой и искусством, историческими памятниками, охраной природы». Как позитивное явление предлагалось рассматривать «возникновение ряда новых общественных ассоциаций и объединений, ставящих своей целью содействие социалистическому обновлению»⁸.

Идеи, высказанные Горбачевым в докладе, были отражены в резолюциях, принятых по итогам работы конференции. Отмечалось, что проводимые КПСС преобразования «предполагают перестройку общественных организаций»⁹. При этом должен был измениться характер взаимодействия власти и общественных объединений, основной функцией которых «должно стать выражение интересов значительной части населения, а их деятельность способствовать формированию внутренней и внешней политики партии и государства»¹⁰.

В логике этих решений формировались партийные документы того периода. В методических рекомендациях по подготовке к выборам в республиканские и местные советы 1989 года партийным органам, помимо взаимодействия с профсоюзами, комсомолом и женскими организациями, рекомендовалось обратить особое внимание на «активное сотрудничество с самостоятельными организациями (народными фронтами, клубами и ассоциациями)»¹¹.

⁸ О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки...

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАНИ. Ф. 105. Оп. 342. Д. 244. Л. 60.

Для реализации этой задачи партийным работникам было необходимо «осуществлять совместные общественно значимые программы, а также чаще общаться с представителями неформальных организаций, разъяснять свою позицию»¹².

Однако, несмотря на заявления высшего руководства коммунистической партии, ситуация на местах продолжала оставаться прежней. Партийные функционеры продолжали ориентироваться на взаимодействие с «традиционными» общественными организациями, такими как профсоюзы, комсомол, ветеранские и национальные организации, а во взаимоотношениях с независимым общественным движением складывались конфликтные ситуации.

Это хорошо видно при проведении выборов на I Съезд народных депутатов в 1989 году. Например, в Пермской области из 153 кандидатов в депутаты, местными властями к участию в выборах были допущены только 5 представителей неформальных организаций, при чем ни один из них не смог получить большинства голосов¹³. Показательной является и работа общественно-политического центра, созданного при Обкоме КПСС в 1990 году. Он должен был стать, но не стал местом политического диалога с различными общественными движениями. По отчетам о его работе за 1990–1991 годы на базе центра было организовано взаимодействие с такими традиционными объединениями, как Комсомольский оперативный клуб «Справедливость», Татаро-башкирский общественный центр, Еврейский культурный центр, Клуб женщин, Партийная организация ветеранов КПСС, Областной и городской совет ветеранов войны и труда¹⁴.

Одновременно происходит дальнейшая деградация традиционных общественных организаций, являющихся основными «приводными» ремнями компартии. В частности, кризисные процессы в экономике страны способствовали появлению протестных настроений среди рабочих. Начиная с лета 1989 года в Кузбассе, Кемерово, Воркуте, Донбассе проходят массовые забастовки рабочих, которые способствовали созданию первых независимых профсоюзов. В частности, в октябре 1990 года был создан Независимый профсоюз горняков, в конце 1990 года на Съезде независимых рабочих в Новокузнецке появилась Конфедерация труда, а в Москве – Федерация независимых профсоюзов России (Вершель, 2005, с. 138).

На третьем этапе (1990–1991 годы) принятие в 1990 году III (чрезвычайным) Съездом народных депутатов решения об отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в обществе вкупе с появлением нового Всесоюзного Закона «Об общественных организациях» стали завершающим шагом на пути создания публичного политического поля и перехода к многопартийной системе. Другими словами, были созданы институциональные условия для размежевания общественного движения на политические партии и непосредственно организации гражданского общества.

Распад СССР в августе 1991 года существенным образом не повлиял на характер взаимодействия между властью и гражданским обществом. Бело-вежские соглашения, провозгласившие появление независимых государств

¹² Там же. Л. 66.

¹³ ГАНИ. Ф. 105. Оп. 342. Д. 245. Л. 58–59.

¹⁴ ГАНИ. Ф. 105. Оп. 353. Д. 229. Л. 17.

на территории бывшего Советского Союза, не затронули систему государственного управления, основным элементом которой были Советы.

В заключении стоит отметить, что генезис гражданского общества носил сложный и противоречивый характер. Появившись в качестве клубного движения, формирующиеся независимые общественные организации сумели консолидировать свои усилия. Данный процесс сопровождался ухудшением взаимоотношений с властными институтами, что, на наш взгляд, было закономерным. В условиях авторитарной системы, которая опиралась на одну политическую партию, обладающую монополией на власть и реализующую ее через систему «приводных» ремней, существование независимых общественных сил было невозможным. Любая общественная активность должна была быть санкционирована партийными комитетами.

Появление и становление независимых общественных структур входило в противоречие с существующей системой. Во взаимодействии с независимыми объединениями партии необходимо было действовать иначе, чем с традиционными организациями (искать иной рычаг управления, нежели кадровая политика). Однако, существуя долгое время в неконкурентной политической системе, партийные функционеры не имели навыков взаимодействия с институтами гражданского общества и не сумели вовремя перестроить свою работу.

Рассматриваемые 1985–1991 годы относятся к переходному периоду отечественной истории. Смена авторитарного политического режима демократическим серьезным образом отразилась на взаимоотношениях власти и общественных объединений. Партийное руководство было готово использовать низовую активность граждан для решения существующих проблем. Деятельность неформальных организаций не преследовалась со стороны власти, что позволило укорениться институтам гражданского общества.

То, как формировалось и развивалось гражданское общество в период перестройки, отразилось на его дальнейшей судьбе уже в новой демократической России. Распад Советского Союза сопровождался тяжелым социально-экономическим кризисом, который в общественном сознании ассоциировался с гласностью и демократией. Поэтому в первые годы существования независимой России гражданские организации были лишены массовой поддержки.

Библиографический список

Вершель В. П. Рабочее движение: грани социальной активности (1989–1991) // Управленческое консультирование. 2014. № 11. С. 134–141.

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987а. Т.2: 1984–1985 гг. 509 с.

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1987б. Т. 3: октябрь 1985 г. – июль 1986 г. 510 с.

Золотухин М. В. История общественного экологического движения на территории «Большого Урала» (в период 1987–2007 годы). Нижний Тагил, 2008. 170 с.

Красильников Д. Г. Власть и политические партии в переходные периоды отечественной истории (1917–1918, 1985–1993 гг.): опыт сравнительного анализа. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1998. 306 с.

Неформальная Россия: О неформальных политизированных движениях и группах РСФСР (опыт справочника) / Под ред. В. Березовского, Н. Кротова. М.: Молодая гвардия, 1990. 382 с.

Решетников О. М. Неформальные объединения в СССР в годы перестройки // Власть. 2009. № 11. С. 26–28.

Румянцев О. О самостоятельном движении общественных инициатив (неформальные объединения и их роль в перестройке общественной жизни в СССР) [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/oleg-rumyantsev-o-samodeyatelnom-dvizhenii-obschestvennyh-initsiativ-neformalnye-ob-edineniya-i-ih-rol-v-perestroyke-obschestvennoy-zhizni-v-sssr> (дата обращения: 18.09.2016).

Селезнев П. А. Институционализация российских общественных движений в позднесоветский (перестроечный) и постсоветский период // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 2. С. 59–63.

Трифонов Г. А., Чуващенко И. А. Развитие экологического движения в России // Научные труды Дальрыбвтуза. 2008. № 20. С. 505–514.

Шубин А. В. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М.: Европа, 2006. 376 с.

Халий И. А. Российское экологическое движение: этапы 20-летнего развития // Россия в окружающем мире: ежегодник. 2007. С. 129–146.

Яницкий О. Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 15–26.

Яницкий О. Н. Экологическая ретроспектива: 1985–2004 (предварительные итоги) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 26–36.

Статья получена 20 декабря 2016 года

UDC 94(470):321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-1-15

RUSSIAN AUTHORITIES AND CIVIL SOCIETY: EVOLUTION IN THEIR RELATIONSHIP IN THE TRANSITION PERIOD OF 1985–1991

Konstantin S. Olompiev

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-7184-1064

ResearcherID: D-9767-2017

E-mail: olompiev2012@yandex.ru

The right reference on this paper is:

Olompiev, K. S. (2017), "Russian Authorities and Civil Society: Evolution in Their Relationship in the Transition Period of 1985–1991", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-1-15.

Introduction. The paper describes the peculiarities in the interaction of party bodies and public associations created by the initiative citizens in 1985–1991.

Aims. The paper serves to reveal the evolution of relationship between authorities and the developing civil society in its transition from an authoritative political regime to a democratic one during Perestroika.

The following **methods** were used: general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction and comparative and contrasting method; special methods: historical and genetic approach.

Results. Features of civil society's genesis during a transition period of national history are revealed. The evolution of relationship between the developing institutes of civil society and authorities during 1985–1991 is shown. The author describes his approach to categorize the relationship of authorities and public organizations on a time scale in Perestroika period. The correlation between the relations of the state and civil society and the development of a new political regime is given.

Conclusion. The author points out a contradictory nature of civil society's genesis during 1985–1991, the genesis being significantly affected by the relationships with the authorities. Developing independent public organizations appeared as clubs managed to concentrate and to spread together with the public political movement with its aim to fight for the power at the time of the advent of public politics in the country. In the context of an authoritarian system any public activity must be approved of by the party organizers therefore the consolidation of the civil society's institutes was accompanied with the deterioration in the relationships with the authority bodies. CPSU policy towards the public organizations had been developing from the complete ignorance of these organizations to cooperation and attempts to have a political control over them.

Key words: public policy; civil society; nonprofit organizations; public administration; Perestroika

References

Vershel, V. P. (2014), "Labor Movement: Sides of Social Activity (1989–1991)", *Administrative Consulting*, no. 11, pp. 134–141.

Gorbachev, M. S. (1987a), *Izbrannye rechi i stat'i. T. 2. 1984–1985 gg.* [Selected Speeches and Articles. Vol. 2. 1984–1985], Politizdat, Moscow, Russia.

Gorbachev, M. S. (1987b), *Izbrannye rechi i stat'i. T. 3. Oktyabr' 1985 g. – iyul' 1986 g.* [Selected Speeches and Articles. Vol. 3. October 1985 – July 1986], Politizdat, Moscow, Russia.

Zolotukhin, M. V. (2008), *Istoriya obshchestvennogo e'kologicheskogo dvizheniya na territorii «Bol'shogo Urala» (v period 1987–2007 gody)* [History of Social Ecological Movement in the Territory of "The Big Urals" (1987–2007)], Nizhny Tagil, Russia.

Krasilnikov, D. G. (1998), *Vlast' i politicheskie partii v perexodnye periody otechestvennoj istorii (1917–1918, 1985–1993 gg.): opyt sravnitel'nogo analiza*

[Authority and Political Parties during Transition Periods of National History (1917–1918, 1985–1993): Experience of Comparative Analysis], Perm University Press, Perm, Russia.

Berezovsky, V. and Krotov, N. (ed.) (1990), *Neformal'naya Rossiya: O neformal'nykh politizirovannykh dvizheniyakh i gruppakh RSFSR (opyt spravochnika)* [Informal Russia: On Informal Politicized Movements and Groups of RSFSR (Experience of a Handbook)], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.

Reshetnikov, O. M. (2009), "Informal Associations in the USSR during the Years of Perestroika", *Vlast'*, no. 11, pp. 26–28.

Rumyantsev, O. (2009), "On Amateur Movement of Public Initiatives (Informal Associations and Their Role in Restructuring of Public Life in the USSR" [Online], available at: <http://viperson.ru/articles/oleg-rumyantsev-o-samodeyatelnom-dvizhenii-obschestvennyh-initsiativ-neformalnye-ob-edineniya-i-ih-rol-v-perestroyke-obschestvennoy-zhizni-v-sssr> (Accessed 10 November 2016).

Seleznyov, P. A. (2010), "Institutionalization of Russian Social Movements in Late Soviet (Perestroika) and Post-Soviet Period", *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Seriya "Social'nye nauki"*, no 2, pp. 59–63.

Trifonova, G. A. and Chuvashenko, I. A. (2008), "Development of Ecological Movement in Russia", *Nauchnye trudy Dal'rybvtuza*, no. 20, pp. 505–514.

Shubin, A. V. (2006), *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986–1989)* [Devoted Democracy. USSR and Informal Groups (1986–1989)], Evropa, Moscow, Russia.

Xaliy, I. A. (2007), "Russian Ecological Movement: Stages of 20 Years Development", *State of Russia in the surrounding world: Analytical book*, pp. 129–146.

Yanitsky, O. N. (1995), "Evolution of Ecological Movement in Modern Russia", *Sociological Studies (Socis)*, no. 8, pp. 15–26.

Yanitsky, O. N. (2005), "Ecological Retrospective: 1985–2004 (Preliminary Results)", *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 26–36.

Received 20 December 2016

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

УДК 332.1:[314:312]

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-16-31

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ЗАМЕДЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Т. В. МИРОЛЮБОВА

д-р экон. наук, проф., декан экономического факультета, зав. кафедрой
мировой, региональной экономики и экономической теории
ФБГОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0003-2933-5077
ResearcherID: D-5844-2017
Электронный адрес: mirolubov@list.ru

Н. Ю. ЗУБАРЕВ

ассистент кафедры государственного и муниципального управления
ФБГОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ORCID: 0000-0002-9021-4058
ResearcherID: D-6310-2017
Электронный адрес: nu_zubarev@mail.ru

Правильная ссылка на статью:

Миролюбова Т. В., Зубарев Н. Ю. Смертность населения как индикатор замедления социально-экономического развития региона // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 16–31. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-16-31.

Введение: в статье доказывается значимая роль смертности как одной из основных причин снижения человеческого потенциала региона ввиду выбытия населения из социально-экономической жизни, а также обосновывается выбор показателей ВРП и конечного потребления домохозяйств в качестве наиболее значимых при выявлении взаимосвязи смертности и социально-экономического развития.

Цель: провести анализ смертности населения, определить характер корреляционной взаимосвязи между показателями смертности населения, ВРП и фактического конечного потребления домохозяйств, а также сформулировать рекомендации региональным органам государственной власти Пермского края по снижению смертности, что приведет к сокращению потерь ВРП и фактического конечного потребления в экономике.

Методы: общенаучные методы: сравнительный анализ, синтез; статистические методы: статистический анализ; эконометрические методы: регрессионный анализ, корреляционный анализ.

Результаты: проведен статистический и сравнительный анализ показателей смертности населения Пермского края, их динамики за период с 2009 по 2015 год, выявлены основные тенденции и проблемы; проведен регрессионный и корреляционный анализ показателей смертности населения, ВРП и конечного потребления домохозяйств. Установлено наличие сильной обратной корреляционной связи между показателем смертности и рассматриваемыми показателями; сформулированы рекомендации органам власти.

Выводы: органам государственной власти Пермского края необходимо продолжить комплексную работу над снижением показателя смертности по причинам болезней органов кровообращения и смерти от внешних причин. По последнему классу причин необходимо сделать акцент на предотвращение доли самоубийств (20 % от всех внешних причин). Текущие меры по снижению смертности по причинам новообразований и болезней органов дыхания можно признать малоэффективными, поскольку динамика остается практически неизменной; необходимо применять новые подходы. Государственное воздействие на снижение показателя смертности по причинам других болезней, болезней органов пищеварения, болезней нервной системы и некоторым инфекционным и паразитарным болезням необходимо интенсифицировать.

Ключевые слова: смертность населения; коэффициент смертности; корреляционный анализ; валовый региональный продукт; региональная экономика; социально-экономическое развитие региона

В современном обществе возрастает потребность в непрерывном росте и развитии социально-экономической системы. Особенно это проявляется на уровне регионов – основных структурных единиц государства. Регионы создают валовый продукт и обеспечивают наполняемость бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Сложившаяся модель экономического роста нашей страны, основанная на развитии, прежде всего, в энергетической и углеводородной сферах, одновременно порождает целый комплекс «побочных» эффектов: ухудшение экологической ситуации, повышение уровня заболеваемости и, конечно же, смертности.

Валовый региональный продукт (далее – ВРП) – результирующий показатель эффективности экономической деятельности региона создается трудом людей, задействованных в отраслях экономики. Этот факт часто забывается, и экономические показатели определяются как более приоритетные, нежели люди и качество их жизни. В то же время наиболее важными неэкономическими переменными являются переменные, связанные со здоровьем человека как основного движущего субъекта экономики региона.

Ряд зарубежных и отечественных исследователей, занимающихся темой влияния заболеваемости и смертности населения на социально-экономическое развитие, приходят к выводу, что «в целом общее снижение смертности, выраженное в увеличении ожидаемой продолжительности жизни населения, очень сильно связано с повышением уровня социально-экономического развития страны в целом» (Иванова, 2016; Suhrcke et al., 2008).

Социально-экономические отношения являются частью общественных отношений, поэтому социально-экономическое развитие выступает

частью общего развития региона. В этой связи наиболее важными аспектами в социально-экономической деятельности человека являются производство (приложение труда и способностей) и потребление (поддержание жизнедеятельности и воспроизводство).

Основным макроэкономическим показателем, вокруг которого строится вся система планирования и прогнозирования развития на уровне региона, выступает ВРП.

ВРП и составляющие его элементы (производство, образование и распределение доходов, расходы на конечное потребление и накопление) входят в систему показателей прогнозирования регионального развития и используются Министерством финансов РФ для распределения фонда финансовой поддержки территорий, а также включены в систему показателей эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ.

В рамках внедрения системы национальных счетов органы государственной статистики на региональном уровне рассчитываются данные по каждой из стадий экономического цикла: производство, образование и распределение доходов, расходы на конечное потребление и накопление. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств является важнейшим показателем, характеризующим конечное использование товаров и услуг на территории региона. Домашние хозяйства потребляют товары и услуги за счет собственных доходов, а также индивидуальные нерыночные услуги здравоохранения, образования, культуры и другие за счет государства и некоммерческих организаций, передаваемые домашним хозяйствам в виде трансфертов в натуральной форме¹. Без производства и потребления, а следовательно, и без людей, которые задействованы в этих процессах, не будет распределения и накопления доходов.

Таким образом, ВРП и конечное потребление домохозяйств являются наиболее значимыми в социально-экономическом плане с позиции утраты населения по причинам смертности.

Настоящая статья тестирует следующую гипотезу: смертность населения и социально-экономическое развитие региона (прежде всего рост ВРП и объем фактического конечного потребления домохозяйств) тесно взаимосвязаны; увеличение показателя смертности населения замедляет процесс социально-экономического развития региона.

В повседневной жизни феномен смертности человека порождает целый ряд последствий, включая эмоциональные, морально-этические, хозяйственные. Смерть каждого человека представляется отдельным важным событием в жизни его родственников, близких и друзей. Для научной деятельности характерен объективный, обобщающий подход, который заключается в сборе и анализе агрегированных показателей смертности населения по различным классам причин. Уточним, что понимается под смертностью в современной социально-экономической системе и каковы ее причины.

Смертность населения характеризуется статистически зарегистрированным числом смертей в конкретной популяции за определенный временной интервал.

¹ Консолидированные счета [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики (Росстат): офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/met-37.htm (дата обращения: 18.12.2016).

Смерть является первичным витальным событием, для которого система демографической статистики собирает и комбинирует данные. Данные о смертности необходимы для анализа прошлых демографических тенденций, для стратегического планирования социально-экономического развития и для разработки демографических прогнозов. Последние, как известно, используются практически во всех сферах деятельности: для планирования развития жилищных служб, системы образования, здравоохранения, для осуществления программ социальной защиты, реализации инвестиционных проектов по производству товаров и услуг для различных групп населения.

Показатели смертности отражают общее число случаев смерти, а также их структуру по месту, времени и причине.

В соответствии с правилами Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) первоначальная причина смерти определяется как «болезнь или травма, вызвавшая последовательный ряд болезненных процессов, непосредственно приведших к смерти, или обстоятельства несчастного случая или акта насилия, которые вызвали смертельную травму»².

Главный источник информации о причинах смерти – записи в медицинских свидетельствах о смерти, составляемые врачом относительно заболеваний, внешних причин смерти или другого внешнего воздействия, послужившего причиной смерти. Для этих целей используется Международная классификация болезней Десятого пересмотра (МКБ-10, ICD-10)³. Корректировка и внесение изменений в этот документ координируется ВОЗ и является продуктом международного сотрудничества.

В Российской Федерации органы и учреждения здравоохранения осуществили переход статистического учета на МКБ-10 в 1999 году. Сегодня статистический учет смертности и болезней ведется в соответствии с адаптированным для России вариантом МКБ-10, в которой выделены 22 класса болезней/причин смерти, но статистические органы публикуют данные только по основным классам.

Качественно собранные и проанализированные статистические данные о смертности населения служат надежной основой для планирования мероприятий по предупреждению смертей, сохранению и укреплению здоровья населения государства и его административных единиц на уровне государственной власти и местного самоуправления.

Прежде чем анализировать смертность, рассмотрим показатель ожидаемой продолжительности жизни в Пермском крае и Российской Федерации, чтобы сравнить первоначальный потенциал общественного здоровья региона с общероссийским. Под этим показателем понимают гипотетическое число лет, которое предстоит прожить поколению, родившемуся в соответствующий год, при условии, что на всем протяжении жизни показатель смертности останется неизменным. Он характеризует жизнеспособность населения в целом и не зависит от особенностей возрастной структуры населения.

² Смертность [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ): офиц. сайт. URL: <http://www.who.int/topics/mortality/ru/> (дата обращения: 18.12.2016).

³ Там же.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что ожидаемая продолжительность жизни в Пермском крае ниже общероссийской на 1 год (табл. 1). В масштабе человеческой жизни это существенное отставание.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в Пермском крае и Российской Федерации

Субъект РФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Пермский край	66	67	68	68	69	69	70
Российская Федерация	68	68	69	70	70	70	71

Источник: Пермьстат.

Проанализируем темпы роста показателя смертности в Пермском крае, а также его структуру (табл. 2).

Таблица 2

Темпы роста показателя смертности по основным классам причин в Пермском крае с 2009 по 2015 год (в % к предыдущему году)

Основные классы причин	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Умершие от всех причин, из них от:	н/д	99,41	95,82	96,82	98,70	99,82	101,27
некоторых инфекционных и паразитарных болезней	н/д	100,14	103,12	102,50	100,90	108,40	120,54
новообразований	н/д	96,90	100,63	100,99	99,23	97,51	102,88
болезней системы кровообращения	н/д	100,40	96,65	95,66	98,09	91,57	101,81
болезней органов дыхания	н/д	100,00	104,24	83,97	102,72	105,93	77,67
болезней органов пищеварения	н/д	104,50	101,48	99,34	98,15	111,80	107,05
болезней нервной системы	н/д	н/д	н/д	94,39	100,70	157,99	156,04
умершие от других болезней	н/д	99,81	78,08	111,41	109,92	169,95	97,96
внешних причин смерти, из них от:	н/д	96,03	84,76	95,00	95,07	95,69	95,22
случайных отравлений алкоголем	н/д	101,56	83,54	92,32	100,00	119,53	99,85
самоубийств	н/д	92,76	82,21	104,37	96,73	96,62	96,72
убийств	н/д	85,16	94,00	85,56	90,05	84,42	91,36
Транспортных травм (всех видов)	н/д	92,18	105,55	102,78	104,66	78,16	90,99
Случайных утоплений	н/д	н/д	н/д	116,53	80,73	81,08	102,78

Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермьстата.

Как видно из таблицы 2, динамика общей смертности от всех причин смешанная. До 2014 года наблюдалось явное снижение численности умерших, но в 2015 году можно отметить рост показателя. Для того чтобы понимать, насколько текущий уровень смертности соотносится с общестрановыми данными, используем коэффициенты смертности и естественного прироста населения (табл. 3, 4, 5).

Таблица 3

Коэффициенты смертности и коэффициенты естественного прироста/убыли населения некоторых развитых стран (2014 год)

Страна	Коэффициенты смертности (на 1000 чел.)	Коэффициенты естественного прироста/убыли населения (на 1000 чел.)
Российская Федерация	13,10	0,20
Соединенные Штаты Америки	8,15	5,27
Япония	9,38	-1,31
Германия	11,29	-2,87
Франция	9,06	3,43
Италия	10,10	-1,26
Китай	6,97	1,58

Источник: составлено авторами на основе данных The World Factbook.

Таблица 4

Коэффициенты смертности и коэффициенты естественного прироста/убыли населения Пермского края (2009–2015 годы)

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициенты смертности (на 1000 чел.)	15,3	15,3	14,7	14,2	14,0	14,0	14,2
Коэффициенты естественного прироста/убыли населения (на 1000 чел.)	-1,7	-1,2	-0,6	0,6	0,7	0,7	0,5

Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермьстата.

Общий коэффициент смертности дает первую приближенную оценку смертности и рассчитывается как отношение общего числа умерших за год к среднегодовой численности населения. В 2013 и 2014 годах этот показатель неизменно составлял 14, а в 2015 году увеличился на 0,2 (или на 1,4 %). Руководствуясь таблицей оценки, можно заключить, что уровень смертности в Пермском крае средний и при этом граница показателя почти достигла крайнего значения. В целом же, учитывая темпы роста коэффициентов смертности и естественного прироста населения (рис. 1), можно сказать, что коэффициент смертности остается практически неизменным.

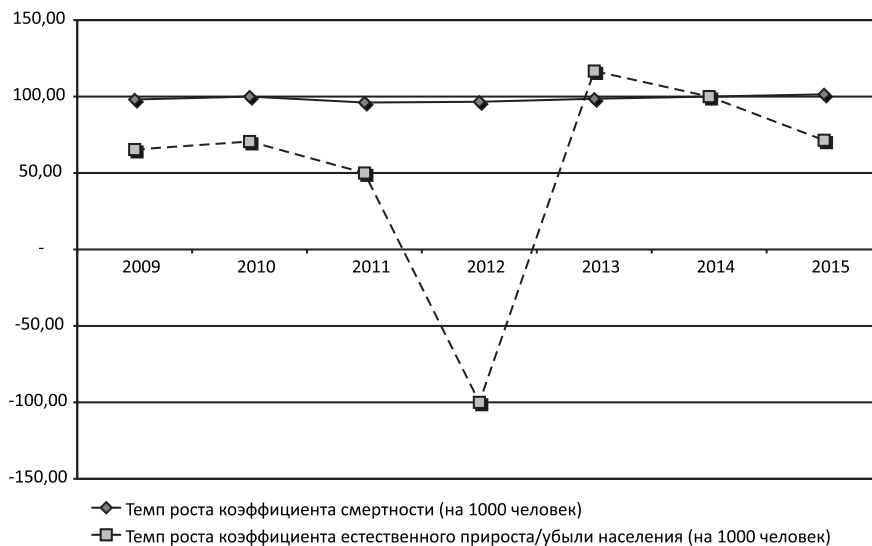

Рис. 1. Темпы роста коэффициента смертности и коэффициента естественного прироста населения Пермского края (2009–2015 годы)

Таблица 5

Оценка общего уровня смертности

Общий коэффициент смертности (на 1000 чел.)	Уровень смертности
до 7	Очень низкий
от 7 до 10	Низкий
от 11 до 15	Средний
от 16 до 20	Высокий
более 21	Очень высокий

Рассмотрим структуру смертности в Пермском крае по основным классам причин (рис. 2). В среднем за период с 2009 по 2015 год в Пермском крае примерно 50 % случаев смертности приходится на болезни органов кровообращения. Эта тенденция хоть и общемировая, но для Пермского края особенно актуальная. Смертность по причине новообразований составляет около 15 % от общего показателя, что также весьма существенно. Кроме того, стоит отметить высокую долю смертей от внешних причин, примерно 15 %. Причем внутри данного класса наиболее серьезной причиной остается самоубийство, около 20 %. Высокая доля смертей происходит по причине других болезней, примерно 9 %, и болезней органов пищеварения, около 6 %.

Рассмотрим динамику смертности в Пермском крае по основным классам причин (рис. 3 и 4). Диаграммы составлены по данным за 2009–2015 годы, поэтому на них отражены темы роста начиная с 2010 года. За рассматриваемый период показатель смертности имеет смешанную динамику. Так, например, снижение смертности можно отметить по болезням системы кровообращения

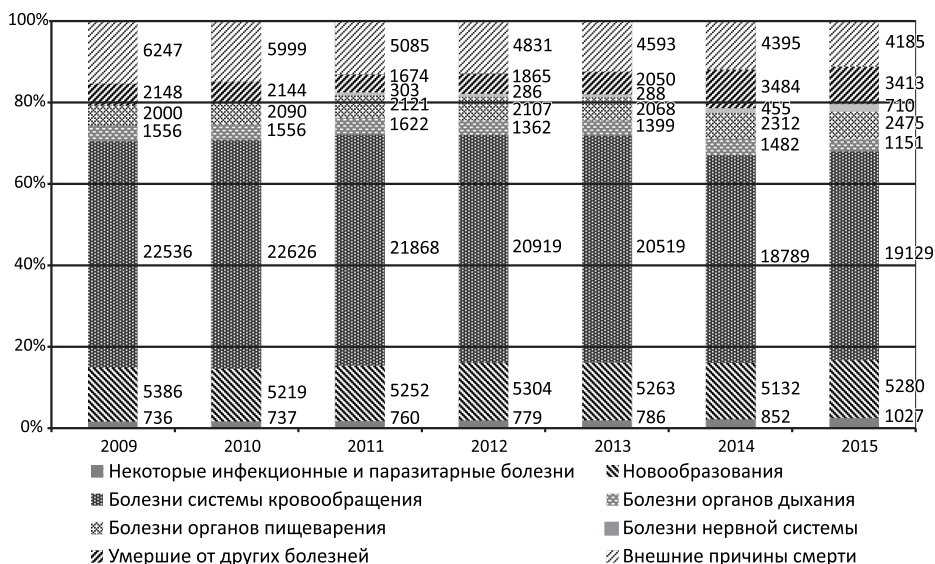

Рис. 2. Структура смертности в Пермском крае по основным классам причин (2009–2015 годы)

и внешним причинам смерти. При этом повышательный тренд по показателю смертности можно наблюдать по другим болезням: болезням органов пищеварения, болезням нервной системы и некоторым инфекционным и паразитарным болезням. Динамика смертности по причинам новообразований и болезней органов дыхания практически отсутствует, скорее, в этом случае, наблюдается статичность.

В целом, можно отметить, что общий показатель смертности от всех причин снижается в основном за счет смертности по причинам болезней органов кровообращения и смерти от внешних причин. Поскольку доля этих причин в общей структуре смертности в Пермском крае остается высокой, региональным органам власти удастся демонстрировать снижение коэффициента смертности. Но надо понимать, что смертность по остальным причинам останется либо стабильной, либо увеличивается. Это негативно сказывается на социально-экономической ситуации в Пермском крае.

Проанализируем факторы, оказывающие воздействие на население региона и приводящие к преждевременной смертности. Здоровье населения, а следовательно и его утрата находятся в обусловленной зависимости от воздействия 4 укрупненных групп факторов:

- 1) социально-экономические (образ жизни, условия труда, жилищные условия, материальное благосостояние и уровень жизни);
- 2) социально-биологические (возраст, пол, наследственность, генетическая предрасположенность);
- 3) эколого-климатические (состояние воздуха, воды, почвы, уровень солнечной радиации и др.);
- 4) медико-организационные (качество, эффективность, доступность медико-социальной помощи и др.).

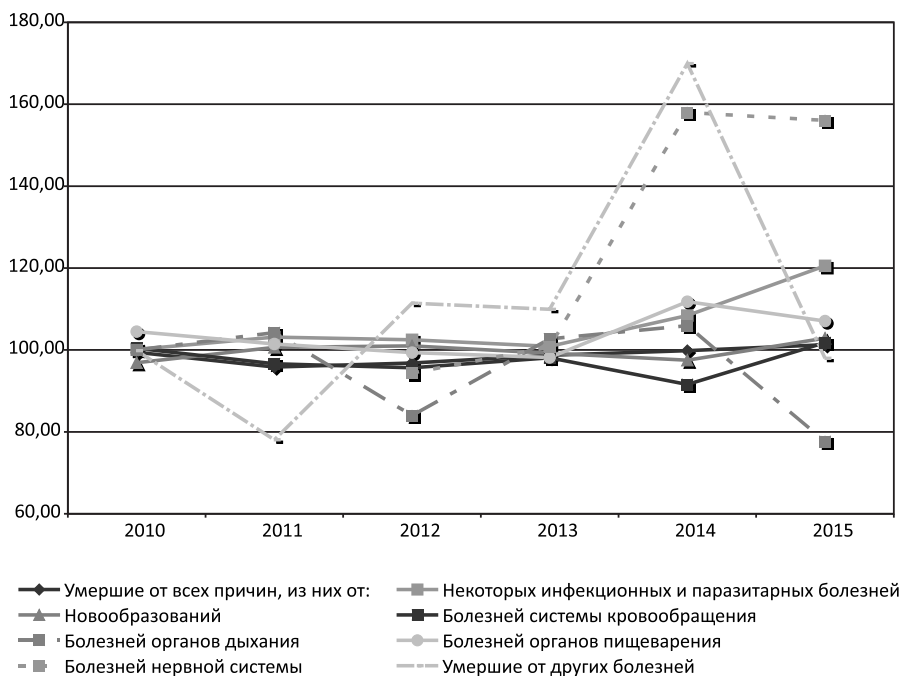

Рис. 3. Темпы роста показателя смертности в Пермском крае по основным классам заболеваний (2010–2015 годы).
Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермстата

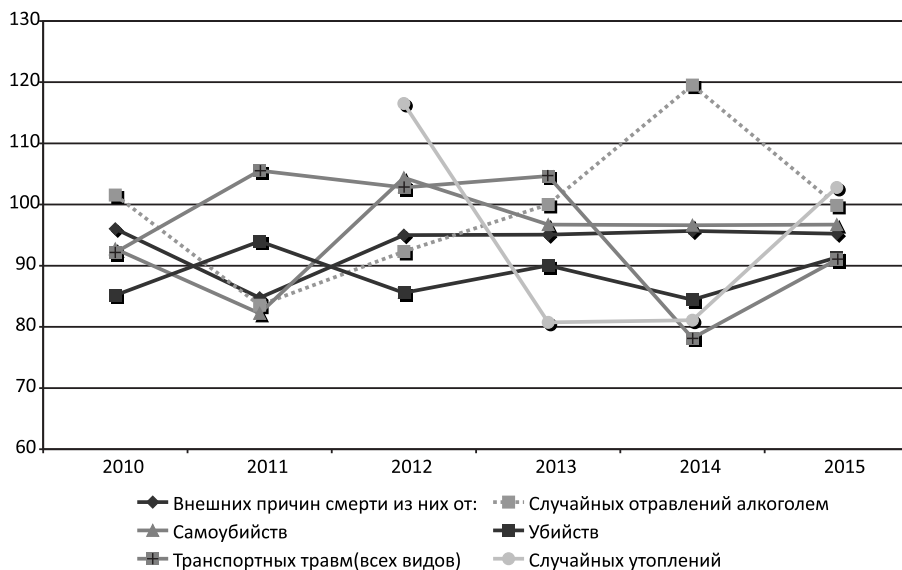

Рис. 4. Темпы роста показателя смертности в Пермском крае от внешних причин (2010–2015 годы).
Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермстата

Настоящее разделение факторов на приведенные группы условно, так как в повседневной жизни человек подвергается комплексному воздействию взаимосвязанных и обуславливающих друг друга факторов. Академик РАМН Ю. П. Лисицын считает, что здоровье на 50 % и более зависит от социально-экономических факторов, на 20 % – от эколого-климатических, на 20 % – от социально-биологических и на 10 % – от медико-организационных (Лисицын, 1989). Одни факторы позитивно влияют на состояние здоровья населения, другие, наоборот, оказывают резко негативное воздействие (табл. 6).

Болезни сердца и новообразования, например, лишь на четверть зависят от социально-биологических факторов (допустим, что они неизменяемы). Значит, на оставшиеся 75 % можно оказать управленческое воздействие и снизить их. Внешние причины смерти, особенно ДТП и самоубийства, и вовсе практически полностью зависят от факторов, на которые можно оказать прямое влияние.

Таблица 6

**«Вклад» различных групп факторов в преждевременную смертность, %
(Карелова и др., 2000, с. 110)**

Причина смерти	Социально-экономические	Социально-биологические	Эколого-климатические	Медико-организационные
Болезни сердца	54	25	9	12
Новообразования	37	29	34	10
Цереброваскулярные болезни	50	21	22	7
Артериосклероз	49	25	8	18
Диабет	26	68	0	6
Цирроз печени	70	18	9	3
Дорожно-транспортные происшествия (ДТП)	70	1	18	12
Самоубийства	60	2	35	3
Все несчастные случаи	51	4	31	14

Поэтому высокий уровень заболеваемости и смертности в регионе никогда нельзя объяснить какой-то одной причиной (Danishevski et al., 2005). Он обусловлен многими факторами, сочетание которых приводит к формированию определенной картины заболеваемости и смертности населения (Боев, 2009). Именно поэтому обеспечение высокого уровня здоровья и низкого уровня смертности включает в себя не только борьбу с болезнями, но и решение различных экономических, социальных и экологических проблем.

Важнейшая задача региональной власти и общества заключается в создании необходимых социально-экономических условий для воспроизводства населения, сокращения уровня смертности до естественного.

Одним из ключевых показателей социально-экономического развития субъекта РФ является ВРП. Не менее важным является показатель фактического конечного потребления, демонстрирующий нам, сколько продукции

было приобретено населением этого региона. Производство и потребление – это две стороны общего процесса социально-экономического воспроизводства региона, поэтому выявим и определим характер взаимосвязи между данными показателями и смертностью населения в Пермском крае (табл. 7).

С целью выявления связи между показателем смертности населения и ВРП, а также конечным потреблением домохозяйств проведем эконометрический анализ. Расчеты ограничены данными за 2014 год, поскольку данные по объему ВРП за 2015 год на момент написания статьи не опубликованы органами статистики. В каждом конкретном случае нас интересует «чистая» взаимосвязь между двумя показателями.

В настоящем исследовании использованы следующие параметры:

Y1 – выпуск в основных ценах (ВРП), млрд руб.

Y2 – фактическое конечное потребление домашних хозяйств, текущие цены, млрд руб.

X – умершие от всех причин за вычетом младенцев от 0 до 1 года, чел.

Эконометрический анализ основан на данных, которые были взяты за ряд лет (2009–2014) (табл. 7).

Таблица 7

Исходные данные

Год	Y1	Y2	X
2009	607,4	442,4	40303
2010	539,8	485,3	40069
2011	623,1	567	38410
2012	860,3	612,5	37124
2013	880,3	690,5	36642
2014	967,9	744,7	36607

Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермьстата.

Частный коэффициент корреляции характеризует взаимосвязь между двумя переменными при исключении влияния остальных переменных, т.е. их «личную» взаимосвязь. Парный коэффициент корреляции находится по следующей формуле:

$$r_{xy} = \frac{n \cdot \sum_{i=1}^n y_i x_i - \sum_{i=1}^n y_i \cdot \sum_{i=1}^n x_i}{\sqrt{(n \cdot \sum_{i=1}^n x_i^2 - (\sum_{i=1}^n x_i)^2) \cdot (n \cdot \sum_{i=1}^n y_i^2 - (\sum_{i=1}^n y_i)^2)}}$$

Частный коэффициент корреляции принимает значения от –1 до +1. Если значение r_{xy} положительное, то связь прямая, если значение r_{xy} отрицательное, то связь обратная.

Связи между признаками могут быть слабыми и сильными (тесными). Их критерии оцениваются по шкале Чеддока:

$0,1 < r_{xy} < 0,3$: слабая;

$0,3 < r_{xy} < 0,5$: умеренная;
 $0,5 < r_{xy} < 0,7$: заметная;
 $0,7 < r_{xy} < 0,9$: высокая;
 $0,9 < r_{xy} < 1$: весьма высокая.

Представим парные коэффициенты корреляции (табл. 8).

Таблица 8

Коэффициенты корреляции

Показатель	Значение
Y1	1
X	-0,93
Y2	1
X	-0,96

Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермьстата.

Связь между переменной Y1 и переменной X (-0,93) обратная и весьма высокая. То есть ВРП сокращается при увеличении количества умерших от всех причин смерти и наоборот, с уменьшением количества смертей ВРП растет (табл. 8).

Связь между переменной Y2 и переменной X (-0,96) обратная и также весьма высокая. Фактическое конечное потребление домохозяйств имеет сильную связь с количеством умерших от всех причин. С увеличением количества умерших потребление сокращается, а с уменьшением – увеличивается. Стоит отметить, что связь между данными переменными сильнее, чем в предыдущем случае.

Проверим частные коэффициенты корреляции на значимость.

Находим табличное (критическое) значение статистики критерия Стьюдента с помощью распределения Стьюдента с (n-2) степенями свободы (с вероятностью 95 %): $K_{\text{таб}} = 2,776$.

Далее получим вычисленное (фактическое) значение t-статистики критерия Стьюдента (табл. 9).

Таблица 9

Вычисленное (фактическое) значение t-статистики критерия Стьюдента

$K_{\text{выч}}$	Y1	Y2
X	5,19	6,86

Источник: рассчитано авторами на основе данных Пермьстата.

Если $|K_{\text{выч}}| > K_{\text{таб}}$, то коэффициент значим. В таблице выделены значимые коэффициенты.

Таким образом, на уровне значимости 0,05 можно утверждать, что значимыми являются все рассматриваемые коэффициенты корреляции. Другими словами, наблюдается сильная обратная связь между переменными Y1 и X, а также Y2 и X.

Следовательно, гипотеза исследования подтвердилась. Наличие сильной обратной линейной зависимости говорит о том, что смертность населения Пермского края влияет на социально-экономическое развитие региона и производит обратный эффект. Рост смертности населения приводит к сокращению ВРП и сокращению конечного потребления товаров и услуг (табл. 10). Это является одной из причин общего снижения уровня благосостояния региона и замедления социально-экономического развития.

Таблица 10

Потери социально-экономической системы региона по причине смертности населения

Потери производства	Потери потребления
Потери ВРП ввиду смертности занятого в экономике населения (сокращение выпуска товаров и услуг)	Снижение платежеспособного спроса в экономике (снижение потребления и воспроизводства)

Источник: составлено авторами.

Можно заметить, что смерть трудоспособного населения приводит к потерям в существенных фазах экономического цикла. Потери связаны в основном с производством, потреблением (предъявляемым платежеспособным спросом). Принимая во внимание мультипликативный эффект в экономике, потери в денежном эквиваленте могут бытькратно больше изначально появившихся.

По итогам проведенного анализа можно сформулировать несколько рекомендаций органам государственной власти Пермского края по снижению смертности, которая приведет к сокращению потерь ВРП и фактического конечного потребления в экономике:

1) необходимо продолжить комплексную работу над снижением показателя смертности по причинам болезней органов кровообращения и смерти от внешних причин. По последнему классу причин необходимо сделать акцент на предотвращение доли самоубийств, поскольку она составляет около 20 % от всех внешних причин;

2) текущие меры по снижению смертности по причинам новообразований и болезней органов дыхания можно признать малоэффективными, поскольку динамика остается практически неизменной. Необходимо найти и применить новые подходы к этим проблемам;

3) смертность по причинам других болезней, болезней органов пищеварения, болезней нервной системы и некоторым инфекционным и паразитарным болезням увеличивается, что, несомненно, сказывается на потерях в социально-экономической системе региона. Государственное воздействие по этим направлениям необходимо усилить.

Таким образом, устойчивое социально-экономическое развитие региона предполагает использование всех драйверов роста: внутренних и внешних. Снижение смертности является скрытым внутренним драйвером, способным обеспечить постоянный, планомерный рост региональной экономики на годы вперед. Не следует концентрироваться только на наращивании выпуска производственных отраслей экономики, без учета требований экологичности. Такой рост содержит в себе риски повышения заболеваемости и, как итог, смертности населения.

Сегодня, в условиях ограниченности финансовых ресурсов и спада инвестиций в производственные отрасли, необходимо сконцентрировать управленческие усилия и эффективно распределить бюджет, прежде всего, на цели снижения смертности населения по основным причинам. Текущая динамика и структура смертности в Пермском крае позволяет прогнозировать заметный спад и замедление социально-экономического развития на перспективу.

Библиографический список

Боев В. М. Методология комплексной оценки и социально-экономических факторов в формировании риска здоровья населения // Гигиена и санитария. 2009. № 4. С. 4–9.

Иванова Т. А. Смертность населений от основных причин: исследование положения регионов РФ [Электронный ресурс] // Системное управление. 2016. № 1. URL: http://sisupr.mrsu.ru/2016-1/PDF/Ivanova_2016-1.pdf (дата обращения: 18.12.2016).

Лисицын Ю. П. Санология – наука об общественном здоровье и здоровом образе жизни // Здравоохранение РФ. 1989. № 6. С. 3–9.

Социальная энциклопедия / Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский; Редкол. А. П. Горкин. М.: Большая Рос. Энцикл., 2000. 436 с.

Danishovski K., McKee M. Reforming the Russian Health-Care System // Lancet. 2005. Vol. 365. P. 1012–1014.

Suhrcke M., Rocco L., McKee M., Mazzucco S., Urban D., Steinherr A. Экономические последствия неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/74742/E89992R.pdf (дата обращения: 16.12.2016).

Статья получена 15 января 2017 года

UDC 332.1:[314:312]

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-16-31

MORTALITY AS AN INDICATOR TO SLOW DOWN THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGION

Tatiana V. Mirolyubova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-2933-5077

ResearcherID: D-5844-2017

E-mail: mirolubov@list.ru

Nikolai Y. Zubarev

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-9021-4058

ResearcherID: D-6310-2017

E-mail: nu_zubarev@mail.ru

The right reference on this paper is:

Miroljubova, T. V. and Zubarev, N. Yu. (2017), "Mortality as an Indicator to Slow Down the Socio-Economic Development in the Region", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 16–31. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-16-31.

Introduction. The paper explains the significant role of mortality as the one of the main reasons for the decline in the human potential of the region in view of the retirement of the population in the socio-economic life, and justifies the choice of indicators GRP and final household consumption as the most significant ones in identifying the relationship of mortality and socio-economic development.

Aims. The paper is to analyze the mortality, to determine the nature of the correlation between the indices of mortality, GRP and actual final consumption of households, and to articulate recommendations to the regional state authorities of Perm region to reduce the mortality rate, which will lead to a reduction in losses of GRP and actual final consumption in the economy. To achieve the aims the following methods were applied: scientific methods: comparative analysis, synthesis; statistical methods: statistical analysis; econometric methods: regression analysis, correlation analysis.

The following **methods** were used: general scientific methods: comparative analysis, synthesis; statistical methods: statistical analysis; econometric methods: regression analysis, correlation analysis.

Results. The statistical and comparative analysis of the mortality of the population of Perm region, its dynamics for the period from 2009 to 2015 is carried out with the main trends and challenges identified; regression and correlation analysis of indicators of mortality, GRP and final consumption of households are made. The presence of a strong inverse correlation between mortality rates and indicators are considered; recommendations to the authorities are articulated.

Conclusion. The bodies of state power in Perm region need to continue their work in comprehensive reduction in the mortality rate caused by the diseases of the circulatory system and death from external causes. In the latter case the focus should be made on the prevention of the suicide ratio, since it is about 20 % of all external causes; current measures to reduce mortality caused by tumors and respiratory diseases can be considered ineffective because the dynamics remains virtually unchanged, so it is necessary to apply new approaches; state influence on the reduction in mortality caused by other diseases, diseases of the digestive system, nervous system diseases and certain infectious and parasitic diseases should be intensified.

Key words: mortality; mortality rate; correlation analysis; gross regional product; regional economics; socio-economic development of the region

References

Boev, V. M. (2009), "Methodology of Integrated Assessment and Socio-Economic Factors in the Formation of Health Risks", *Hygiene and Sanitation*, no. 4, pp. 4–9.

Ivanova, T. A. (2016), "Mortality Population from the Main Causes: Study of Regions of RF", *Sistemnoe upravlenie*, no. 1 [Online], available at: http://sisupr.mrsu.ru/2016-1/PDF/Ivanova_2016-1.pdf (Accessed 18 December 2016).

Lisitsyn, Y. P. (1989), "Sanology – the Science of Public Health and a Healthy Lifestyle", *Health Care of the Russian Federation*, no. 6, pp. 3–9.

Karelova, G. N. and Katulskiy, E. D. (ed.) (2000), *Social'naya e'nciklopediya* [Social Encyclopedia], Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, Moscow, Russia.

Danishevski, K. and McKee, M. (2005), "Reforming the Russian Health-Care System", *Lancet*, vol. 365, pp. 1012–1014.

Suhrcke, M., Rocco, L., McKee, M., Mazzuco, S., Urban, D. and Steinherr, A. (2008), *E'konomicheskie posledstviya neinfekcionnyx zabolevanij i travm v Rossijskoj Federacii* [Economic Consequences of Noncommunicable Diseases and Injuries in the Russian Federation], Cromwell Press, Trowbridge, Wilts, UK [Online], available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0006/74742/E89992R.pdf (Accessed 16 December 2016).

Received 15 January 2017

УДК 3523:321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-32-42

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В. М. ЗАХАРОВ

канд. социол. наук, проф., директор Института управления
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет», 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
ORCID: 0000-0001-6152-9651
ResearcherID: D-4660-2017
Электронный адрес: zakharov@bsu.edu.ru

О. В. GERMANOVA

аспирант, ассистент кафедры социальных технологий
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет», 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85
ORCID: 0000-0001-6748-7958
ResearcherID: D-4653-2017
Электронный адрес: germanova@bsu.edu.ru

Правильная ссылка на статью:

Захаров В. М., Германова О. В. Компетентностный потенциал в оценке эффективности
регионального управления // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 1.
С. 32–42. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-32-42.

Введение: в статье рассмотрены актуальные проблемы, связанные со структурой компетентностного потенциала органов регионального управления. Возросшие запросы к качеству и компетентности государственных гражданских служащих, установление прямых и косвенных связей между эффективностью региональной власти и профессионализмом ее состава, а также галопирующий прогресс современных форм профессионализации требуют новых подходов к оценке компетентности служащих.

Цель: предложить структурную модель компетентностного потенциала органов регионального управления, верифицировать базовые элементы предлагаемой модели в ходе опроса руководителей органов государственного и муниципального управления по проблеме профессионального развития и экспертного опроса в ряде субъектов Центрального федерального округа (Белгородская, Курская, Орловская, Брянская и Липецкая области).

Методы: методы теоретического исследования (системный, восхождения от абстрактного к конкретному, идеализация и др.), а также методы эмпирического исследования (опрос, сравнение, метод экспертной оценки).

Результаты: изучен комплекс понятий, связанных с категорией «кадровый потенциал»; разработана структурная модель компетентностного потенциала органов регионального управления; эмпирическим путем определено содержание функционального компетентностного заказа и выявлены факторы, влияющие на эффективность регионального управления; обосновано и предложено решение проблемы агрегирования компетентностных потенциалов регионального управления посредством кумулятивной технологии и компьютерной оценки.

Выводы: успешность и эффективность регионального управления зависят, в значительной мере, от использования и развития компетентностного потенциала органов регионального управления. Анализ показал, что для повышения эффективности регионального управления требуется формирование реновационной системы воспроизводства профессионального потенциала государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: кадровый потенциал; профессиональный потенциал; личностно-профессиональный потенциал; компетентностный потенциал; эффективность регионального управления

Современная практика функционирования государственной службы Российской Федерации свидетельствует о наличии неблагоприятных тенденций и процессов: сохраняется несоответствие структуры профессионального потенциала содержанию и характеру труда в новых социально-экономических условиях; стихийность в формировании механизмов востребованности профессиональных возможностей служащих; преобладание субъективистских, протекционистских и корпоративных начал в решении кадровых вопросов, что создает почву для депрофессионализации кадров. Существующий механизм государственного регулирования кадровых процессов не позволяет концентрировать человеческие ресурсы регионов на приоритетных направлениях развития, добиваться более эффективного их использования. Вследствие этого происходит снижение как профессионализма государственного аппарата, так и доверия населения к нему; прогрессирует негативный фон в оценке деятельности органов власти.

В поисках новых подходов к управлению персоналом внимание науки фокусируется, прежде всего, на профессионализации кадрового обеспечения государственного управления. Одной из приоритетных стратегических задач реформирования государственной службы является формирование профессионального, гибкого и эффективного аппарата органов государственной власти, повышения профессионального уровня гражданских служащих, ответственности за качество их работы.

Одна из остро стоящих проблем кадрового обеспечения системы государственной власти – несоответствие компетентности кадров требованиям и задачам современного развития государства и общества, регионов и муниципалитетов. Управление компетенциями может стать мощным катализатором перемен и эффективным инструментом преобразования как на национальном, так и региональном уровне.

На практике использование компетентностного подхода означает разработку системы квалификационных требований, предъявляемых либо к отдельным группам госслужащих, например руководителям высшего или среднего звена, либо ко всему персоналу. Работая в данном направлении, исследователи чаще всего не стремятся углубляться в методологические основы предлагаемых систем оценок для кадров регионального управления, зачастую подменяя, в удобной инвариантности, понятия кадрового, личностного и профессионального потенциала. На наш взгляд, правомерность выводов о состоянии кадрового состава современной государственной службы на уровне региона должна быть подтверждена фундаментальностью системы оценки.

Категория «кадры регионального управления», формируя представление о профессиональном и квалификационном составе работников, по существу определяет лишь статическую сторону свойств и качеств, присущих этой

категории. Она не отражает многообразие признаков динамического характера, например их способность решать инновационные задачи, готовность к сотрудничеству и т.д. Более подходящей для этих целей является категория «кадровый потенциал». С одной стороны, она отражает ресурсный аспект рабочей силы, с другой – содержит в себе понятие кадров.

В. Я. Афанасьев и И. К. Корнев определяют кадровый потенциал «как совокупность способностей всех людей, которые заняты в данной организации и решают определенные задачи. Кадровый потенциал заложен в тех функциях, которые он исполняет как профессионал и в силу своих способностей, знаний, опыта» (Афанасьев и др., 1998, с. 48).

Стоит солидаризироваться с позицией С. В. Андреева о том, что «кадровый потенциал – это обобщающая характеристика совокупных способностей и возможностей постоянных работников предприятия, имеющих определенную квалификацию, прошедших предварительную профессиональную подготовку и обладающих специальными знаниями, трудовыми навыками и опытом работы в определенной сфере деятельности эффективно выполнять функциональные обязанности и давать определенные экономические результаты в соответствии с текущими и перспективными целями предприятия» (Андреев, 1997, с. 23).

Данное определение понятия «кадровый потенциал» отражает ресурсный аспект социально-экономического развития предприятия (организации), подчеркивает важность таких категорий, как эффективность профессиональной деятельности, способность работников достигать определенных количественных и качественных результатов. Все это необходимо учитывать при разработке показателей эффективности деятельности кадров регионального управления.

В структуре кадрового потенциала вообще и кадрового потенциала в системе регионального управления в частности можно выделить два компонента: личностный и профессиональный потенциалы. На их взаимосвязь указывают ряд авторов. Например, В. Н. Марков вводит понятие личностно-профессионального потенциала (Марков, 2005).

По сути, личностно-профессиональный потенциал является «порталом», «входом» личности в ту или иную профессию. И от настроенности его структур на некоторую профессиональную деятельность можно говорить о потенциальной успешности реализации личности в той или иной профессиональной среде. Речь идет о количестве знаний, умений, навыков, способностей и задатков, мотивов, целей и ценностей, приводящих индивида к той или иной профессиональной деятельности и формирующих его профессиональный потенциал.

Структура профессионального потенциала определяется его разделением на реализованный и нереализованный потенциалы. Реализованный профессиональный потенциал обуславливается профессиональным опытом специалиста и, в силу процесса постоянного возобновления потенциала человека, проявляется в виде накопленных в ходе профессионального развития «полезных» качеств, знаний, навыков, умений и способностей,

позволяющих обеспечить осуществление профессиональной деятельности с заданным уровнем качества.

Нереализованный профессиональный потенциал определяется ценностно-мотивационной структурой личности работника и определяет направления изменения профессионального потенциала. Эти изменения могут быть как реактивными, определяющимися динамикой развития профессиональной среды и изменениями объективных профессиональных требований, так и активными, преследующими задачи индивидуального развития субъекта деятельности.

Ценностно-мотивационная платформа личности предопределяет профессиональный выбор и интериоризацию профессиональных знаний, актуализирует их дальнейшее использование в профессиональной деятельности и направляет интенсивность формирования профессиональных навыков. Такое понимание профессионального потенциала не просто расширяет видение его структуры, но и дает возможность построить динамическую модель его личностного воспроизводства.

Специфика внутреннего профессионального потенциала в отличие от личностно-профессионального состоит в том, что в него включены знания, умения, навыки, способности, физические и интеллектуальные потенции не просто конкретной профессиональной деятельности, а деятельности конкретного рабочего места, адаптированные к внешним условиям, целям, задачам, специфике руководства. Ценности и мотивы выбора профессии преобразуются на этом уровне в соответствующие элементы выбора конкретной организации, должности и роли индивида в ней. Таким образом, во-первых, понятие профессионального потенциала является более общим, чем понятие внутреннего профессионального потенциала, а во-вторых, данная структура представляет собой более динамичное и ситуативное образование, чем профессиональный потенциал.

Формирование внутреннего профессионального потенциала связано с наличием определенных внутренних и внешних условий. К внутренним условиям могут быть отнесены скорость интериоризационных процессов личности, личностные позиции и ценности, удовлетворенность трудовой деятельностью. Внешние условия, влияющие на объем внутреннего профессионального потенциала, включают в себя стиль руководства, стратегическую ориентацию и тактические цели деятельности, четкость планирования, систему стимулирования, общий эмоциональный фон социальной ситуации деятельности.

Внешний профессиональный потенциал является «опредмеченным» внутренним потенциалом. Использование в конкретной ситуации знаний, умений, навыков, способностей, физических и интеллектуальных потенций, механизм их «двойной интериоризации», в основе которого лежит «апробирование» перечисленных элементов в конкретной профессиональной рабочей ситуации, дает возможность индивиду утверждать, что имеющийся у него профессиональный потенциал действительно применим и востребован. В противном случае, мы в каком-то

смысле говорим о невидимых, неизмеримых потенциях, полезность которых является виртуальной величиной.

Профессиональные компетенции индивида формируют его компетентностный потенциал – зону профессионального перекрытия, которую способен обеспечить работник. Экстраполируя это понятие, можно говорить о существовании компетентностного потенциала органа регионального управления как о совокупности компетенций всех сотрудников, определяющих его функциональные возможности и перспективы.

В основе данного понимания компетентностного потенциала лежит функциональный подход к формированию компетенций. Использование только функциональных границ в определении позволяет отразить идеальную, нормативную модель компетентностного потенциала (мы обозначим это термином функциональный компетентностный заказ), но не учитывает субъективный вклад работников, чьи компетенции могут отражать перспективу функционального развития органов регионального управления (перспективный компетентностный заказ) или, напротив, которых может не хватить для обеспечения реализации функционального поля и его стратегического потенциального развития (компетентностный дефицит).

Таким образом, компетентностный потенциал изначально может быть разделен на функциональный и перспективный, которые по аналогии с профессиональным потенциалом предлагаем в свою очередь разделять на реализованный и нереализованный (рисунок).

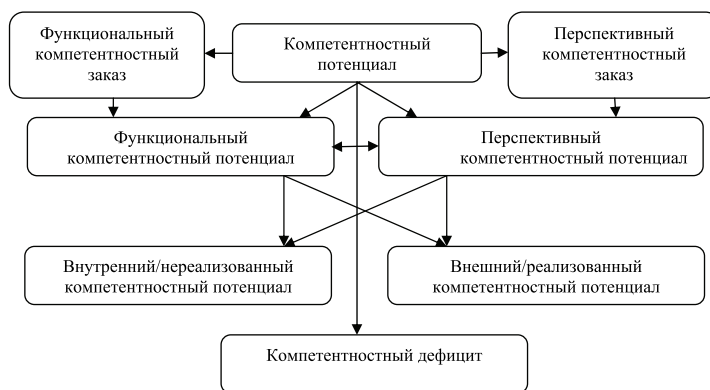

Рис. Структура компетентностного потенциала органов регионального управления

Исходя из представленной модели может быть рассчитан дефицит компетентностного потенциала, представляющий собой разницу между нормативной функциональной и потенциальной компетентностной моделью (заказом) и суммой реализованного и нереализованного компетентностного потенциала. Манипулирование с показателями перспективного компетентностного потенциала дает возможность оценить реализуемость стратегии развития

и осуществить планирование функциональной экспансии исходя из имеющихся кадровых ресурсов.

Верифицируя базовые элементы предлагаемой нами модели, основываясь на проведенных в 2010–2015 годах исследованиях руководителей органов государственного и муниципального управления по проблеме профессионального развития (Белгородская область, N1=202 (государственные служащие), N2=510 (муниципальные служащие), квотные признаки: сфера деятельности, штатная численность органа власти, районирование) и экспертного опроса в 5-ти субъектах Центрального федерального округа (Белгородская, Курская, Орловская, Брянская и Липецкая области, N= 127) (Захаров, 2014, с. 141–154; Захаров, 2016, с. 302–323), мы можем сделать следующие корреляции базовых положений (табл. 1).

Таблица 1

Функциональный компетентностный заказ в сфере регионального управления

Ранг	Знания в какой сфере Вы хотели бы в первую очередь получить в ходе профессиональной подготовки? (не более 5 вариантов)	Показатель, %
1	Психология взаимоотношений	38,12
2	Управление проектами	35,15
3	Инновационный менеджмент	30,69
4	Стратегический менеджмент	25,25
5	Управление персоналом	23,76
6	Саморазвитие и организация личного труда	19,31
7	Информатизация управленческой деятельности	18,32
8	Управление по результатам	17,82
9	Управление рисками	17,82
10	Другое	1,49

Актуальным функциональным компетентностным заказом к кадрам регионального управления в 2013–2014 годы становится формирование компетенций в области психологии взаимоотношений (38,12 %), что обусловлено, с нашей точки зрения, экспансией таких новых форм администрирования, как интерактивное участие и повышение коммуникативной доступности административных кадров. Пик развития проектных форм управления в субъектах РФ объясняет актуальность компетенций в области управления проектами (35,15 %). Стратегически важный инновационный вектор развития региона предопределяет функциональный запрос в области соответствующих компетенций (30,69 %).

Внешняя реализация компетентностного потенциала региональных государственных служащих, по их мнению, должна заключаться, прежде всего, в формировании навыков разработки проектов и программ (38,61 %), стимулировании развития стрессоустойчивости работников (31,68 %) и практических умений по руководству группой и организации деятельности подчиненных (28,71 %) (табл. 2).

**Требования к внешней реализации компетентностного потенциала
в сфере регионального управления**

Ранг	Какими профессиональными навыками Вы хотели бы овладеть в ходе профессиональной подготовки?	Показатель, %
1	Разработки проектов и программ	38,61
2	Стрессоустойчивости	31,68
3	Руководство группой и организация деятельности	28,71
4	Организация эффективного взаимодействия в процессе деятельности	25,25
5	Достижения целей и ожидаемых результатов	24,26
6	Ведения переговоров	24,26
7	Стимулирование творчества и инициативы сотрудников	22,77
8	Разработки и принятия управленческих решений	21,29
9	Видения перспектив и выбора приоритетов	20,79
10	Планирования деятельности	15,84
11	Организация системных улучшений	15,35

Эффективность регионального управления определяется не только его профессиональным потенциалом, но и многими другими факторами. На основании экспертного опроса было выделено 12 факторов, «покрывающих» в основном зону детерминации управленческой эффективности. Затем экспертам было предложено оценить по 5-балльной шкале детерминационную значимость выделенных факторов (табл. 3).

Перечисленные факторы условно следует разделить на три группы в зависимости от их содержания и масштаба действия: 1) профессиональные факторы, связанные непосредственно с состоянием и использованием профессионального потенциала (обозначены пунктами 4, 9, 13–16); 2) системные факторы, связанные с функционированием нынешней системы управления (пункты 1–3, 5–8, 11); 3) внешние факторы (пункты 10, 12, 17). Сложив соответствующие баллы и рассчитав их средние значения, можно сделать вывод о сравнительной значимости факторных групп: 3,9 балла – системные факторы, 3,5 балла – профессиональные факторы, 3,4 балла – внешние факторы.

Итак, интересующие нас профессиональные факторы занимают второе место в детерминации эффективного управления, уступая место системным факторам. Но поскольку действие системных факторов связано опять же с людьми, их профессиональной компетентностью, отношением к служебным обязанностям и гражданскому долгу, то именно данную группу факторов можно рассматривать как приоритетную.

В результате исследования обосновано и предложено решение проблемы агрегирования компетентностных потенциалов регионального управления – индивидуального, должностного, структурного, административного – посредством кумулятивной технологии и компьютерной оценки. Проведенное исследование подтвердило основную гипотезу о том, что повышение эффективности регионального управления возможно посредством формирования

Таблица 3

**Распределение ответов экспертов на вопрос «В какой мере эффективность
регионального управления зависит от следующих факторов?»
(оценка в балах, максимальное значение – 5)**

№№ п/п	Факторы	Сводные данные	Данные по областям				
			Белго- родская	Брян- ская	Курская	Липец- кая	Орлов- ская
1	Чрезмерная бю- рократизация	4,2	4,3	4,5	4,7	3,9	3,4
2	Коррупция	4,2	3,7	4,1	4,7	3,3	4,2
3	Недоверие к ор- ганам власти	4,0	3,9	4,1	4,5	3,7	3,3
4	Некомпетент- ность чиновни- ков	3,9	3,5	4,8	4,3	3,1	3,9
5	Имитация дея- тельности	3,7	3,7	3,5	3,9	3,6	3,9
6	Отсутствие мотивации к эффективной деятельности	3,7	3,9	3,5	3,8	3,7	3,7
7	Использование служебного по- ложения в лич- ных интересах	3,6	3,1	4,1	3,5	3,4	3,7
8	Отсутствие соревнователь- ности в госуда- рственном управ- лении	3,5	3,1	3,7	3,9	3,2	3,8
9	Отсутствие общественного контроля за дея- тельностью	3,4	3,2	4,4	3,3	3,0	3,5
10	Низкий уровень инновационной культуры граж- данских служа- щих	3,5	2,9	3,4	3,9	3,7	3,8
11	Низкий морально- этический уровень госуда- рственных служа- щих	3,2	2,9	3,7	3,6	2,7	3,3

реновационной системы воспроизводства профессионального потенциала государственных служащих.

Библиографический список

Андреев С. В. Кадровый потенциал и проблемы занятости в условиях перехода России к рыночным отношениям. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1997. 360 с.

Афанасьев В. Я., Корнев И. К. Введение в государственное управление. М.: Финстатинформ, 1998. 173 с.

Захаров В. М. Управление профессиональным развитием государственных и муниципальных служащих. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2014. 260 с.

Захаров В. М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления. Белгород: Изд. дом «Белгород», 2016. 324 с.

Марков В. Н. Профессиональный потенциал и зона ближайшего профессионального развития // Акмеологическое исследование потенциала, резервов и ресурсов человека: сб. ст. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 75–88.

Статья получена 9 февраля 2017 года

UDC 3523:321

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-32-42

COMPETENCE POTENTIAL IN ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF REGIONAL MANAGEMENT

Viktor M. Zakharov

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda str.,
Belgorod, 308015, Russia

ORCID: 0000-0001-6152-9651

ResearcherID: D-4660-2017

E-mail: zakharov@bsu.edu.ru

Olesya V. Germanova

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda str.,
Belgorod, 308015, Russia

ORCID: 0000-0001-6748-7958

ResearcherID: D-4653-2017

E-mail: germanova@bsu.edu.ru

The right reference on this paper is:

Zakharov, V. M. and Germanova, O. V. (2017), "Competence Potential in Assessing the Effectiveness of Regional Management", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 32–42. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-32-42.

Introduction. The paper looks at the relevant issues related to the structure of the public service competence potential. The raised requirements addressing the quality and competence of public civil personnel, the establishment of direct and indirect relations between the regional authority efficiency and professionalism of the management, as well as quick evolution of modern forms in professionalization demand one to apply new approaches to assess competence of civil servants.

Aims. The paper serves to propose a structural model for the competence potential of the personnel from the regional administrations, to verify the basic elements of the proposed model through carrying out a survey among the leaders of the state and municipal managing bodies in the issue of professional development and through expert survey in a number of subject in the Central Federal District (Belgorod, Kursk, Oryol, Bryansk and Lipetsk Regions).

Methods. The methods of theoretical research (systems analysis, coming from the abstract to the real, idealization, etc.), as well as the methods of empirical research (survey, comparison, method of expert estimation) are applied in the research.

Results. A set of notions connected with a category “personnel potential” is looked at. Structural model of competence potential of regional administration bodies is developed. The content of the competence potential is empirically identified, and the factors with their impact of the effectiveness of regional management are defined. A solution to the problem of aggregating the competence potentials in regional management through applying the cumulative technology and computer-based assessment is justified and proposed.

Conclusion. Success and effectiveness of regional governance depend, to a large extent, on the use and development of competence potential of regional authorities. The analysis showed that to raise the efficiency of regional governance one requires the development of renovation system to reproduce the professional capacity of state and municipal employees.

Key words: personnel potential; professional potential; personal potential; competence-based potential; competence-based deficiency; regional government efficiency

References

Andreev, S. V. (1997), *Kadrovyy potentsial i problemy zanyatosti v usloviyax perexoda Rossii k rynochnym otnosheniyam* [Personnel Potential and Employment Problems in Conditions of Russian Transition to Market Relations], Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Afanas'ev, V. Y. and Kornev, I. K. (1998), *Vvedenie v gosudarstvennoe upravlenie* [Introduction to Public Administration], Finstatinform, Moscow, Russia.

Zakharov, V. M. (2014), *Upravlenie professional'nym razvitiem gosudarstvennykh i municipal'nykh sluzhashchikh* [Professional Development Management of Civil Servants and Municipal Employees], Izdatel'skiy dom “Belgorod”, Belgorod, Russia.

Zakharov, V. M. (2016), *Renovatsionnaya sistema vosпроизводства professional'nogo potentsiala kak uslovie obespecheniya effektivnosti regional'nogo upravleniya*

[Renovation System to Reproduce the Professional Capacity as a Condition of Regional Management Effectiveness], Izdatel'skij dom "Belgorod", Belgorod, Russia.

Markov, V. N. (2005), "Professional potential and the zone of nearest professional development", *Akmeologicheskoe issledovanie potenciala, rezervov i resursov cheloveka* [Acmeological study of human potential, reserves and resources], Izdatel'stvo RAGS, Moscow, pp. 75–88.

Received 9 February 2017

УДК 338.24

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-43-51

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОДНОГО ИЗ ПРИНЦИПОВ G20/ОЭСР – РОЛЬ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ КОРПОРАЦИИ «ТОЙОТА»)

А. В. ШАШКОВА

канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76
ORCID: 0000-0001-7545-4216
ResearcherID: B-1435-2016
Электронный адрес: a.shashkova@inno.mgimo.ru

Правильная ссылка на статью:

Шашкова А. В. Практическая реализация одного из принципов G20/ОЭСР – роль заинтересованных лиц (на примере корпорации «Toyota») // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 1. С. 43–51. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-43-51.

Введение: в статье раскрываются уровни влияния как различных стейкхолдеров на корпорацию, так корпорации на стейкхолдеров через призму заинтересованных лиц – работников корпорации, на успешном примере Toyota Motor Corporation.

Цель: выявить положительные примеры практического применения одного из шести Принципов корпоративного управления G20/ОЭСР – роль заинтересованных лиц в управлении корпорацией.

Методы: диалектический метод познания социально-политических, юридических и организационных процессов с его принципами развития, целостности, системности; метод системного анализа; исторический метод; частнонаучные методы исследования: формально-логический, сравнительно-правовой.

Результаты: выявлена возможность практического взаимодействия между работниками и менеджментом корпорации на примере Toyota Motor Corporation; доказана практическая реализация принципа участия работников в управлении корпорацией; показана перспектива применения одного из Принципов G20/ОЭСР.

Выводы: для поднятия производительности корпорации требуется: применять на практике Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР; опираться на успешный зарубежный опыт при реализации стратегии управления человеческим капиталом; учитывать конкретные примеры фактической реализации рекомендаций Принципов корпоративного управления G20/ОЭСР. Корпорация «Toyota Motor Corporation» своим примером подтверждает возможность практического применения Принципов, в частности, одного из них – роль заинтересованных лиц – для поднятия производительности корпорации.

Ключевые слова: Toyota; Принципы корпоративного управления; G20/ОЭСР; инновации; стейкхолдер; заинтересованные лица

Соблюдение крупными компаниями принципов должного корпоративного поведения становится все более важным фактором принятия инвестиционных решений. Те компании, которые стремятся в полной мере

воспользоваться возможностями глобальных рынков капитала и привлекать долгосрочный капитал, должны иметь такие механизмы корпоративного управления, которые пользуются доверием, понятны и соответствуют международным принципам (Шихвердиев, 2006). Редакция Принципов корпоративного управления 2015 года отразила некоторую специфику ведения бизнеса национальными, региональными и международными корпорациями. Хотя Принципы G-20/ОЭСР не могут в полной мере учесть правовые, культурные и экономические особенности отдельного государства, что предполагает развитие данных Принципов отдельными корпорациями, но создают благоприятную основу для ведения деятельности в любом регионе.

Если Принципы корпоративного управления ОЭСР 1999 года охватывали пять аспектов корпоративного управления, такие как права акционеров, равное к ним отношение, роль владельцев долей участия в капитале компании, раскрытие информации и прозрачность, а также обязанности советов директоров (Шашкова, 2013, с. 168), то Принципы G-20/ОЭСР, делая фокус на правах акционеров, рассмотрели корпоративное управление со всех сторон: здесь уделяется внимание и правам институциональных инвесторов, и посредникам на рынке ценных бумаг, и заинтересованным лицам, включая интересы наемных работников. Отдельные главы посвящены обязанностям совета директоров и раскрытию информации. В Принципах корпоративного управления G-20/ОЭСР 2015 года содержится 6 разделов:

I. Обеспечение основы для эффективной структуры корпоративного управления.

II. Права акционеров, равное отношение ко всем акционерам и ключевые функции собственности.

III. Институциональные инвесторы, рынки ценных бумаг и иные посредники.

IV. Роль заинтересованных лиц.

V. Раскрытие и прозрачность информации.

VI. Обязанности совета директоров¹.

Наибольший интерес представляет собой анализ роли заинтересованных лиц в осуществлении должного корпоративного управления. Порядок участия заинтересованных лиц в корпоративном управлении упоминается практически в каждом разделе Принципов корпоративного управления G-20/ОЭСР. Кроме того, роли заинтересованных лиц в корпоративном управлении уделяется особое внимание в разделе IV Принципов². Принципы не дают четкого определения заинтересованных лиц. Классическое определение стейкхолдеров – это группы, организации или индивидуумы, на которые влияет компания и от которых она зависит (Гугинс, 2005, с. 80). Данное определение

¹ Принципы корпоративного управления G-20/ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/docserver/download/2615028e.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

² Следует отметить, что в переводе на русский язык используется термин «заинтересованные лица», в то время как в официальном английском варианте текста G20/OECD Principles of Corporate Governance – термин «стейкхолдер (stakeholder)», который, по нашему мнению, более полно отражает суть и значение данного принципа. Поэтому автор в дальнейшем пользуется термином «стейкхолдер».

предложено директором Центра по корпоративному гражданству Бостонского колледжа Бредли Гугинсом. Стейкхолдеров разделяют на две группы: первичные и вторичные. Первичные стейкхолдеры – ближний круг, осуществляющий легитимное и прямое влияние на бизнес: акционеры, клиенты, сотрудники, партнеры по производственной цепочке. Именно этих заинтересованных лиц Принципы корпоративного управления G-20/ОЭСР и рекомендуют учитывать при информировании либо принятии решений корпорацией. Однако бизнесмены по всему миру считают, что необходимо признавать интересы всех групп стейкхолдеров (Мельников, 2014, с. 2), в том числе и вторичных стейкхолдеров. Стейкхолдерами, представляющими дальний круг, или вторичными стейкхолдерами являются местная и государственная власть, другие корпорации, конкуренты, инвесторы, местные сообщества, средства массовой информации, некоммерческие организации, местные активисты, формирующие общественное мнение.

Различные группы стейкхолдеров могут преследовать различные, а иногда и противоречащие друг другу интересы. Если акционеров заинтересованы в материальном доходе корпорации и развитии бизнеса, то сотрудники – в престижности компании и высокой заработной плате. Наиболее требовательные стейкхолдеры, интересы которых следует учитывать для развития бизнеса, – клиенты, наименее – поставщики. При этом интересы клиентов корпорации также могут быть взаимопротиворечащими.

Заинтересованных лиц можно классифицировать на лиц, оказывающих на корпорацию большее или меньшее влияние. В зависимости от своего положения стейкхолдеры подразделяются на тех, кто оказывает влияние на корпорацию и на тех, на кого корпорация оказывает влияние. Так, государство является одним из стейкхолдеров корпорации. Оно, несомненно, может серьезным образом повлиять на корпорацию. Причем оно может выступать как в роли единого института, оказывающего влияние на корпорацию, так и разрозненные представители государственной власти, обладая личными интересами и рычагами влияния, могут воздействовать на корпорацию. Данное влияние может быть оказано на корпорацию в целом либо на отдельных ее представителей, от которых зависит принятие решений: директора, финансовых управляющих, закупщиков (Кудряшова, 2010, с. 12). Одновременно происходит и обратное влияние корпорации на государство. Благодаря корпорациям происходит экономический рост государства, создаются рабочие места, осуществляется экспорт продукции, чтобы обеспечить определенное место государства в мировой экономике. Транснациональные корпорации приобретают в таком свете особую полезность: такие корпорации обычно платят более высокую зарплату, больше экспортируют и большее внимание уделяют новым исследованиям и разработкам.

Кроме государства, местных властей и клиентов, весомое влияние на корпорацию могут оказывать акционеры, ключевые сотрудники, финансисты: в зависимости от того, где сконцентрированы наиболее значительные силы корпорации. Влияние стейкхолдеров на корпорацию может состоять в попытках изменить ход стратегического развития корпорации, уклонении от сотрудничества либо совершении иных враждебных действий. Миноритарные

акционеры также могут оказывать воздействие на корпорацию, злоупотребляя своими правами и подавая многочисленные иски в различные судебные инстанции. Если проанализировать судебную практику в России в отношении оспаривания акционерами совершенных корпорацией сделок без надлежащего предоставления информации акционерам, то можно прийти к следующему выводу: в большинстве случаев акционерам не удавалось добиться признания решений корпорации недействительными. Основаниями для оставления решения в силе являются, как правило, следующие: нарушения закона не причинили акционеру убытки, ограничения прав акционера формально соответствуют законодательству либо не извещение акционеров о проведении собрания не является существенным (Караулин, 2004). Но есть случаи, когда суд защищает права акционеров, которые, по нашему мнению, неочевидно, что соответствуют законодательству. Примечателен в этом отношении случай защиты судом прав акционера, которому были выданы ненадлежащим образом заверенные копии. Суд применил указ Президиума Верховного Совета СССР³, в соответствии с которым копии документа свидетельствуются подписью руководителя или уполномоченного на то должностного лица. Несмотря на то, что требования данного указа не относятся к акционерным обществам, а ни Гражданский кодекс РФ, ни федеральный закон «Об акционерных обществах» не конкретизируют понятие «копия документа», суд встал на сторону акционера и обязал эмитента предоставить копии документов, заверенные печатью эмитента. Таким образом, для российской судебной практики характерно частое злоупотребление миноритарными акционерами своими правами.

Корпорация, имеющая должные практики корпоративного управления, знает, каким образом управлять стейкхолдерами. Обычно методики управления заинтересованными лицами подразделяются на методики установления партнерских отношений со стейкхолдерами и использование приемов для стабилизации и прогнозирования дальнейших действий: маркетинговые исследования, реклама и иные (Heller et al., 2012, с. 160).

Регулирование прав заинтересованных лиц обычно закреплено законодательно. Однако даже когда оно не получает законодательного закрепления, корпорации в своих локальных нормативных актах часто прописывают дополнительные привилегии, которые они предоставляют заинтересованным лицам. В Принципах подчеркивается, что работники корпорации должны иметь возможность участвовать в делах корпорации путем, например, участия наемных работников в советах директоров, установления четких механизмов внесения работниками предложений по ключевым вопросам деятельности корпорации, рассмотрения сообщений об их опасениях относительно незаконных или неэтичных практик корпорации. Интерес вызывают практические примеры воплощения данного принципа.

Корпорация «Toyota Motor Corporation» представляет собой пример управления важной группой стейкхолдеров – работниками корпорации.

³ О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан [Электронный ресурс]: указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.08.1983 г. № 9779-X. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1920/ (дата обращения: 03.02.2017).

Управление компанией «Toyota» до 1980 года осуществлялось по принципу «сверху-вниз»: топ-менеджер регулярно осуществлял проверки, рекомендовал устранить недостатки, давал указания по дальнейшей работе. Работники исполняли свои обязанности на опережение, в ожидании очередной проверки руководителя (Долгов, 2014). С 1980 года в корпорации был введен метод самостоятельного изучения проблем (Liker, 2014, с. 212). Было сформировано ядро производственной системы компании «Toyota», состоящее из следующего: самостоятельный анализ, оценка и ранжирование проблем, глубокое изучение причин проблем, самостоятельная разработка мероприятий, совершенствование производственного участка, высокий уровень мотивации, что потребовало высокой активации и вовлеченности персонала в процесс принятия решений. При этом большое внимание было уделено и уделяется в настоящее время процессу постоянного обучения и тренировки рабочих. Основными отличиями данной системы от старой являются: управление через самостоятельное мышление (ранее – управление через указание руководителя), а также то обстоятельство, что рабочие могут реально зарабатывать, участвовать в процессе распределения прибыли, если их инициатива будет принята на производстве. Корпорация не увольняет рабочих: их могут перевести на другой участок работы. Рабочих обязательно поощряют в случае достижения удовлетворительных результатов, пропагандируют улучшения (Крохмаль, 2014).

Интерес представляет отношение руководства корпорации к допущенному браку. Рабочих никогда не наказывают за это. Более того, поощряется, если рабочий допустил брак, но потом его обнаружил и сообщил об этом компании. Если рабочий в процессе производства обнаруживает, что на следующем этапе брак может быть допущен, он немедленно подает сигнал для менеджера. Следует остановка конвейера! На участок немедленно подходит менеджер, у которого есть 60 секунд для устранения причины остановки. Практически в 100 % случаях проблема решается за 60 секунд. Однако если проблему не удастся решить, то следует оповещение об остановке линии. В корпорации «Toyota» конвейер останавливается по 200–250 раз в день, в то время как в аналогичных американских корпорациях это происходит только 2–3 раза в сутки (Liker, 2010, с. 32). В настоящее время корпорация «Toyota Motor Corporation» считается эффективной инновационной корпорацией, ключевую роль в которой играет группа стейкхолдеров – работников предприятия. Данная корпорация также является примером изменения уровня давления определенной группы стейкхолдеров на компанию и установления партнерских отношений с данной группой для продвижения стратегических интересов компании.

При том что работникам следует уделять должное внимание в надлежащем корпоративном управлении и обеспечивать преимущественную очередность удовлетворения их требований как кредиторов корпорации, существуют и иные группы стейкхолдеров, о которых корпорациям не следует забывать.

Таким образом, принципы корпоративного управления G-20/ОЭСР – это действенный метод, который не только позволяет поднять производительность компании, но и является фундаментом здоровой экономики

государства. Данный рекомендательный международный акт по сути своей является арматурой, скрепляющей политическое управление и корпоративное управление. При этом речь идет о взаимодействии, а не о сращивании государственного и корпоративного управления. Выведение, как на первый взгляд кажется, сугубо предпринимательского вопроса на международный уровень свидетельствует о смене общемировых политических тенденций. В ситуации, когда корпорации с их огромными бюджетами, если речь идет о транснациональных, с их социальной функцией (они являются работодателями и содержат большую часть населения страны) начинают доминировать и на политической арене, пусть и в роли серого кардинала, появляется необходимость налаживать с ними юридическое взаимодействие. Переходя на постиндустриальный этап развития, при этом развиваясь скачками, а не эволюционно, Россия должна внимательно изучать мировой опыт внедрения данных Принципов корпоративного управления. Передовые российские корпорации, такие как ПАО «Сбербанк» или ПАО «Северсталь», учитывают инновационные мировые бизнес-процессы, создают собственные исследовательские центры, внимательно относятся к взаимодействию со стейкхолдерами. Это необходимо для обеспечения устойчивой связи между корпорациями и государством, для развития частного предпринимательства путем строгого исполнения законов (Ракитская, 2012, с. 4). Введение успешных принципов корпоративного управления в отдельной корпорации – это позиция руководства, причем как на уровне компании, так и на уровне государства, заинтересованного во взаимодействии с новыми, но влиятельными политическими акторами, что и было успешно реализовано в корпорации «Toyota».

Библиографический список

Гугинс Б. Переоценка ценностей в бизнес-сообществе // Экономические стратегии. 2005. № 8. С. 80–81.

Долгов М. Ю. Особенности системы мотивации персонала в инновационных организациях [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/164.pdf> (дата обращения: 13.01.2017).

Караулин С. В. Арбитражная практика по защите нарушенных прав акционеров [Электронный ресурс]. URL: http://www.aoreestr.ru/Portals/0/Images/press/2012/8/karulin_3_2004.pdf (дата обращения: 16.01.2017).

Крохмаль И. Производственная система Тойота – Тотал [Электронный ресурс]. URL: http://www.up-pro.ru/library/production_management/systems/total-toyota.html (дата обращения: 07.01.2017).

Кудряшова Е. В. Принцип финансового обеспечения публичного планирования в Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 7. С. 11–14.

Мельников Н. С. Участие стейкхолдеров в формировании стоимости компании // Мир современной науки. 2014. № 1. С. 1–8.

Ракитская И. А. Общая характеристика законодательного процесса в зарубежных странах // Законодательный процесс в зарубежных странах / Под ред. Ю. И. Лейбо. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 3–16.

Шапкина А. В. Борьба с легализацией незаконных доходов в контексте соблюдения конституционных прав граждан. М.: МГИМО-Университет, 2013. 168 с.

Шихвердиев А. П. Сущность и структура корпоративного управления // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера. 2006. № 1. С. 6–27.

Heller V. L., Darling J. R. Anatomy of Crisis Management: Lessons from the Infamous Toyota Case // European Business Review. 2012. Vol. 24, № 2. P. 151–168. DOI: 10.1108/09555341211204017.

Liker J. K. The Way Back for Toyota // Industrial Engineer. 2010. Vol. 42, № 5. P. 28–33.

Liker J. K. Toyota and Kiichiro Toyoda: Building a Company and a Production System Based on Values / Handbook of East Asian Entrepreneurship / Ed. by Fu-Lai Tony Yu, Ho-Don Yan. Routledge, 2014. P. 204–213. DOI: 10.4324/9781315765693.

Статья получена 22 января 2017 года

UDC 338.24

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-43-51

IMPLEMENTATION OF ONE OF G20/OECD PRINCIPLES OF CORPORATE GOVERNANCE – STAKEHOLDERS' ROLE (TOYOTA CASE STUDY)

Anna V. Shashkova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76 Vernadskiy Prospekt, Moscow, 119454, Russia

ORCID: 0000-0001-7545-4216

ResearcherID: B-1435-2016

E-mail: a.shashkova@inno.mgimo.ru

The right reference on this paper is:

Shashkova, A. V. (2017), "Implementation of One of G20/OECD Principles of Corporate Governance – Stakeholders' Role (Toyota Case Study)", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 43–51. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-43-51.

Introduction. The present paper considers the implementation of one of the six G20/OECD Principles of Corporate Governance – the role of stakeholders in the management of a corporation. Stakeholders refer to a large group of different involved people of a corporation. The author does not deny the role of other stakeholders in the management of the corporation, but the Toyota Motor Corporation case shows the importance to focus on the role of stakeholders in the management of a corporation.

Aims. The paper serves to identify some positive examples of practical implementation of one of six G20/OECD Principles of Corporate Governance – the role of stakeholders in the corporation management.

Methods. The following methods are applied in the research: dialectical cognition of socio-political, legal and organizational processes with its principles of development, integrity, system; systems analysis; historical method; special methods: formal-logical, comparative-legal approaches.

Results. The problem of the stakeholders' role in the management of Toyota Motor Corporation is analyzed from historical point of view with application of the historical method and of the analysis object method.

Conclusion. The author makes a general conclusion on the example of practical interaction between workers of Toyota Motor Corporation and management of the corporation. The idea of workers' participation in the management of the corporation has lead Toyota Motor Corporation into the level of prosperous innovative corporations. The analyses of the present experience makes it possible to understand the practical use of G20/OECD Principles of Corporate Governance. The example of Toyota Motor Corporation confirms the practicability of G20/OECD Principles of Corporate Governance, in particular one of them – the stakeholders' role in the management of a corporation – to increase the corporation's efficiency. The example of Toyota Motor Corporation confirms the practicability of G20/OECD Principles of Corporate Governance, in particular one of them – role of interested parties in the management of a corporation – for increasing the efficiency of the corporation.

Key words: Toyota; Principles of Corporate Governance; G20/OECD; innovation; stakeholder; involved people

References

Gugins, B. (2005), "Revaluation of Values in Business Community", *E'konomicheskie strategii*, no. 8, pp. 80–81.

Dolgov, M. Y. (2014), "The Features of the Creation of the System of the Personnel Motivation in the Innovative Organizations", *Modern Problems of Science and Education*, no. 5 [Online], available at: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/5/164.pdf> (Accessed 13 January 2017).

Karaulin, S. V. (2004), "Arbitration Practice in Defending Shareholders' Rights" [Online], available at: http://www.aoreestr.ru/Portals/0/Images/press/2012/8/karulin_3_2004.pdf (Accessed 16 January 2017).

Krohmal', I. (2010), "Production System of Toyota – Total" [Online], available at: http://www.up-pro.ru/library/production_management/systems/total-toyota.html (Accessed 7 January 2017).

Kudryashova, E. V. (2010), "Principle of Financial Provision of Public Planning in Russian Federation", *Finansovoe pravo*, no. 7, pp. 11–14.

Me'nikov, N. S. (2014), "Stakeholder Participation in the Formation of the Company's Value", *Mir sovremennoj nauki*, vol. 23, no. 1, pp. 1–8.

Rakitskaya, I. A. (2012), "General Characteristics of the Legislative Process in Foreign Countries", in Leibo, Y. I. (ed.), *Zakonodatel'nyj process v zarubezhnyh stranah* [Legislative Process in Foreign Countries], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia, pp. 3–16.

Shashkova, A. V. (2013), *Bor'ba s legalizaciej nezakonnyh dohodov v kontekste sobljudenija konstitucionnyh prav grazhdan* [Anti-Money Laundering Fight in the Context of the Constitutional Rights], MGIMO-University, Moscow, Russia.

Shihverdiev, A. P. (2006), “Essence and Structure of Corporate Governance”, *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie e'konomiki Severa*, no. 1, pp. 6–27.

Heller, V. L. and Darling, J. R. (2012), “Anatomy of Crisis Management: Lessons from the Infamous Toyota Case”, *European Business Review*, vol. 24, no. 2, pp. 151–168. DOI: 10.1108/09555341211204017.

Liker, J. K. (2010), “The Way Back for Toyota”, *Industrial Engineer*, vol. 42, no. 5, pp. 28–33.

Liker, J. K. (2014), “Toyota and Kiichiro Toyoda: Building a Company and a Production System Based on Values”, in Fu-Lai Tony Yu and Ho-Don Yan (ed.), *Handbook of East Asian Entrepreneurship*, Routledge, UK, pp. 204–213. DOI: 10.4324/9781315765693.

Received 22 January 2017

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

УДК 330

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-52-61

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ К ШЕСТОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ

А. А. УРАСОВА

канд. экон. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-0598-5051

ResearcherID: D-3661-2017

Электронный адрес: annaalexandrowna@mail.ru

Правильная ссылка на статью:

Урасова А. А. Ключевые аспекты перехода экономической системы к шестому технологическому укладу // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 52–61. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-52-61.

Введение: учет динамики развития технологических укладов, понимание и использование основных движущих сил, приводящих к расширению использования передовых технологий в производстве, открывает перед Россией возможность развития отраслей шестого технологического уклада, что может способствовать переходу на инновационный путь развития. Необходимость такого перехода для нашей страны и обусловила актуальность данной работы.

Цель: выявить ключевые аспекты перехода к шестому технологическому укладу, связанному с включением в производство человеческого сознания, способного стать самостоятельной производительной силой.

Методы: методологической основой исследования стал системный анализ, представляющий собой последовательность действий по установлению структурных связей между основными элементами региональной экономики.

Результаты: автором выделены ключевые аспекты перехода к шестому укладу, которые рассмотрены в двух направлениях: фундаментальная наука и модель экономической системы.

Выводы: в сфере фундаментальной науки можно наблюдать появление множества теорий и концепций, обосновывающих закономерности социально-экономического развития на фоне кризиса в научной сфере на государственном уровне, возникновение большого числа технических и технологических новаций, а также процессы синтеза достижений

по ключевым технологическим направлениям. При этом модель экономического развития характеризуется наличием кризисных явлений, многоукладностью развития, требующих существенных технико-технологических прорывов.

Ключевые слова: технологический уклад; экономический кризис; QWERTY-эффект; техно-ценоз; структурно-демографическая модель

Явление технологического уклада в развитии рыночной экономики рассматривали многие экономисты с середины XIX века. В конце XIX – начале XX веков о технологических укладах писали: К. Маркс, Ф. Энгельс, М. И. Туган-Барановский, К. Виксель, В. Парето, Р. Гильфердинг, К. Каутский, А. Афталион, Г. Мур, Ж. Лесюр и др. Таким образом, к середине XX столетия сложилось мощное поле для исследований в данном направлении.

В XX веке сформировалось определение понятия «технологический уклад», под которым понимаются различные формы общественного хозяйства, базирующиеся на соответствующих формах собственности на средства производства.

В условиях экономического кризиса и вызванных им существенных изменений социально-экономической и политической действительности жизненно важным для многих регионов становится вопрос о возможности промышленного прорыва и перехода к шестому технологическому укладу, в основе которого лежат приборо- и роботостроение, биокомпьютерные системы и биомедицина, о чем пишут многие исследователи (Лаврикова, 2017). Элементы последующего технологического уклада всегда возникают в недрах предыдущих укладов. В этой связи, целью данной статьи является выявление ключевых аспектов перехода к шестому технологическому укладу, связанному с включением в производство человеческого сознания. То есть человеческое сознание может стать самостоятельной производительной силой, а соответствующие технологии можно обозначить как когнитивные (рис. 1). До настоящего времени производство продукта не требовало прямого участия человеческого сознания.

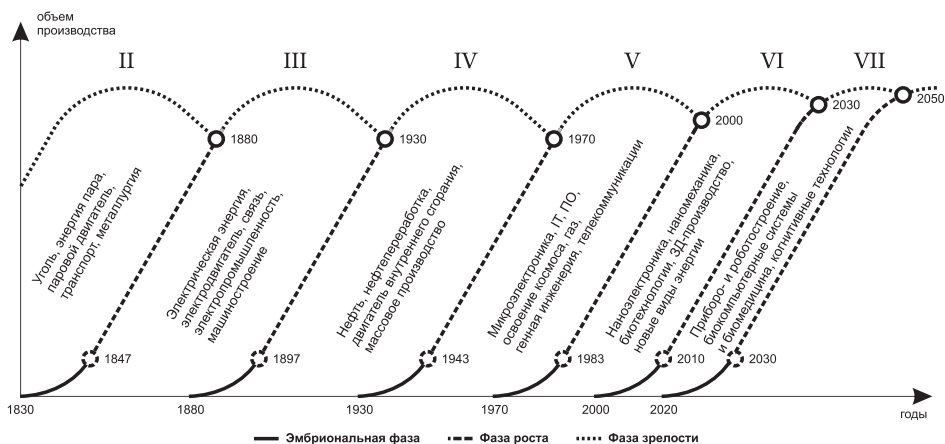

Рис. 1. Смена технологических укладов

Теория технологических укладов активизировала исследовательские процессы исторической динамики (как в экономической сфере, так и в иных сферах общественной жизни). В результате появилось довольно большое число теорий, концепций, касающихся обоснования закономерностей исторического развития. Среди прочих стоит упомянуть теорию инновационного развития Брайана Артура (Arthur, 1990), теорию техноценоза (Фуфаев, 1989; Фуфаев, 1991a; Фуфаев, 1991b), структурно-демографические модели П. В. Турчина (Турчин, 2010). Представляется целесообразным рассмотреть основные положения данных теорий, поскольку их появление свидетельствует о зарождении шестого технологического уклада.

В 80-е годы XX века стали возникать идеи о зависимости настоящего от предшествующего развития для социально-экономических институтов, что схоже с зависимостью от предшествующего развития в сфере технологий, так как обе они основываются на абсолютной ценности адаптации к существующей практике (отклонения от нее оказываются затратными). В этот период появляется понятие технических инноваций и QWERTY-эффектов, а применительно к институциональным инновациям – понятие «path dependence» (Margolis et al., 1998), то есть зависимость от предшествующего развития.

Многие исследователи (Arthur, 1990) стали применять теорию зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов, что позволило выделить их альтернативные издержки и сделать выводы об эффективности выбора в точках бифуркации социально-экономического развития. Можно сказать, что эта теория базируется на метанаучной синергетической парадигме (Бородкин и др., 1992; Бородкин, 2003). Центральным понятием данной теории является QWERTY-эффекты (David, 2000). Под ними понимаются все виды относительно неэффективных, но устойчивых стандартов, которые можно выявить, сравнивая реально сосуществующие технические стандарты, а также сопоставляя реализованные технические инновации с потенциально возможными реализованными новациями.

Теория QWERTY-эффектов появилась по нескольким причинам. Прежде всего, речь идет о превышении сроков физического износа над сроками морального износа оборудования. Теория QWERTY-эффектов в этом случае предлагает минимизировать разницу между сроками морального и физического износа оборудования (Liebowitz et al., 2000), т.е. предлагает выпускать товары с коротким сроком эксплуатации. В качестве второй причины можно обозначить взаимосвязанность элементов системы (так называемые сетевые эффекты). Здесь предлагается раздробить систему технологий или институтов, чтобы уменьшить возможность QWERTY-эффектов. В-третьих, эффект экономии на масштабе, который действует преимущественно в самых передовых отраслях промышленности и сфере услуг. И, наконец, четвертая причина – меняющаяся предельная отдача – фактор, который необходимо прогнозировать, равно как и его последствия (Liebowitz et al., 2000). Таким образом, из названных четырех причин QWERTY-эффектов ограничено повлиять реально лишь на первую и четвертую. Это означает, что преодолеть негативные последствия зависимости от предшествующего развития невозможно, а можно только их минимизировать.

Значительное место в развитии теории технологических укладов занимает теория техноценоза (Фуфаев, 1991b). Под техноценозом понимается сложная система типа производство, предприятие, город, промышленный регион, отрасль, страна. Данный термин приобрел широкую популярность и является одной из основных проблем в теоретическом исследовании технетики (Кудрин, 1993), при решении практических задач рыночной экономики. Необходимо отметить, что структура ценозов описывается как дискретными, так и непрерывными величинами, для чего используются описания видовым Н-распределением и ранговым Н-распределением (Фуфаев, 1991a) соответственно. В частности, данная теория была рассмотрена на примере управления инфраструктурой множества предприятий выделенного мегаценоза (Фуфаев, 1991a) – совокупности ценозов различной природы и назначения выделенной территориально-административной системы с целью создания конкурентоспособной предпринимательской среды.

Исследования в данном направлении доказали (Глазьев и др., 2009; Каблов, 2010; Львов и др., 1986), что Российская Федерация на десятки лет отстала от процессов, формирующих социально-политико-экономические структуры (Рыбцев, 2011), в которых обеспечено действие естественного и информационного отбора в условиях рыночной экономики, управляемой посредством применения объективных законов развития систем, являющихся био-, техно-, социо-, информценозами (Кудрин и др., 1994). В то время как развитые капиталистические страны сформировали собственные социально-экономические пространства по принципам, родственным ценозам, что обусловило их стабильное развитие.

Множество предприятий существующей социально-экономической системы (города, региона, страны) обеспечивают функционирование ценоза и образуют его инфраструктуру, рассматриваемую как единое целое и характерную для ограниченного пространства, где сформировались определенные условия, которые могут изменяться под действием совокупности внешних и внутренних факторов.

Таким образом, концепция рыночной экономики как саморегулирующейся системы получает свое выражение и формализацию, а также динамичное развитие в теории динамики структуры ценозов (Паршин и др., 2014), которая позволяет учесть аккумулированный опыт и разработать экономическую программу стремительной эволюции от нерыночной к развитой рыночной экономике.

Нестандартным представляется и подход П. В. Турчина (Турчин, 2010), который создал структурно-демографические модели. Основные особенности его подхода заключаются в следующем: вербально сформулированные теории могут трансформироваться в математические модели; количественные прогнозы создаются на основе нескольких альтернативных теорий или моделей; эмпирической проверке подвергается только та из моделей, которая прогнозирует исходные данные максимально достоверно. Эти положения П. В. Турчин применил к социальным и историческим вопросам, что получило название клиодинамики (Турчин, 2010), т.е. источника теорий и моделей, направляющих эмпирические исследования.

Как мы видим, многие авторы пытались обосновать закономерности социально-экономических изменений и спрогнозировать развитие социально-экономической системы. Общим положением обозначенных систем является то, что экономика отдельно взятой страны не может принадлежать единственному технологическому укладу (Нуреев и др., 2006). Существуют расчеты процента принадлежности страны, региона действующему на определенном этапе развития технологическому укладу. В современных условиях передовыми технологиями в большей мере обладают экономики США, Японии и КНР. В частности, в США доля производительных сил четвертого технологического уклада составляет порядка 20 %, пятого – 60 % и около 5 % относится к шестому укладу (Паршин и др., 2014). Япония занимает первое место среди развитых инновационных стран, что обусловлено синтезом всех ключевых отраслей инновационной сферы (Паршин и др., 2014), в которую включены государство, научно-исследовательские институты и бизнес-структуры.

Говоря о России, стоит отметить, что доля технологий пятого уклада составляет порядка 10 % (в сфере военно-промышленного комплекса и авиакосмической промышленности), более 50 % технологий относится к четвертому укладу, более 30 % – к третьему укладу, около 10 % – ко второму (Паршин и др., 2014). Отсюда видно, что переход к шестому технологическому укладу требует опережающего развития в сфере науки и динамичной реализации большинства ее достижений. А это влечет за собой необходимость изменения форм и методов управления (Николис и др., 1979), организации и финансирования работ с целью выделения науки в самостоятельную отрасль экономики, что обуславливает активизацию в области фундаментальных научных исследований.

Следовательно, переход к шестому технологическому укладу ставит комплекс задач, связанных с синтезом достижений по ключевым технологическим направлениям (Глазьев и др., 2009) (сфера био- и нанотехнологий, геномной инженерии, мембранных и квантовых технологий, микромеханики, фотоники, термоядерной энергетики и др.), созданием искусственного интеллекта.

Необходимость перехода к шестому технологическому укладу для России определена рядом специфических факторов, наиболее значимым из которых является технологическое отставание экономики Российской Федерации от стран-лидеров.

Переход национальной экономики к новому укладу является длительным и разнонаправленным процессом, несущим в себе массу сопутствующих рисков (Коуэн, 2004): например, риск потери инвестиционных вложений во внедрение и производство технологий нового уклада, что порождает проблему недоверия иностранных инвесторов.

Согласно теории Н. Д. Кондратьева, переход от одного технологического цикла к другому непременно сопровождается постоянным системным кризисом, о чем свидетельствуют события предшествующих кризисов (1998, 2008, 2014 годов). Кроме того, существует риск несвоевременного выхода из кризиса, под угрозой стоит стратегическая цель сокращения отставания России от передовых стран.

Таким образом, представляется целесообразным обозначить элементы перехода к шестому технологическому укладу (табл. 1).

Ключевые аспекты перехода к шестому технологическому укладу

Сфера	Составляющие перехода
Фундаментальная наука	Появление множества теорий и концепций, обосновывающих закономерности социально-экономического развития на фоне кризиса в научной сфере на государственном уровне.
	Появление большого числа технических и технологических новаций.
	Процессы синтеза достижений по ключевым технологическим направлениям.
Модель экономической системы	Появление кризисных явлений в экономике.
	Многоукладный характер экономики, требующий существенных технико-технологических прорывов в условиях сохранения конкурентоспособности экономики.
	Внедрение инноваций (рост основных показателей).

Считаем, что ключевыми направлениями на этапе перехода к шестому технологическому укладу становятся наука, как самостоятельная сфера общественной жизни (наука фундаментальная), и модель экономической системы. В научной сфере на фоне кризиса на государственном уровне (кризис системы управления) в условиях перехода можно наблюдать существенную активизацию исследований, направленных на выявление закономерностей социально-экономического развития как страны, так и отдельного региона, которые, являясь элементом нового уклада, одновременно способствуют кристаллизации других элементов, имманентных научной сфере (рис. 2).

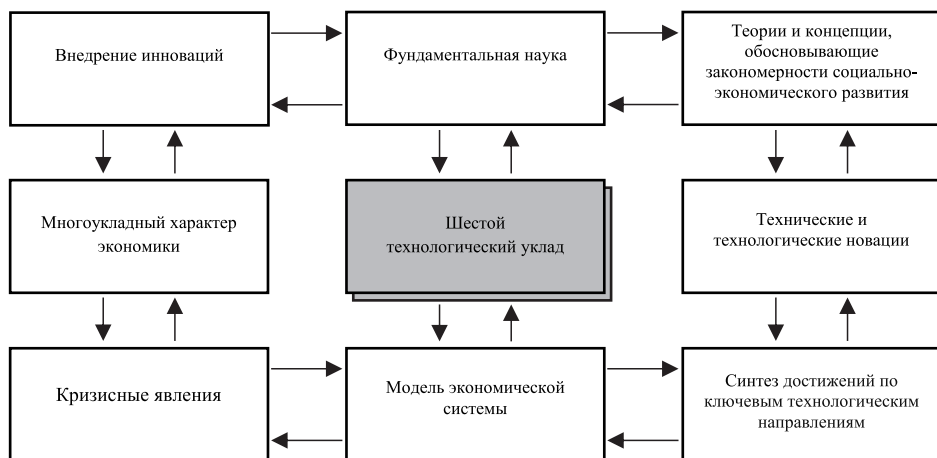

Рис. 2. Ключевые аспекты перехода к шестому технологическому укладу

Кроме того, неперенным элементом нового уклада становятся технические и технологические новации, внедрение которых в производство постепенно возрастает, что приводит к синтезу достижений по ключевым технологическим направлениям. В модели экономической системы при этом наблюдается кризис либо цикл кризисов, что на фоне сосуществования нескольких технологических укладов делает необходимым технико-технологический прорыв, т.е. переход к новому укладу.

Библиографический список

Бородкин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 98–118.

Бородкин Л. И., Свищев М. А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Математические методы в исторических исследованиях / Отв. ред. Л. В. Милов, В. Л. Мальков. М.: Наука, 1992. С. 348–365.

Глазьев С. Ю. Харитонов В. В. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: Тривант, 2009. 304 с.

Коуэн Р. Зависимость от предшествующей траектории развития, причинная связь и экономическая политика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2, № 4. С. 20–28.

Каблов Е. Н. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. С. 55–67.

Кудрин Б. И. Введение в технетику. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. 552 с.

Кудрин Б. И., Жилин Б. В., Лагуткин О. Е., Ошурков М. Г. Ценологическое определение параметров электропотребления многономенклатурных производств. Тула: Приокское кн. изд-во, 1994. 122 с.

Лаврикова Ю. Г. Переход технологического развития экономики России на VI–VII уклады (презентация Power Point) [Электронный ресурс]. URL: <https://cloud.mail.ru/public/843W/ebJPTqC2g> (дата обращения: 18.02.2017).

Львов Д. С., Глазьев С. Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. 1986. № 5. С. 22–34.

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979. 512 с.

Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предыдущего развития и как ее изучают российские экономисты // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 118–129.

Паршин М. А., Круглов Д. А. Переход России к шестому технологическому укладу: возможности и риски [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/05/33059> (дата обращения: 19.11.2016).

Рыбцев В. В. Переход к шестому технологическому укладу как механизм перехода к инновационному пути развития // Креативная экономика. 2011. № 4. С. 3–8.

Турчин П. В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории. М.: URSS, 2010. 365 с.

Фуфаев В. В. Оптимизация структуры техноценозов // Электрификация металлургических предприятий Сибири: сб. Вып. 6 / Под ред. Б. И. Кудрина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1989. С. 151–159.

Фуфаев В. В. Структурно-топологическая устойчивость динамики ценозов // Кибернетические системы ценозов: синтез и управление. М.: Наука, 1991а. С. 18–26.

Фуфаев В. В. Оптимизация Н-распределения по интервальным моделям целевых функций // Техничко-экономические проблемы оптимизации режимов электропотребления промышленных предприятий. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1991б. С. 31–32.

Arthur B. Positive Feedbacks in the Economy // Scientific American. 1990. Vol. 262, № 5. P. 92–99.

David P. A. Path Dependence, Its Critics, and the Quest for “Historical Economics” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.siepr.stanford.edu/workp/swp00011.pdf> (дата обращения: 08.02.2017).

Liebowitz S. J., Margolis S. E. Winners, Losers and Microsoft. Oakland: The Independent Institute, 2000. 201 p.

Margolis S. E., Liebowitz S. J. Path Dependence // The New Palgrave Dictionary of Economics and Law / Ed. by P. Newman. L.: Palgrave Macmillan, 1998. 154 p. DOI: 10.1007/978-1-349-14286-6.

Статья получена 20 февраля 2017 года

UDC 330

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-52-61

KEY ASPECTS OF THE ECONOMIC SYSTEM TRANSITION TO THE SIXTH TECHNOLOGICAL ORDER

Anna A. Urasova

Perm State University, 15 Bukirev str., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0002-0598-5051

ResearcherID: D-3661-2017

E-mail: annaalexandrowna@mail.ru

The right reference on this paper is:

Urasova, A. A. (2017), “Key Aspects of the Economic System Transition to the Sixth Technological Order”, *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 52–61. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-52-61.

Introduction. Given the dynamics of technological structures, understanding and use of the main driving forces leading to the increased use of advanced technologies

in production provide the possibilities of the Russian branches of the sixth technological structure that can facilitate the transition to an innovative path of development. The necessity of such a move for our country determines the relevancy of this work.

Aims. The focus of the paper is to identify the key aspects in the transition to the sixth technological order specified by the introduction of human conscience into the production process, this conscience being able to become an independent production force. The methodological basis of the study is the analysis of the system, which is a sequence of actions taken to establish structural links between the main elements of the regional economy.

Methods. The methodological basis of the research is a systems analysis, which is a sequence of actions to establish structural links between the main elements of regional economy.

Results. The author highlights the key aspects of the transition to the sixth order, which lies in two areas: basic research and model of the economic system.

Conclusion. In the field of basic science we can observe the advent of multiple theories and concepts justifying the patterns of socio-economic development in the context of the crisis in the scientific field at the state level, the advent of a large number of technical and technological innovations, as well as the processes of achievement synthesis in key technology areas. This model of economic development is characterized by the crisis and a mixed development that requires significant technical and technological breakthroughs.

Key words: technological way; the economic crisis; a QWERTY-effect; technocenosis; structural and demographic model

References

Borodkin, L. I. (2003), "Order Out of Chaos": the Concept of Synergy in the Methodology of Historical Research", *Modern and Current History Journal*, no. 2, pp. 98–118.

Borodkin, L. I. and Svishchev, M. A. (1992), "Retro Forecasting Social Dynamics of before collective farmers: the Use of Simulation and Alternative Models", in Milov, L. V. and Mal'kov, V. L. (ed.), *Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv.: Matematicheskie metody v istoricheskix issledovaniyax* [Russia and the United States at the Turn of XIX–XX Centuries: Mathematical Methods in Historical Research], Nauka, Moscow, Russia, pp. 348–365.

Glazyev, S. Y. and Kharitonov, V. V. (2009), *Nanotexnologii kak klyuchevoj faktor novogo texnologicheskogo uklada v ekonomike* [Nanotechnologies as a Key to a New Technological Structure of the Economy], Trovant, Moscow, Russia.

Cowan, R. (2004), "Path Dependence, a Causal Relationship and Economic Policy", *Terra Economicus*, vol. 2, no. 4, pp. 20–28.

Kablov, E. N. (2004), "Sixth Technological Order", *Nauka i zhizn*, no. 4, pp. 55–67.

Kudrin, B. I. (1993), *Vvedenie v texnetiku* [Introduction to Technetika], Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, Russia.

Kudrin, B. I., Jilin, B. V., Lagutkin, O. E. and Oshurkov, M. G. (1994), *Cenologicheskoe opredelenie parametrov elektropotrebleniya mnogonomenklaturnyx*

proizvodstv [Rank Analyses of Power Consumption Parameters of Multiproduct Industries], Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tula, Russia.

Lavrikova, Y. G. (2017), "Transition of Technological Development of the Russian Economy on the VI–VII Order" (Power Point presentation) [Online], available at: <https://cloud.mail.ru/public/843W/ebJPTqC2g> (Accessed 18 February 2017).

Lvov, D. S. and Glazhev, S. Y. (1986), "Theoretical and Applied Aspects of Management of Scientific and Technical Progress", *Ekonomika i matematicheskie metody*, no. 5, pp. 22–34.

Nicolis, G. and Prigozhin, I. (1979), *Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh* [Self-Organization in Non-Equilibrium Systems], Mir, Moscow, Russia.

Nureev, R. and Latov, Y. (2006), "What Is Path Dependence and How Russian Economists study it", *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 118–129.

Parshin, M. A. and Kruglov, D. A. (2014), "Crossover of Russia to the New Technological Mode: Opportunities and Risks", *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, no. 5 [Online], available at: <http://web.snauka.ru/issues/2014/05/33059> (Accessed 19 November 2016).

Ryabtsev, V. V. (2011), "Transition to the Sixth Technological Lifestyle as Mechanism of Transition to Innovative Way of Development", *Journal of Creative Economy*, no. 4, pp. 3–8.

Turchin, P. V. (2010), *Istoricheskaya dinamika: na puti k teoreticheskoy istorii* [Historical Dynamics: Towards a Theoretical History Lane], URSS, Moscow, Russia.

Fufaev, V. V. (1989), "Optimization technocenosis structure", in Kudrin, B. I. (ed.), *E'lektrifikatsiya metallurgicheskikh predpriyatij Sibiri* [Electrification of the Metallurgical Enterprises of Siberia], vol. 6, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, Russia, pp. 151–159.

Fufaev, V. V. (1991a), "Structural and Topological Stability of Cenoses Dynamics", in *Kiberneticheskie sistemy cenozov: sintez i upravlenie* [Cybernetic Cenoses System: Synthesis and Management], Nauka, Moscow, Russia, pp. 18–26.

Fufaev, V. V. (1991b), "Optimization of H-distribution on Interval Models of Target Functions", in *Texniko-e'konomicheskie problemy optimizatsii rezhimov e'lektropotrebleniya promyshlennyykh predpriyatij* [Technical and Economic Problems of Optimization of Power Consumption Modes of Industrial Enterprises], Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Chelyabinsk, Russia, pp. 31–32.

Arthur, B. (1990), "Positive Feedbacks in the Economy", *Scientific American*, Vol. 262, no. 5, pp. 92–99.

David, P. A. (2000), "Path Dependence, Its Critics, and the Quest for "Historical Economics" [Online], available at: <http://www.siepr.stanford.edu/workp/swp00011.pdf> (Accessed 8 February 2017).

Liebowitz, S. J. and Margolis, S. E. (2000), *Winners, Losers and Microsoft*, The Independent Institute, Oakland, USA.

Margolis, S. E. and Liebowitz, S. J. (1998), "Path Dependence", in P. Newman (ed.), *The New Palgrave Dictionary of Economics and Law*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Received 20 February 2017

УДК 316.334.56:331.2(470.43)

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ: ОПЫТ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

М. С. ГУСЕВА

канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
ORCID: 0000-0002-1910-8869
ResearcherID: D-6901-2017
Электронный адрес: gusevams@yandex.ru

Ю. Р. ГАББАСОВА

студентка 3 курса профиля «Региональная экономика»
ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141
ORCID: 0000-0002-6806-9210
ResearcherID: D-5045-2017
Электронный адрес: y_gabbasova@mail.ru

Правильная ссылка на статью:

Гусева М. С., Габбасова Ю. Р. Комплексное развитие моногородов: опыт Самарской области // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.

Введение: устойчивое развитие государства, а также его отдельных регионов в значительной степени зависит от территорий особого типа – моногородов. В России насчитывается 319 монопрофильных муниципальных образований, 100 из которых с наиболее сложным социально-экономическим положением. В 206 моногородах уровень регистрируемой безработицы превышает среднероссийский показатель. Сохраняющаяся зависимость моногородов от работы градообразующих предприятий, низкое качество городской среды обуславливают необходимость поиска эффективных инструментов поддержки и развития монопрофильных территорий.

Цель: исследование условий и современных тенденций социально-экономического развития монопрофильных территорий Самарской области и обобщение опыта региона в решении задач комплексного развития моногородов (на примере г.о. Тольятти).

Методы: системный анализ, метод сравнений и аналогий, метод обобщений, контент-анализ, методы статистического анализа, применение которых позволило обеспечить достоверность исследования и обоснованность теоретических выводов и предложений.

Результаты: систематизированы традиционные и новые инструменты государственной поддержки монопрофильных территорий на федеральном и региональном уровнях управления; представлен анализ условий и тенденций социально-экономического развития г.о. Тольятти в период 2010–2015 годов; обобщена практика Самарской области в сфере государственной поддержки монопрофильных городских округов на примере г.о. Тольятти; выявлены существующие ограничения, затрудняющие реализацию проектов комплексного развития г.о. Тольятти.

Выводы: основными барьерами, препятствующими получению положительного эффекта от использования инструментов господдержки, являются существующие ограничения в сфере занятости г.о. Тольятти: узконаправленная кадровая специализация, отток высококвалифицированных специалистов; менталитет жителей. Снятие существующих

ограничений в комплексном социально-экономическом развитии г.о. Тольятти представляется возможным по нескольким направлениям: успешное функционирование территории опережающего развития (ТОР); создание инжинирингового центра; формирование новой образовательной системы; повышение качества городской среды. Инструментами государственной поддержки г.о. Тольятти будут выступать как традиционные инструменты – субсидии инвесторам и льготное налогообложение в рамках существующей особой экономической зоны «Тольятти», так и новые – «Фонд развития моногородов», режим «ТОР», проектное управление на основе программы «Комплексное развитие моногородов». Особое внимание в Самарской области уделяется формированию команд, управляющих проектами развития моногородов и информационно-консультационному сопровождению проектов развития моногородов.

Ключевые слова: моногорода; государственная поддержка; комплексное развитие; территория опережающего развития; проекты, программы; Тольятти; Самарская область

Главным отличием моногородов от городских поселений является сильная зависимость социально-экономической ситуации в городе от деятельности одного или нескольких предприятий, производящих однородную продукцию. Большая часть градообразующих предприятий были сформированы еще в советское время, когда они создавались по плану развития отрасли. Производственная база этих предприятий на сегодняшний день является устаревшей, продукция имеет низкую конкурентоспособность, что становится причиной сокращения производства. Финансовые проблемы градообразующего предприятия постепенно перерастают в социально-экономические проблемы целого города.

В нашей стране насчитывается 319 монопрофильных муниципальных образований, 100 из которых находятся в наиболее сложном положении. По результатам проведенного Минэкономразвития России комплексного мониторинга социально-экономического положения монопрофильных территорий Российской Федерации, на 1 января 2016 года численность населения в них составила 13,6 млн чел. В 206 моногородах уровень регистрируемой безработицы превысил среднероссийский показатель, в том числе в 84 городах превышение составило два и более раза¹. Перманентный кризис в моногородах усугубляется в условиях нестабильности национальной экономики. Осознание проблемы управления экономикой монопрофильных муниципальных образований побуждает исследователей к поиску оптимального решения их комплексного развития.

Интерес к изучению проблематики монопрофильных территорий зародился в научной среде уже давно и в современных условиях только возрастает. Исследованию проблем и поиску вариантов поддержки моногородов России посвящены работы Н. Ю. Замятиной, А. Н. Пилясова (Замятина и др., 2015), Н. В. Зубаревич (Зубаревич, 2010), А. С. Пузанова, Р. Попова, Д. Ланцева (Пузанов и др., 2014), В. Я. Любовного (Любовный, 2009). Подходы к развитию монопрофильных территорий представлены в монографии И. Н. Ильиной (Ильина, 2013) и Е. Г. Анимиды (Анимиды, 2010).

¹ О мониторинге социально-экономического развития положения моногородов [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/22920/> (дата обращения: 03.12.2016 г.).

Вопросы оздоровления экономики моногородов оказались в фокусе внимания Правительства РФ, задача которого заключается в том, чтобы превратить моногорода из депрессивных зон в «территории новых возможностей». В рамках системы проектного управления в органах государственной власти предложен новый инструмент поддержки моногородов – государственная программа «Комплексное развитие моногородов», включенная Советом при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам в перечень ключевых направлений развития страны на долгосрочную перспективу. Правительство Самарской области приступило к формированию паспорта программы и портфеля проектов комплексного развития моногородов, которых на территории региона насчитывается четыре: Октябрьск, Похвистнево, Тольятти и Чапаевск.

Государственная поддержка моногородов представлена целым комплексом действий, направленных на улучшение инвестиционного климата, развитие среднего и малого предпринимательства, снижение зависимости экономики монопрофильных городов от результатов деятельности градообразующих предприятий. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований, подготовленный Минэкономразвития России, включает 95 мер, 4 из которых обеспечиваются непосредственно министерством, 4 предложены некоммерческой организацией «Фонд развития моногородов» и 68 – Минпромторгом России².

До настоящего времени основным инструментом реализации государственной программы поддержки моногородов и одновременно основанием для получения моноотраслевым муниципальным образованием федерального и регионального софинансирования являлся Комплексный инвестиционный план (далее – КИП). Однако на практике КИП не подтвердил свою эффективность в основном из-за отсутствия конкретной законодательной основы, порождающей понятийную неопределенность и неоднозначность, и не универсальностью инструмента привлечения инвестиций (Вылегжанина, 2011).

В 2014 году Государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» был утвержден новый финансовый институт поддержки монопрофильных территорий – некоммерческая организация «Фонд развития моногородов». Основными направлениями деятельности Фонда являются:

- софинансирование инфраструктурных проектов в моногородах (в размере до 95 % от стоимости проекта);
- финансирование новых инвестиционных проектов (доля финансирования составляет 40 % от общей стоимости проекта, в объеме от 100 млн до 1 млрд руб.). На сегодняшний день в таком режиме реализовано два проекта: «Развитие Камского индустриального парка “Мастер”» (г. Набережные Челны, Республика Татарстан) и «Строительство маслоэкстракционного завода в с. Маячный» (г. Кумертау, Республика Башкортостан);

² Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/44dcde26-6d7f-41e7-a8bf-bb765b7d3fd4/Единый+перечень+мер+поддержки.docx?MOD=AJPERES&CACHEID=44dcde26-6d7f-41e7-a8bf-bb765b7d3fd4> (дата обращения: 19.12.2016 г.).

- формирование команд, управляющих проектами развития моногородов, и организация их обучения;
- информационно-консультационное сопровождение проектов развития моногородов.

Фонд специализируется на помощи моногородам с тяжелым социально-экономическим положением. По данным на 1 ноября 2016 года Фондом заключены соглашения о поддержке с 64 моногородами из 34 субъектов Российской Федерации, в их числе два моногорода Самарской области: Тольятти и Чапаевск³. По данным о прогнозе расходования средств в 2015–2017 годах, представленном на официальном сайте некоммерческой организации «Фонд развития моногородов», на финансирование строительства объектов инженерной инфраструктуры планируется направить около 22 млрд руб. (74 % от объема финансирования); на финансирование инвестиционных проектов и предоставление консультационных услуг – 6,2 млрд руб. (21 % от объема финансирования). Остальная часть средств будет направлена на формирование управленческих команд моногородов и на административные затраты Фонда⁴.

Особые перспективы в развитии моногородов связывают с появлением территорий опережающего развития (далее – ТОР). В федеральный закон от 29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» было включено дополнение, предусматривающее создание с 1 января 2017 года ТОР не только на территориях монопрофильных муниципальных образований, имеющих риски ухудшения социально-экономической ситуации, но и моногородов с устойчивым социально-экономическим положением⁵. Ранее ТОР могли создаваться только на территориях моногородов, находящихся в критической ситуации.

Главной целью создания ТОР является развитие на монопрофильной территории бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием. ТОР создается на 10 лет с возможностью продления еще на 5 лет. Для резидентов ТОР организуются льготные условия ведения бизнеса: нулевой налог на прибыль в федеральный и 5 % в региональный бюджеты в первые пять лет, полное или частичное освобождение от налога на имущество и на землю, а также минимизация страховых выплат (7,6 % против 30 %), облегченный порядок проведения государственного и муниципального контроля. В отношении экономической деятельности резидентов ТОР действуют следующие условия: предприятие ТОР обязано создать не менее 20 рабочих мест в первый год, в т.ч. не более 25 % – для иностранных специалистов, объем инвестиций – не менее 5 млн руб. в первый год, в последующие годы – еще не менее 15 млн руб. В ТОР не попасть производствам подакцизных товаров, нефтепродуктов, торговли, лесозаготовки, сферы

³ Регионы. Заключение соглашений [Электронный ресурс] // Некоммерческая организация «Фонд развития моногородов»: офиц. сайт. URL: http://www.frmrus.ru/?page_id=954 (дата обращения: 13.12.2016).

⁴ Данные о прогнозе расходования средств 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] // Там же. URL: http://www.frmrus.ru/?page_id=15 (дата обращения: 13.12.2016).

⁵ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 01.12.2016).

операций с недвижимостью. Наконец, статус ТОР не предоставляется некоммерческим организациям, банкам, страховым компаниям, негосударственным пенсионным фондам, участникам рынка ценных бумаг и физическим лицам⁶.

По итогам заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 ноября 2016 года утвержден паспорт государственной программы «Комплексное развитие моногородов». Ключевая цель программы – это снижение зависимости монопрофильных муниципальных образований от деятельности градообразующих предприятий путем создания к концу 2018 года 230 тыс. новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, и, как следствие, снижение количества моногородов на 18 единиц. Улучшение качества городской среды в моногородах планируется достичь посредством реализации до конца 2018 года во всех моногородах России мероприятий «Пять шагов благоустройства». Срок реализации программы: с ноября 2016 года по декабрь 2025 года⁷. Для всех 319 моногородов предстоит разработать программы развития, включающие, в том числе меры по диверсификации экономики, улучшению городской среды, развитию человеческого капитала⁸.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 1398-р в перечень моногородов включены городские округа Тольятти и Чапаевск Самарской области⁹. В соответствии с правом субъектов РФ самостоятельно определять критерии отнесения городов к моноотраслевым законом Самарской области от 7 декабря 2011 года № 140-ГД «О государственной поддержке монопрофильных городских округов Самарской области»¹⁰ закреплён статус моногородов за городскими округами Чапаевск, Октябрьск и Похвистнево (рисунок). Содействие развитию моногородов в рамках упомянутого областного закона включает следующие направления:

- предоставление субсидий инвесторам в размере 100 тыс. руб. за каждое созданное рабочее место (не более 25 % от стоимости инвестиционного проекта);

- льготное налогообложение на период от 4 до 7 лет в зависимости от стоимости проекта (0 % – налог на имущество, 13,5 % – налог на прибыль организаций, зачисляемый в областной бюджет).

⁶ Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 22.06.2015 г. № 614. URL: <http://base.garant.ru/71107924/> (дата обращения: 01.12.2016).

⁷ Комплексное развитие моногородов: паспорт приоритетной программы [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/hZyhI428KMh69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf> (дата обращения: 08.12.2016).

⁸ Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства от 15.09.2016 г. № 1050. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_206009/ (дата обращения: 21.12.2016).

⁹ О перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.06.2014 г. № 1398-р. URL: <http://base.garant.ru/70707138/#ixzz4a0IYxGvP> (дата обращения: 19.01.2017).

¹⁰ О государственной поддержке монопрофильных городских округов Самарской области [Электронный ресурс]: закон Самар. обл. от 07.12.2011 г. № 140-ГД. URL: <http://docs.cntd.ru/document/945034411> (дата обращения: 27.12.2016).

Рис. 1. Государственная поддержка монопрофильных городских округов Самарской области

Численность населения в г.о. Октябрьск, Похвистнево и Чапаевск не превышает 100 тыс. чел. На территории каждого из муниципалитетов функционирует градообразующее предприятие, на долю которого приходится более 50 % объема промышленного производства. В г.о. Октябрьск это – ООО «Аутокомпонент Инжиниринг-2», в г.о. Похвистнево – ПАО «Самаранефтегаз», в г.о. Чапаевск – ПАО «Промсинтез». Все городские округа Самарской области имеют разработанные КИП. Анализ отчетов о ходе реализации КИП позволил получить следующие результаты:

1) КИП г.о. Октябрьск на 2011–2015 годы: реализовано 2 проекта, в т.ч. запущено производство изделий из экобетона; организован выпуск качественных и экономически привлекательных авто-компонентов для автомобильной промышленности. Создано 262 рабочих места¹¹;

2) КИП г.о. Чапаевск на 2011–2015 годы: реализовано 3 проекта, в т.ч. построен завод ЗАО «ПЭС/СКК», начато строительство завода компании «KNAUF», построен гипермаркет «Семейный магнит», запущено механическое производство перфораторов и корпусов кумулятивных зарядов. Создано 1298 рабочих мест¹²;

3) КИП г.о. Похвистнево на 2011–2020 годы: реализовано 7 проектов в сфере малого предпринимательства, начато строительство производственных цехов по выпуску электрозащитных средств и товаров народного производства. Создано 201 рабочее место¹³;

4) КИП г.о. Тольятти на 2010–2020 годы: реализовано 13 проектов, в числе которых создание технопарка высоких технологий «Жигулевская

¹¹ Об утверждении Комплексного инвестиционного плана развития городского округа Октябрьск Самарской области на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]: постановление Губернатора Самар. области от 31.12.2015 г. № 330. URL: <http://economy.samregion.ru/upload/iblock/d6d/kip-oktyabrsk.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

¹² Об утверждении Комплексного инвестиционного плана развития городского округа Чапаевск Самарской области на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]: постановление Губернатора Самар. области от 31.12.2015 г. № 331. URL: <http://economy.samregion.ru/upload/iblock/dbb/kip-chapaevsk.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

¹³ Об утверждении Комплексного инвестиционного плана развития городского округа Похвистнево Самарской области на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]: постановление Губернатора Самар. области от 31.12.2015 г. № 332. URL: <http://economy.samregion.ru/upload/iblock/884/kip-pokhvistnevo-332-ot-31.12.2015.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

Долина» и индустриального парка «Тольяттисинтез». Создано 15523 рабочих мест¹⁴.

Особое место в системе государственной поддержки моногородов на территории Самарской области отводится г.о. Тольятти. Город является крупным центром автомобильной («АвтоВАЗ», «ГМ-АвтоВАЗ») и химической промышленности («Тольяттиазот», «Куйбышевазот», «Тольяттикаучук»), играющим существенную роль в экономике как региона, так и страны в целом. Тольятти – одно из ядер уникальной, третьей по численности населения в стране, полицентрической Самарско-Тольяттинской агломерации.

Промышленный комплекс г.о. Тольятти по данным за 2015 год формируют преимущественно обрабатывающие производства, удельный вес которых в объеме отгруженной промышленной продукции составляет около 95 %. Согласно статистическим данным наиболее значимыми из обрабатывающих производств являются:

- производство транспортных средств и оборудования (55,6 % от объема отгруженной промышленной продукции);
- химическая промышленность (28,4 % от объема отгруженной промышленной продукции);
- прочие производства (удельный вес в общем объеме отгруженной промышленной продукции в 2015 году составил 10 %)¹⁵.

Градообразующее предприятие г.о. Тольятти – ПАО «АвтоВАЗ» – важнейшая системообразующая компания автомобилестроительного кластера Самарской области, крупнейший производитель легковых автомобилей в России (доля ПАО «АвтоВАЗ» на рынке легковых автомобилей России в I полугодии 2016 года составила 19,8 %¹⁶).

В целях мониторинга текущего экономического и социального положения г.о. Тольятти был проведен анализ соответствующих показателей, доступных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики и в «Комплексном инвестиционном плане модернизации городского округа Тольятти Самарской области на 2010–2020 годы», разработанном в 2010 году по поручению Президента РФ. Динамика показателей экономического развития г.о. Тольятти в период 2010–2015 годов представлена в таблице 1.

Объем отгруженных товаров, выполненных работ и услуг собственного производства в г.о. Тольятти в 2015 году увеличился более чем на 54 % по сравнению с 2010 годом. Положительная динамика объемов отгруженной продукции в 2015 году наблюдалась за счет роста объемов отгрузки в химическом производстве на 25,7 % к 2014 году. Кроме того, прирост объемов отгруженной продукции отмечен в производстве электрооборудования (21,3 %),

¹⁴ О внесении изменения в постановление правительства Самарской области от 21.04.2010 № 160 «Об утверждении Комплексного инвестиционного плана модернизации городского округа Тольятти Самарской области на 2010–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства Самар. области от 01.08.2016 г. № 423. URL: http://economy.samregion.ru/upload/iblock/e1e/kip_ppso_423.pdf (дата обращения: 06.12.2016).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Доля АВТОВАЗа на российском автомобильном рынке в I полугодии 2016 года достигла 19,8 % [Электронный ресурс] // LADA: офиц. сайт. URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111663.html> (дата обращения: 06.02.2017).

резиновых и пластмассовых изделий (16,7 %), прочих производствах (17 %). В 2013–2014 годы были реализованы два промышленных проекта развития базовой отрасли: «Производство и сбыт деталей Renault, Ford, TRW, Nissan» и «Разработка и производство выпускных систем для автомобильной промышленности».

Таблица 1

Показатели экономического развития г.о. Тольятти в период 2010–2015 годов

№ п/п	Показатель	Значение показателя по годам						2015/ 2010
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	+/-, %
1	Объем отгруженных товаров, выполненных работ и услуг собственного производства всего, млрд руб.	254,6	338,6	368,6	364,7	388,4	391,1	136,5
2	Объем отгруженных товаров, выполненных работ и услуг собственного производства градообразующим предприятием, млрд руб.	130,1	168,5	176,2	169,5	186,5	166,5	36,4
3	Доля отгруженных товаров, выполненных работ и услуг собственного производства градообразующего предприятия в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг, %	51,1	49,8	47,8	46,5	48,0	42,6	-8,5
4	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, ед.	24272	33378	38019	35564	35513	34772	10500
5	Объем внебюджетных средств (накопленным итогом), млн руб.	1989,3	2435,3	3641,2	6498	18667,8	32046	30056,7
6	Доля собственных доходов бюджета в общих доходах, %	92,2	98,9	74,5	78,6	69,8	67,8	-24,4

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата и «Комплексного инвестиционного плана модернизации городского округа Тольятти Самарской области на 2010–2020 годы».

Объем отгруженных ПАО «АвтоВаз» товаров, выполненных работ и услуг собственного производства в 2015 году вырос по сравнению с 2010 годом на 28 %. Благодаря стартовавшей в 2010 году программе утилизации старых автомобилей в 2010–2012 годах наблюдался рост производства. Тем не менее, доля продукции предприятия в общем объеме отгруженной промышленной продукции по г.о. Тольятти в 2015 году снизилась до 42,6 % (против 51,1 % в 2010 году). Падение объемов производства и продаж автомобилей «Lada» влечет за собой сокращение объемов производства предприятий, деятельность которых непосредственно связана с ПАО «АвтоВаз». Среди них: «Детальстройконструкция», «Группа ПОЛАД», завод по пошиву автомобильных чехлов «ДжонсонКонтролзАутмотив», «ВазИнтерСервис». В декабре 2015 года ПАО «АвтоВаз» остановило производство автомобилей «Lada Priora» по причине снижения спроса на данную модель и в целях исключения конкуренции с новой моделью «Lada Vesta», основное производство которой находится в Ижевске. Степень загрузки производственных мощностей ПАО «АвтоВаз» существенно сократилась и в 2015 году составила 61 % при износе основных фондов 70 %. Устаревшие технологии производства, изношенные производственные мощности и, как следствие, низкая конкурентоспособность предприятия – основные причины неэффективности региональных производителей автокомпонентов. Объем убытков градообразующей организации в 2015 году составил более 43 млрд руб. Предприятие с момента организации никогда не выходило на самоокупаемость и всегда требовало финансирования извне.

За рассматриваемую пятилетнюю динамику число субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – СМСП) увеличилось на 10 500 единиц. Это связано с реализацией мероприятий муниципальной программы «Развитие малого и среднего предпринимательства городского округа Тольятти на 2014–2017 гг.», утвержденной постановлением мэрии городского округа Тольятти от 11 октября 2013 года № 3150-п/1. В г.о. Тольятти в рамках программных мероприятий осуществляется финансовая, имущественная, образовательная, информационная и консультативная помощь как вновь созданным, так и действующим СМСП.

Большая часть бюджета г.о. Тольятти образована за счет безвозмездных перечислений из других бюджетов бюджетной системы. Объем внебюджетных средств с каждым годом увеличивается. Разница между объемом внебюджетного финансирования расходов г.о. в 2010 и 2015 годах составляет более 30 млрд руб. При этом сокращается доля собственных доходов. В период 2010–2015 годов в бюджетное и налоговое законодательство внесены изменения, оказавшие существенное влияние на уменьшение доходной части бюджета Тольятти. Кроме того, произошло снижение поступлений налога на доходы физических лиц ввиду снижения численности работников на предприятиях и введения сокращенного рабочего дня.

В части анализа показателей социального развития г.о. Тольятти следует отметить неуклонную тенденцию сокращения численности трудоспособного населения г.о. Тольятти и среднесписочной численности работников всех организаций моногорода (табл. 2). За исследуемый период численность трудоспособного населения сократилась на 24 954 чел., среднесписочная численность работников всех организаций – на 35 760 чел. Данные обстоятельства сложились на фоне снижения средне-

Таблица 2

Показатели социального развития г.о. Тольятти в период 2010–2015 годов

№ п/п	Показатель	Значение показателя по годам						2015/ 2010
		2010	2011	2012	2013	2014	2015	+/-, %
1	Численность трудоспособного населения, тыс. чел.	454666	453524	448709	442006	434977	429712	-24954,0
2	Среднесписочная численность работников всех организаций моногорода, чел.	216800	217300	216200	216179	203785	181040	-35760,0
3	Среднесписочная численность работников градообразующей организации, чел.	75447	74355	66052	66728	58023	46807	-28640,0
4	Уровень зарегистрированной безработицы, %	2,2	1,4	0,8	0,6	1,2	1,9	-0,3
5	Общее количество созданных постоянных рабочих мест (накопленным итогом), раб. мест	7153	9625	10666	11560	13480	15523	8370
6	Среднемесячная заработная плата работников крупных и средних предприятий, руб.	17417,3	20740,8	23381,2	26006,6	28445,0	29708,6	12291,3

Источник: составлено автором на основе данных Росстата и «Комплексного инвестиционного плана модернизации городского округа Тольятти Самарской области на 2010–2020 годы».

списочной численности работников градообразующей организации (в рамках реализации мероприятий по оптимизации численности персонала ПАО «АвтоВаз») и уровня зарегистрированной безработицы – с 2,2 % до 1,9 % соответственно. Это дает основания предположить, что, несмотря на усилия региональных и местных властей по смягчению социальной напряженности на рынке труда моногорода путем реализации мероприятий государственной программы Самарской области «Содействие занятости населения Самарской области на 2014–2020 годы» и программы дополнительных мероприятий в сфере занятости, позитивные изменения произошли в структуре занятости в большей степени за счет оттока рабочей силы в

населенные пункты с более привлекательными приложениями на рынке труда. Территориальная близость крупнейшего экономического центра Поволжья (г. Самара) перетягивает значительный ресурс освобожденной рабочей силы моногорода.

По итогам 2015 года среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций в муниципальном образовании составила 29 709 руб., это меньше, чем по Самарской области (33 794,2 руб.)¹⁷.

Проблемы Тольятти находятся на особом контроле у всех уровней власти. Сегодня на территории моногорода уже функционируют особая экономическая зона «Тольятти», технопарк «Жигулевская долина», индустриальной парк «ТольяттиСинтез». Для расширения инструментов поддержки моногородов по инициативе правительства Самарской области Тольятти был переведен в I категорию моногородов России по распоряжению Правительства РФ от 28 октября 2015 года № 2190-р¹⁸.

В 2016 году постановлением Правительства РФ от 28 сентября 2016 года № 974 на территории г.о. Тольятти была создана территории опережающего социально-экономического развития¹⁹). Предполагается, что ТОР позволит привлечь в город широкий круг инвесторов. К 2025 году планируется создание более 44 тыс. рабочих мест. Общий объем инвестиций составит 151,5 млрд руб.

Ключевая ставка для технологического и экономического прорыва делается на развитие г.о. Тольятти как «Инжинирингового центра России». По мнению экспертов, г.о. Тольятти имеет необходимые для этого предпосылки: высококвалифицированный персонал и богатый опыт в сфере инжиниринга, научно-технический центр ПАО «АвтоВАЗ», который создавался для автомобильной промышленности всей страны. Его база в совокупности с имеющимися в городе учреждениями среднего профессионального и высшего образования, технопарком «Жигулевская долина» может служить надежной основой специализации Тольятти в инжиниринге для автомобильной промышленности. В городе будет создан образовательный лифт от детского сада до вуза, нацеленный на подготовку профессионалов в инженерной сфере. К 2018 году на базе одного из тольяттинских университетов хотят открыть вуз по подготовке проектных инженерных команд (Смирнова, 2016).

Отдельным направлением масштабного преобразования г.о. Тольятти является развитие городской среды. Основой для предстоящих изменений станет новый Генеральный план, предусматривающий объединение всех

¹⁷ Социально-экономическое положение Самарской области за январь–ноябрь 2016 года: доклад [Электронный ресурс]. URL: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/news/rss/ee7c1d004f688ec0bd51ff62f1bb3970 (дата обращения: 20.12.2016).

¹⁸ О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 года N 1398-р [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.08.2015 г. № 1526-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420294282> (дата обращения: 17.12.2016).

¹⁹ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Тольятти» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 28.09.2016 г. № 974. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205180/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 06.12.2016).

районов города в единое городское пространство посредством целого комплекса сооружений, создание территорий для общения профессиональных сообществ, а также условий для развития малого и среднего бизнеса в сервисной сфере. Реализация программы «Пять шагов благоустройства» в г.о. Тольятти коснется оживленных городских пространств, молодежных центров, достопримечательностей, социальных учреждений, а также заброшенных и неэффективно используемых промышленных зон. В рамках данной программы введена в действие онлайн-площадка, аккумулирующая мнения и идеи жителей по улучшению общественных пространств моногородов.

В рамках соглашения о сотрудничестве по развитию г.о. Тольятти между правительством Самарской области и некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» предполагается финансирование около 50 проектов, среди которых сельскохозяйственные и промышленные предприятия, индустриальные парки. Среди наиболее масштабных – проект «Жигулевская долина-2». Он предполагает строительство производственных зданий на незадействованной территории технопарка «Жигулевская долина», объектов, требуемых для реализации новых инвестиционных проектов.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно заключить, что основными проблемами в реализации отмеченных проектов и мероприятий, включенных в государственную программу «Комплексное развитие моногородов», являются существующие ограничения в сфере занятости г.о. Тольятти:

1. Узконаправленная кадровая специализация и отток высококвалифицированных специалистов.

В плане трудоустройства возможности жителей моногорода сводятся к работе на градообразующем предприятии и связанных с ним производствах. Местные учебные заведения в большинстве своем направлены на подготовку кадров для градообразующей отрасли, что явно ограничивает для населения выбор профессии. Отсутствие работников необходимой классификации может также стать объективной причиной отказа инвесторов от создания производств на территории г.о. Тольятти.

2. Менталитет жителей.

Поколениями формируемая ориентация на градообразующее предприятие развила у большей части населения моногорода своеобразную психологию, которой присущи потребительские настроения, отсутствие желания менять профессию, значительная немобильность. С этим связана низкая предпринимательская активность жителей, сложности внедрения программ переподготовки кадров, что тормозит процесс развития новых производств, способных диверсифицировать экономику города.

Снятие существующих ограничений в комплексном социально-экономическом развитии г.о. Тольятти представляется возможным по нескольким направлениям:

- успешное функционирование территории опережающего развития;
- создание инжинирингового центра;
- формирование новой образовательной системы (университет 3.0.);
- повышение качества городской среды.

Инструментами государственной поддержки г.о. Тольятти будут выступать как традиционные инструменты – субсидии инвесторам и льготное налогообложение в рамках существующей особой экономической зоны «Тольятти», так и новые – «Фонд развития моногородов», режим «ТОР», проектное управление на основе программы «Комплексное развитие моногородов». Особое внимание в Самарской области уделяется формированию команд, управляющих проектами развития моногородов, и информационно-консультационному сопровождению проектов развития моногородов. При этом поддержка проектов на принципах софинансирования должна осуществляться при условии соблюдения следующих критериев:

- наличие экономического и социального эффекта в комплексе;
- учет приоритетных направлений развития;
- развитие инновационных технологий;
- максимальное вовлечение населения моногорода.

Кроме того, при формировании программ комплексного развития моногородов необходимо учитывать следующие особенности российских моногородов: достаточно низкое качество управления на местном уровне; характер взаимодействия муниципалитета и градообразующего предприятия; менталитет и характеристики населения. Учет критериев государственной поддержки и специфики монопрофильных городских округов будет способствовать повышению эффективности государственных программ комплексного развития моногородов.

Библиографический список

Анимица Е. Г. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.

Вылезжанина У. Моно нам не нано. Почему неэффективны комплексные инвестиционные планы моногородов [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 16 июня. URL: <https://rg.ru/2011/06/16/mono.html> (дата обращения: 10.12.2016).

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и дорожная карта перемен. М.: Ленанд, 2015. 216 с.

Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.

Любовный В. Я. Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М.: ЗАО «Дортранспечать», 2009. 110 с.

Пузанов А. С., Попов Р., Ланцев Д. Государственная поддержка моногородов в России. М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2014. 14 с.

Развитие моногородов России / Под ред. И. Н. Ильиной. М.: Финун-т, 2013. 168 с.

Смирнова И. Мэрия показала будущее Тольятти [Электронный ресурс] // Панорама Тольятти. 2016. 10 окт. URL: <http://www.tgl.ru/news/item/6637-meriya-pokazala-buduschee-tolyatti> (дата обращения: 20.01.2017).

Статья получена 14 февраля 2017

UDC 316.334.56:331.2(470.43)

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76

INTEGRATED DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS: EXPERIENCE IN SAMARA REGION

Maria S. Guseva

Samara state University of Economics, 141 Sovetskaya Armiya str.,
Samara, 443090, Russia

ORCID: 0000-0002-1910-8869

ResearcherID: D-6901-2017

E-mail: gusevams@yandex.ru

Julia R. Gabbasova

Samara state University of Economics, 141 Sovetskaya Armiya str.,
Samara, 443090, Russia

ORCID: 0000-0002-6806-9210

ResearcherID: D-5045-2017

E-mail: y_gabbasova@mail.ru

The right reference on this paper is:

Guseva, M. S. and Gabbasova, Ju. R. (2017), "Integrated Development of Single-Industry Towns: Experience in Samara Region", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 62–76. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-62-76.

Introduction. Sustainable development of the country and its individual regions largely depends on the socio-economic development of a special type – single-industry towns. Russia is characterized by 319 single-industry municipalities, including 100 ones with the most difficult social and economic situations. The 206 single-industry town unemployment rate exceeds the average. The continued dependence of single-industry towns on the core enterprises' functioning, the poor quality of the urban environment trigger the need for the effective instruments of support and development in single-industry areas.

Aims. The purpose of the paper is to study the conditions and trends of modern socio-economic development of single-industry areas in Samara region and to summarize the experience of the region in meeting the challenges of complex development of single-industry towns (for example, Tolyatti).

The following **methods** were used: systems analysis, analogy and comparison, generalization, content analysis, statistical analysis. These methods allow ensuring reliability of the research and validity of theoretical conclusions and proposals.

Results. Traditional and new tools of state support for single-industry areas at the federal and regional levels of government are systematized. The prerequisites and trends in the socio-economic development in Tolyatti in 2010–2015 are analyzed. Practices in Samara region in the state support single-industry city districts represented by Tolyatti are summarized. Current restrictions that impede the implementation of integrated development projects in Tolyatti are identified.

Conclusion. The main barriers to a positive effect from the use of state instruments are the existing constraints in employment in Tolyatti – highly specialized areas of personnel's expertise, the outflow of highly qualified specialists; residents' mentality. The current restrictions in the multi-faceted socio-economic development in Tolyatti can be eliminated in several ways: successful functioning of the priority development territory; setting up an engineering center; the development of a new educational system; improving the urban environment. The tools of state support in Tolyatti refer to the traditional tools – subsidies and privileged taxation for the investors in the existing special economic zone “Tolyatti”, as well as the new ones, including Single-industry Town Development Fund, priority development territory, project management based on the program “Integrated Development of Single-Industry Towns”. Special attention is paid to the employees' selection for Samara region teams managing the projects aimed to develop single-industry towns and to inform and to consult single-industry town development projects.

Key words: single-industry towns; state support; multi-faceted development; priority development territory; projects; programs; Tolyatti; Samara region

References

Animitsa, E. G. (2010), *Konceptual'nye podxody k razrabotke strategii razvitiya monoprofil'nogo goroda* [Conceptual Approaches to the Development of Strategies for a Single-Industry Town], Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.

Vylegzhanina, U. (2011), “Mono is Not Our Nano. Why Complex Investment Plans of Single-Industry Towns Are Ineffective”, *Rossiyskaya gazeta*, 16 June [Online], available at: <https://rg.ru/2011/06/16/mono.html> (Accessed 16 December 2016).

Zamyatina, N. Y. and Pilyasov, A. N. (2015), *Innovacionnyj poisk v monoprofil'nyx gorodax: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i dorozhnaya karta peremen* [Innovative Search in Single-Industry Towns: Development Blocking, New Industrial Policy and the Road Map for Changes], Lenand, Moscow, Russia.

Zubarevich, N. V. (2010), *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizaciya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization], Independent Institute for Social Policy, Moscow, Russia.

Il'ina, I. N. (ed.) (2010), *Razvitie monogorodov Rossii* [Development of Single-Industry Towns in Russia], Finuniversitet, Moscow, Russia.

Lyubovnyj, V. Y. (2009), *Monoprofil'nye goroda v usloviyax krizisa: sostoyanie, problemy, vozmozhnosti rehabilitacii* [Single-Industry Towns in Crisis: Status, Problems and Opportunities for Rehabilitation], CJSC “Dortranspechat”, Moscow, Russia.

Puzanov, A. S., Popov, R. and Lantsev, D. (2014), *Gosudarstvennaya podderzhka monogorodov v Rossii* [State Support of Single-Industry Towns in Russia], Fund “Institute of Urban Economics”, Moscow, Russia.

Smirnova, I. (2016), “The City Hall showed the future of Tolyatti”, *Panorama Tol'jatti*, 10 Oct. [Online], available at: <http://www.tgl.ru/news/item/6637-meriya-pokazala-budushee-tolyatti> (Accessed 20 January 2017).

Received 14 February 2017

УДК 338:330.322

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-77-93

ОЦЕНКА СЛОЖИВШИХСЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ю. С. ПИНЬКОВЕЦКАЯ

канд. экон. наук, доц., доцент кафедры экономического анализа и
государственного управления

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»,
432017, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42

ORCID: 0000-0002-8224-9031

ResearcherID: D-3051-2017

Электронный адрес: judy54@yandex.ru

Правильная ссылка на статью:

Пиньковецкая Ю. С. Оценка сложившихся инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 77–93. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-77-93.

Введение: в статье рассматриваются инвестиционные потоки, сложившиеся в предпринимательском секторе национальной экономики.

Цель: анализ закономерностей, характерных для инвестиций в основной капитал средних и малых предприятий, проведенный с использованием официальной статистической информации, полученной в процессе сплошного наблюдения за деятельностью таких предприятий в 2015 году.

Методы: общие методы формирования и обработки массивов информации; экономико-математическое моделирование, основанное на разработке функций плотности нормального распределения.

Результаты: определены основные показатели, характеризующие деятельность предпринимательских структур по трем размерным категориям и шести основным отраслям; выявлены закономерности распределения инвестиций в основной капитал в расчете на одно предприятие, а также инвестиций в расчете на одного работника; показано, что наибольшие инвестиции имеют место в сельском хозяйстве, а наименьшие – в торговле; установлены регионы с низким уровнем объемов инвестиций в основной капитал.

Выводы: итоги работы могут быть использованы при определении предполагаемых потребностей в финансовых ресурсах, разработке рейтингов инвестиционного климата в регионах России, обосновании планов поддержки предприятий, в том числе по предоставлению грантов, субсидий, субвенций, дотаций.

Ключевые слова: малые предприятия; средние предприятия; микропредприятия; инвестиции; экономико-математические модели; субъекты РФ; виды экономической деятельности

«Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»¹ предполагает решение задач существенного наращивания объема инвестиций в основной капитал предприятий этого сектора экономики. Речь идет как о значительном рас-

¹ Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 02.06.2016 г. № 1083-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 24, ст. 3549.

ширении инвестиционного потенциала малых и средних предприятий, так и о развитии разнообразных форм и методов привлечения инвестиций с использованием современных институтов, в том числе на основе государственных гарантий. Стратегией предусматривается обеспечение предсказуемости и прозрачности фискальных и регулирующих условий, позволяющих формировать инвестиционные планы предпринимательских структур на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Намечено также информационное, маркетинговое, финансовое и юридическое сопровождение таких планов. Для оценки инвестиционного климата в регионах России планируется разработка соответствующего национального рейтинга. Решение задач наращивания объема инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий выдвигает в число актуальных научных проблем исследование закономерностей, характеризующих потребности в таких инвестициях на современном этапе.

Концепции и принципы инвестирования в основной капитал по малым и средним предприятиям рассматривались в работах зарубежных авторов. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют следующие исследования. В монографии под общей редакцией Й. Х. Пихлера (Пихлер и др., 2002) приведены примеры инвестиционной политики в предпринимательском секторе зарубежных стран. В своем труде М. Пуаре и Ч. Савела (Poire et al., 1984) доказывают, что в условиях кризисных явлений промышленность должна отказаться от своей привязанности к стандартизированному массовому производству, основанному на крупных предприятиях. Они показывают на примере Северной Италии высокую эффективность инвестиций в малые предприятия, обеспечивающие гибкую специализацию. Вопросы обоснования принятия решений об инвестициях в основной капитал малых и средних предприятий шести стран Европейского Союза отражены в статье Д. Скураса, К. Цегениди и К. Цекоураса (Skuras et al., 2008). Особенности частных прямых инвестиций в странах Центральной и Восточной Европы рассмотрены в статье М. Энсона (Anson, 2003). Формирование источников инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий описано в работе Б. Коте (Kotey, 1999). Автор указывает, что использование заемных средств для инвестирования требует высокого уровня финансового планирования и контроля. Доступность финансирования анализировалась в статье Ч. Оу и Г. Хейнса (Ou et al., 2006). Так, в ней доказывается, что только очень небольшое количество малых фирм использует для инвестирования внешний капитал, большинство же предприятий ориентируются на собственную прибыль. Взаимосвязь между развитием малого бизнеса и инвестиционными решениями в Южной Корее рассматривалась в статье К.-С. Цой и И. Цой (Choi et al., 2015). По их мнению, низкий уровень инвестиций не обеспечивает долгосрочный рост малого предпринимательства. Д. Ву, Я. Сонг и С. Ценг (Wu et al., 2008), рассматривая финансирование малого бизнеса в Китае, делают вывод о том, что главным источником инвестиций является привлечение личных средств владельцев бизнеса и сбережений их ближайших родственников и друзей. Банковскими кредитами удается воспользоваться только менеджерам с более высоким знанием финансового рынка и высшим образованием.

Некоторые аспекты генерации и использования инвестиций предприятиями и организациями в нашей стране рассмотрены в работах ряда отечественных авторов. Так, управление инвестиционной деятельностью в Российской Федерации описано в монографии О. Ф. Быстрова, В. Я. Позднякова, В. М. Прудникова, В. В. Перцова и С. В. Казакова (Быстров и др., 2008). Авторы рассматривают объекты и субъекты инвестиций, приводят характеристики инвестиционного климата в России и регионах. Некоторые вопросы инвестиционной политики отражены в монографии Б. К. Злобина и Л. В. Плаховой (Злобин и др., 2008). В ней обосновываются принципы формирования системы управления инвестиционной деятельностью в регионе на основе расширенного воспроизводства его инвестиционного потенциала и использования кластерного подхода. В работе Р. М. Нуримухаметова (Нуримухаметов, 2009) изучены тенденции развития инвестиционных процессов на основе анализа инвестиционной привлекательности хозяйствующих субъектов. Вопросы моделирования динамики инвестиций в основной капитал рассмотрены в работе Е. Б. Мицек (Мицек, 2011). В ней представлена методика эконометрического и статистического анализа инвестиций в основной капитал предприятий и организаций экономики России. Статья Л. И. Юзвович (Юзвович, 2011) посвящена инструментарию финансирования реальных инвестиций в экономические субъекты. В. К. Карташева (Карташева, 2015) основное внимание уделяет вопросам формирования инвестиционного климата в российской экономике. Правила оценки результативности инвестиционных проектов приведены в статье И. В. Балынина (Балынина, 2016). Региональные аспекты функционирования и развития малого предпринимательства в России рассмотрены в сборнике под редакцией В. А. Гневко (Гневко, 2010).

Необходимо отметить, что исследование инвестиций в малые и средние предприятия проводилось в основном на примерах конкретных регионов. Так, Л. Л. Богомолова, И. В. Такмашева (Богомолова и др., 2016) рассматривают структуру инвестиций в основной капитал малого бизнеса северного региона. А. В. Виленский (Виленский, 2011) анализирует последствия проводившейся в Москве работы по поддержке малого и среднего предпринимательства. В. Г. Норин (Норин, 2014) рассматривает инвестиции в малый и средний бизнес как фактор развития торов Дальнего Востока России.

Целью настоящего исследования стал анализ закономерностей, характерных для инвестиций в основной капитал средних и малых предприятий, проведенный с использованием статистической информации, полученной в процессе сплошного наблюдения за деятельностью таких предприятий. При этом были решены следующие задачи: обоснована методика исследования; определены закономерности, характерные для инвестиций в основной капитал предприятий, относящихся к различным размерным категориям и видам экономической деятельности; проведена оценка дифференциации удельных инвестиций в предприятия по регионам России.

Методика исследований основана на рассмотрении малых и средних предприятий, функционирующих в каждом из регионов (субъектов) страны. В соответствии с работой автора (Пиньковецкая, 2013), на уровень инвестиций в основной капитал оказывают влияние особенности предприятий,

обусловленные его размером и отраслевой специализацией. Поэтому при формировании совокупностей предприятий кроме их пространственного расположения учитывались их размерные категории и специализация на определенном виде экономической деятельности. Учитывая наличие существенных различий между объемами инвестиций в основной капитал по указанным совокупностям, для установления закономерностей, в том числе проведения сравнительного анализа, использовались удельные показатели. Ими являлись значения объемов инвестиций, приходящихся, соответственно, на одно предприятие и одного работника. Эти удельные показатели имеют также важное практическое значение, поскольку представляют интерес как непосредственно для предпринимателей, так и для органов управления, обеспечивающих поддержку малого и среднего предпринимательства, а также для кредитных, лизинговых и других финансовых организаций. Поскольку именно эти значения позволяют обосновывать предполагаемые потребности в инвестициях в основной капитал для конкретных предприятий.

Как известно, основным критерием отнесения к малым и средним предприятиям, установленным действующим законодательством², является численность их работников. Численность работников для малого предприятия не должна превышать 100 человек, а для среднего предприятия находиться в диапазоне от 101 до 250 человек. Среди малых предприятий выделяются микропредприятия с численностью работников до 15 человек.

Малые и средние предприятия в настоящее время специализируются на 13 видах экономической деятельности³: сельском хозяйстве; рыболовстве и рыбоводстве; добыче полезных ископаемых; обрабатывающих производствах; производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; оптовой и розничной торговле; транспорте и связи; гостиницах и ресторанах; операциях с недвижимым имуществом; образовании; здравоохранении и предоставлении социальных услуг; предоставлении прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Как было показано в работе автора (Пиньковецкая, 2015), моделирование распределения удельных значений показателей, характеризующих деятельность совокупностей предприятий, сформированных по территориальному признаку, целесообразно проводить с использованием функций плотности нормального распределения. В указанной статье приведена методика и инструменты оценки параметров таких функций, а также требования, предъявляемые к исходным данным, которые были использованы в процессе исследования. Обоснование целесообразности разработки конкретных функций плотности нормального распределения основывалось на анализе размерной и отраслевой структуры инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий в 2015 году.

² О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения: 18.12.2016).

³ Сплошное наблюдение за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики (Росстат): офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/splosh.html (дата обращения: 29.01.2017).

Исходная информация, которая использовалась в процессе исследования, включала в себя объем инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий, количество этих предприятий и численность занятых на них работников. Информация собиралась по регионам в разрезе размерных категорий и видов экономической деятельности. На основе этих данных формировались совокупности предприятий, расположенные в каждом регионе страны. Причем в конкретную совокупность входят предприятия, относящиеся к определенной размерной категории или специализированные на одном из видов экономической деятельности.

Основными этапами работы являлись:

- сбор и обработка статистических данных, описывающих инвестиции в основной капитал малых и средних предприятий;
- формирование информационной базы, включающей объемы инвестиций, количество малых и средних предприятий, численность их работников;
- определение объемов инвестиций в основной капитал по совокупностям предприятий;
- расчет значений объемов инвестиций, приходящихся на одно предприятие и одного работника;
- разработка функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих значения удельных инвестиций в основной капитал по предприятиям различных размерных категорий;
- разработка функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих значения объемов инвестиций, приходящихся на одно предприятие по основным видам экономической деятельности;
- оценка качества построенных функций по принятым критериям;
- анализ закономерностей, характерных для сложившегося уровня инвестиций на основе разработанных функций.

Исследование основывалось на официальной информации Росстата, отражающей предварительные итоги сплошного наблюдения за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год⁴. При этом учитывались данные, характеризующие совокупности малых и средних предприятий, расположенных в 82 субъектах, в том числе 22 республиках, 9 краях, 46 областях, 1 автономной области, 1 автономном округе и 3 городах федерального значения. Для исключения двойного счета не рассматривались данные по автономным округам, входящим в более крупные субъекты страны. Необходимо отметить, что данные сплошных обследований, проводимых, в соответствии с действующим законодательством, один раз в пять лет⁵, обеспечивают более точную информацию по сравнению с выборочными обследованиями, которые проводятся ежегодно.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-математического анализа, статистики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы «Statistica», «Microsoft Excel», «Mathcad».

⁴ Там же.

⁵ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации...

Проведенный анализ статистических данных за 2015 год позволил определить основные размерные категории и виды экономической деятельности, характерные для малых и средних предприятий (табл. 1).

Таблица 1

**Основные размерные категории и виды экономической деятельности
малых и средних предприятий**

Категории и виды экономической деятельности	Объем инвестиций в основной капитал, млрд руб.	Количество предприятий, тыс. ед.	Численность занятых работников, тыс. чел.
Средние предприятия	411	19	2179
Малые предприятия (без учета микропредприятий)	504	219	6729
Микропредприятия	433	1230	4609
По всем предприятиям	1348	1468	13517
По шести основным видам деятельности	1195	1318	11810
Сельское хозяйство	181	34	722
Обрабатывающие производства	159	146	2336
Строительство	309	162	1637
Оптовая и розничная торговля	103	528	3342
Транспорт и связь	63	101	852
Операции с недвижимым имуществом	380	347	2921

Как уже отмечалось, малые и средние предприятия специализируются на 13 видах экономической деятельности. Из них к числу основных относятся шесть видов деятельности, приведенных в первом столбце таблицы 1. На эти виды деятельности приходится 88,6 % от общего объема инвестиций в основной капитал, 89,8 % от количества предприятий и 87,4 % от численности занятых. Соответственно на предприятия, относящиеся к остальным семи видам экономической деятельности, приходится немногим более 10 % по каждому из приведенных в таблице 1 показателей.

Учитывая указанное выше, по предприятиям, относящимся к трем размерным категориям и шести основным видам экономической деятельности, приведенным в таблице 1, проводилась разработка функций плотности нормального распределения.

Разработанные автором функции плотности нормального распределения, описывающие значения удельных объемов инвестиций в основной капитал за 2015 год по всем субъектам страны, приведены далее:

- в расчете на одно среднее предприятие (x_1 , млн руб.)

$$y_1(x_1) = \frac{685}{10,39 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_1 - 20,92)^2}{2 \times 10,39 \times 10,39}}; \quad (1)$$

- в расчете на одно малое предприятие (x_2 , млн руб.), без учета микропредприятий

$$y_2(x_2) = \frac{75}{1,21 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_2 - 2,45)^2}{2 \times 1,21 \times 1,21}}; \quad (2)$$

- в расчете на одно микропредприятие (x_3 , млн руб.)

$$y_3(x_3) = \frac{10}{0,16 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_3 - 0,34)^2}{2 \times 0,16 \times 0,16}}. \quad (3)$$

Модели, отражающие величину инвестиций в основной капитал (в тыс. руб.) за 2015 год по всем субъектам страны в расчете на одного работника, занятого, соответственно, на средних предприятиях, малых предприятиях (без учета микропредприятий) и микропредприятиях представлены ниже:

- в расчете на одного работника среднего предприятия (x_4 , тыс. руб.)

$$y_4(x_4) = \frac{3753}{70 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{(x_4 - 156)^2}{2 \times 70 \times 70}}; \quad (4)$$

- в расчете на одного работника малого предприятия (x_5 , тыс. руб.) без учета микропредприятий

$$y_5(x_5) = \frac{1778}{32 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{(x_5 - 75)^2}{2 \times 32 \times 32}}; \quad (5)$$

- в расчете на одного работника, занятого на микропредприятиях (x_6 , тыс. руб.)

$$y_6(x_6) = \frac{2226}{37 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_6 - 84)^2}{2 \times 37 \times 37}}. \quad (6)$$

Зачастую при решении задач анализа или прогнозирования развития малого и среднего предпринимательства отсутствует априорная информация о предполагаемой размерной структуре предприятий по рассматриваемому объекту. В этих случаях могут использоваться следующие формулы, описывающие инвестиции в основной капитал, соответствующие сложившейся в 2015 году структуре средних и малых предприятий, включая микропредприятия:

- инвестиции, приходящиеся на одно предприятие (x_7 , млн руб.)

$$y_7(x_7) = \frac{21}{0,38 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{(x_7 - 0,97)^2}{2 \times 0,38 \times 0,38}}; \quad (7)$$

- инвестиции в расчете на одного работника предприятия (x_8 , тыс. руб.)

$$y_8(x_8) = \frac{2460}{46 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{(x_8 - 106)^2}{2 \times 46 \times 46}}. \quad (8)$$

Разработанные модели, описывающие значения объемов инвестиций в основной капитал (в млн руб.) за 2015 год по всем субъектам страны, приходящихся на одну предпринимательскую структуру, специализированную на одном из шести основных видах экономической деятельности, приведены далее:

- для малых и средних предприятий сельского хозяйства

$$y_9(x_9) = \frac{65}{1,58 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_9 - 2,50)^2}{2 \times 1,58 \times 1,58}}; \quad (9)$$

- для предпринимательских структур торговли

$$y_{10}(x_{10}) = \frac{5}{0,07 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_{10} - 0,13)^2}{2 \times 0,07 \times 0,07}}; \quad (10)$$

- для предпринимательских структур в строительстве

$$y_{11}(x_{11}) = \frac{42}{0,64 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_{11} - 0,99)^2}{2 \times 0,64 \times 0,64}}; \quad (11)$$

- для предпринимательских структур обрабатывающих производств

$$y_{12}(x_{12}) = \frac{25}{0,36 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_{12} - 0,68)^2}{2 \times 0,36 \times 0,36}}; \quad (12)$$

- для предпринимательских структур транспорта и связи

$$y_{13}(x_{13}) = \frac{14}{0,21 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_{13} - 0,37)^2}{2 \times 0,21 \times 0,21}}; \quad (13)$$

- для предпринимательских структур, специализированных на операциях с недвижимым имуществом

$$y_{14}(x_{14}) = \frac{26}{0,37 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_{14}-0,61)^2}{2 \times 0,37 \times 0,37}}. \quad (14)$$

Качество разработанных моделей проверялось по критериям Колмогорова – Смирнова, Пирсона и Шапиро – Вилка. В таблице 2 приведены соответствующие расчетные значения основных статистик.

Расчетные значения статистик по критерию Колмогорова – Смирнова (приведенные в столбце 2 таблицы 2) меньше табличной величины, которая при уровне значимости 0,05 составляет 0,152. Аналогично сравнение расчетных значений (приведенных в столбце 3 таблицы 2) с табличной величиной критерия Пирсона, равной 9,49, показало, что все они меньше табличного значения критерия. Статистики по критерию Шапиро – Вилка (приведенные в столбце 4 таблицы 2) близки к единице и превышают табличное значение, составляющее 0,93 при уровне значимости 0,01. Кроме того, проводился логический анализ разработанных моделей, который показал, что они хорошо аппроксимируют исходные данные на всем диапазоне их изменения. В целом можно сделать вывод, что по всем рассмотренным критериям разработанные модели обладают высоким качеством и хорошо описывают исследуемые закономерности.

Таблица 2

Расчетные значения статистик

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова – Смирнова	Пирсона	Шапиро – Вилка
(1)	0,07	1,89	0,98
(2)	0,06	2,39	0,97
(3)	0,04	3,18	0,96
(4)	0,05	2,73	0,97
(5)	0,06	2,83	0,97
(6)	0,04	3,92	0,95
(7)	0,04	3,88	0,96
(8)	0,07	3,73	0,98
(9)	0,06	3,20	0,96
(10)	0,04	4,31	0,95
(11)	0,05	2,57	0,97
(12)	0,10	2,57	0,96
(13)	0,04	4,66	0,95
(14)	0,03	4,52	0,95

Функции плотности нормального распределения (Вентцель, 2001) позволяют определять средние значения показателей и интервалы их изменения на основе величин, приведенных непосредственно в функциях. Так, интервалы изменения показателей по большинству (68 %) субъектов страны

рассчитываются исходя из величин стандартных отклонений. При этом для расчета границ интервала к среднему значению показателя соответственно прибавляется и вычитается указанное отклонение.

Средние значения и интервалы изменения инвестиций в основной капитал, приходящихся на одно предприятие и одного работника по данным за 2015 год, сведены в таблице 3. Они основаны на функциях плотности распределения (1)–(8).

Таблица 3

Характеристика инвестиций в малые и средние предприятия

Типы предприятий структуры	В расчете на одно предприятие, млн руб.		В расчете на одного работника, тыс. руб.	
	Среднее значение	Интервал изменения	Среднее значение	Интервал изменения
1	2	3	4	5
Средние предприятия	20,92	10,59-31,33	156	86-226
Малые предприятия	2,45	1,24-3,66	75	43-107
Микропредприятия	0,34	0,18-0,50	84	47-121
По совокупности всех предприятий	0,97	0,59-1,35	106	60-152

Приведенные в таблице 3 характеристики инвестиций представляют интерес как непосредственно для предпринимателей (особенно начинающих), так и для органов федерального, регионального и муниципального управления, связанных с обеспечением поддержки предпринимательства. Кроме того, эта информация может быть использована кредитными и финансовыми организациями, лизинговыми и страховыми компаниями, фондами гарантирования и бизнес-ангелами.

Значения инвестиций в расчете на одного работника в малых предприятиях и микропредприятиях отличаются незначительно. Вместе с тем инвестиции в расчете на одного работника по средним предприятиям существенно (почти в два раза) превышают этот показатель по малым предприятиям. Такое положение представляется логичным по ряду причин. Средние предприятия технически лучше оснащены по сравнению с малыми предприятиями и, соответственно, требуют больших затрат на модернизацию и обеспечение производственной деятельности. Кроме того, средние предприятия в меньшей мере страдают от недостатка средств, поскольку им легче получить кредиты под залог имущества.

Объемы инвестиций, приходящиеся как на одно предприятие, так и в расчете на одного работника, существенно различаются по конкретным субъектам страны, что видно из интервалов изменения этих показателей, приведенных в столбцах 3 и 5 таблицы 3.

Исходя из минимальных значений, соответствующих нижним границам интервалов, могут быть определены субъекты страны, в которых значения инвестиций в основной капитал крайне малы. Так, по средним предприятиям – это Ярославская, Ивановская Астраханская, Свердловская, Иркутская,

Курганская, Томская области, г. Москва и Республика Дагестан. По малым предприятиям (без учета микропредприятий) низкие значения инвестиций характерны для таких субъектов страны, как г. Москва, Мурманская, Новгородская, Свердловская, Омская и Томская области, Забайкальский край. По микропредприятиям ниже указанного в таблице 3 интервала изменения инвестиций находятся значения по Самарской, Свердловской, Курганской, Омской и Амурской областям, республикам Северная Осетия – Алания и Хакасия, Хабаровскому краю.

Соответствующие данные могут быть использованы при разработке рейтинга инвестиционного климата в регионах России, а также формировании проектов и программ развития предпринимательства, особенно в субъектах страны, где уровень инвестиций в основной капитал не достаточен.

Средние значения и интервалы изменения инвестиций в основной капитал, приходящихся на одну предпринимательскую структуру, по разным отраслям на основании данных за 2015 год представлены в таблице 4. Они основаны на разработанных функциях (9)–(14), описывающих инвестиции в предпринимательские структуры, специализированные на шести основных видах экономической деятельности.

Таблица 4

Сложившиеся в 2015 году инвестиции в основной капитал в расчете на одно предприятие по основным видам экономической деятельности, млн руб.

Вид деятельности	Среднее значение	Интервал изменения
1	2	3
Сельское хозяйство	2,50	0,92–4,08
Торговля	0,13	0,06–0,20
Строительство	0,99	0,35–1,63
Обрабатывающие производства	0,68	0,36–1,04
Транспорт и связь	0,37	0,16–0,48
Операции с недвижимым имуществом	0,61	0,24–0,98

Объемы инвестиций, как показывают данные, приведенные в таблице 4, существенно различаются по видам экономической деятельности. Высокий сложившийся уровень инвестиций в основной капитал предприятий, связанных с сельскохозяйственным производством, обусловлен значительными основными фондами таких предприятий. Кроме того, в связи с появившимися возможностями роста объемов производства на предприятиях этой отрасли, связанными с импортозамещением, потребности в инвестициях в последние годы существенно возросли. Наименьшие инвестиции характерны для предприятий торговли, что обусловлено следующими причинами. Многие предприятия торговли представляют собой небольшие торговые точки, не имеющие значительных основных фондов. Торговые предприятия, как известно, получили наибольшее развитие в предыдущие годы, на которые пришелся пик капитальных затрат.

Данные, приведенные в таблице 4, могут быть использованы при решении задач мониторинга, планирования и прогнозирования объема инвестиций. Наиболее актуальной при этом представляется подготовка обоснований по развитию предпринимательских структур, специализированных на видах деятельности, не получивших достаточного развития в конкретных регионах и муниципальных образованиях. Для этого могут использоваться данные, приведенные в столбце 3 таблицы 4, а именно величины удельных инвестиций, меньшие, чем значения нижних границ интервалов. Проведенный анализ показал, что по предприятиям, связанным с сельским хозяйством, низкий уровень удельных инвестиций отмечается в таких регионах, как Астраханская и Магаданская области, республики Коми, Дагестан, Тыва, Забайкальский край. Незначительные инвестиции в основной капитал предприятий торговли имеют место в республиках Калмыкия, Ингушетия, Тыва, Саха (Якутия), Пермском, Забайкальском, Приморском, Хабаровском краях, Томской области. Ниже, чем в остальных субъектах страны, инвестиции в строительную отрасль Ярославской, Свердловской, Омской, Томской, Магаданской областях. Инвестиции в обрабатывающие производства не достаточны в Ивановской, Архангельской, Астраханской, Томской, Омской областях. По предприятиям транспорта и связи небольшие инвестиции характерны для Ивановской, Курской, Волгоградской, Самарской, Свердловской, Челябинской и Новосибирской областей. По предприятиям, осуществляющим операции с недвижимым имуществом, инвестиции в основной капитал ниже, чем в других регионах, в республиках Коми, Дагестан и Карачаево-Черкесской, а также Курганской области.

К результатам исследования, содержащим научную новизну, относятся следующие:

- показано, что 88,6 % от общего объема инвестиций в малые и средние предприятия приходилось на шесть видов экономической деятельности, а именно сельское хозяйство, обрабатывающие производства, строительство, торговлю, транспорт и связь, а также операции с недвижимым имуществом;
- подтверждена возможность анализа имеющей место дифференциации удельных инвестиций по совокупностям средних предприятий, малых предприятий и микропредприятий, расположенных в разных субъектах страны, с использованием функций плотности нормального распределения;
- доказано, что высокое качество аппроксимации исходных данных обеспечивают приведенные в статье функции плотности нормального распределения (1)–(14);
- установлены удельные значения инвестиций в основной капитал по средним предприятиям, малым предприятиям и микропредприятиям по данным за 2015 год как в расчете на одно предприятие, так и в расчете на одного работника. Показано, что инвестиции в расчете на одного работника по средним предприятиям существенно (почти в два раза) превышают этот показатель по малым предприятиям, в том числе по микропредприятиям;
- доказано, что удельные инвестиции в основной капитал существенно различаются по предприятиям, относящимся к разным видам экономической деятельности, при этом наибольшие инвестиции характерны для сельскохозяйственных предприятий, а наименьшие – для предприятий торговли;

- установлены интервалы изменения значений удельных инвестиций по предприятиям, расположенным в большинстве (68 %) субъектов страны;
- определены регионы, в которых объемы инвестиций в основной капитал по каждой из размерных категорий предприятий и основным видам экономической деятельности характеризуются значениями меньшими, чем величина нижней границы соответствующих интервалов, приведенных в таблицах 3 и 4.

Полученные результаты имеют определенное теоретическое значение, в частности, при проведении научных исследований, связанных с мезоэкономическими аспектами инвестирования в основной капитал, анализом инвестиционных потоков в предпринимательском секторе экономики, обоснованием потребностей в объемах инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий в России и ее регионах. Разработанные функции плотности нормального распределения могут использоваться при оценке объемов инвестиций при разработке концепций, планов и программ развития малого и среднего предпринимательства.

Практическая значимость результатов исследований связана с возможностью их использования непосредственно предпринимателями (особенно начинающими) при определении предполагаемых потребностей в финансовых ресурсах. Функции плотности нормального распределения могут использоваться при разработке рейтингов инвестиционного климата в регионах России. Полученные результаты можно применять в работе органов регионального и муниципального управления при обосновании планов поддержки малых предприятий, в том числе по предоставлению грантов, субсидий, субвенций, дотаций. Удельные значения инвестиций и интервалы их изменения по отраслям и территориям могут представлять интерес для кредитных и финансовых организаций, участвующих в кредитовании, долевом финансировании, лизинге, факторинге, консигнации и других методах финансирования инвестиций.

Перспективы дальнейших исследований связаны с рассмотрением динамики изменения объемов инвестиций в основной капитал за последние годы. Кроме того, представляет интерес анализ закономерностей дифференциации инвестиций по совокупностям малых и средних предприятий, расположенных в различных муниципальных образованиях, в том числе городских округах и муниципальных районах.

Библиографический список

Балынин И. В. Особенности формирования инвестиционного портфеля в современных социально-экономических условиях // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 4. С. 290–293.

Богомолова Л. Л., Такмашева И. В. Экономическая оценка структуры инвестиций в основной капитал малого бизнеса северного региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 10. С. 1–11.

Быстров О. Ф., Поздняков В. Я., Прудников В. М., Перцов В. В., Казаков С. В. Управление инвестиционной деятельностью в регионах Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2008. 358 с.

- Вентцель Е. С. Теория вероятностей. М.: Высшая школа, 2001. 575 с.
- Виленский А. В. Оценка последствий копирования в Москве модели высокоразвитых стран государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 2. С. 8–30.
- Злобин Б. К., Плахова Л. В. Инвестиционная система региона: концепция, механизм управления. М: Финансы и кредит, 2008.
- Карташева В. К. Проблемы и противоречия формирования инвестиционного климата в российской экономике // Журнал экономической теории. 2015. № 1. С. 75–83.
- Малые и средние предприятия: управление и организация / Под общ. ред. Й. Х. Пихлера, Х. Й. Пляйтнера, К. Х. Шмидта; пер. с нем. И. С. Алексеева, Г. И. Токарева. М.: Междунар. отношения, 2002. 280 с.
- Мицек Е. Б. Эконометрический и статистический анализ инвестиций в основной капитал экономики России. Екатеринбург: Изд-во гуманитар. ун-та, 2011. 377 с.
- Норин В. Г. Инвестиции в малый и средний бизнес как фактор развития торев Дальнего Востока РФ // Совершенствование механизмов развития инновационной экономики России и ее дальневосточных территорий: сб. ст. по материалам международной научно-практической заочной конференции, 21 ноября 2014 года. Хабаровск: Хабар. гос. акад. экономики и права, 2014. С. 85–90.
- Нуримухаметов Р. М. Тенденции развития инвестиционных процессов в трансформирующейся экономике. М.: Экономика, 2009. 320 с.
- Пиньковецкая Ю. С. К вопросу об оценке инвестиций в малое и среднее предпринимательство // Корпоративные финансы. 2013. № 1. С 48–58.
- Пиньковецкая Ю. С. Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения // Проблемы развития территории. 2015. № 6. С. 93–107.
- Региональные аспекты функционирования и развития малого предпринимательства в России / Под ред. В. А. Гневко. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. акад. управления и экономики, 2010. 192 с.
- Юзвович Л. И. Комплексная целевая концепция финансирования инвестиций в условиях модернизации российского инвестиционного рынка // Вопросы экономики и права. 2011. № 4. С. 320–326.
- Anson M. Private Equity Investing in Central and Eastern Europe // The Journal of Investing. 2003. Winter. P. 15–21.
- Kotey B. Debt Financing and Factors Internal to the Business // International Small Business Journal. 1999. Vol. 17, № 3. P. 11–29.
- Kyong-Soo Choi, Jeongmi Choi. Small and Medium Business and Investment Decision // Indian Journal of Science and Technology. 2015. Vol 8, № 24. P. 1–6.
- Ou C., Haynes G. W. Acquisition of Additional Equity Capital by Small Firms – Findings from the National Survey of Small Business Finances // Small Business Economics. 2006. Vol. 27, № 2. P. 157–168.
- Poire M., Sabel C. The Second Divide: Possibilities for Prosperity. N.Y.: Basic Books, 1984. 388 p.

Skuras D., Tsegenidi K., Tsekouras K. Product Innovation and the Decision to Invest in Fixed Capital Assets: Evidence from an SME Survey in Six European Union Member States // *Research Policy*. 2008. Vol. 37, № 10. P. 1778–1789.

Wu J., Song J., Zeng C. An Empirical Evidence of Small Business Financing in China // *Management Research News*. 2008. Vol. 31, № 12. P. 959–975.

Статья получена 9 февраля 2017 года

UDC 338:330.322

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-77-93

ASSESSMENT OF THE ACHIEVED INVESTMENT IN THE FIXED CAPITAL OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES

Julia S. Pinkovetskaia

Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy str.,

Ulyanovsk, 432017, Russia

ORCID: 0000-0002-8224-9031

ResearcherID: D-3051-2017

E-mail: judy54@yandex.ru

The right reference on this paper is:

Pinkovetskaia Ju. S. (2017), “Assessment of the Achieved Investment in the Fixed Capital of Small and Medium Enterprises”, *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 77–93. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-77-93.

Introduction. This paper discusses the current investment flows typical for an existing entrepreneurial sector in the national economy.

Aims. The purpose of the paper is to analyze the regularities typical for the investments in fixed capital of small and medium enterprises, the analysis being carried out on the ground of the official statistical information obtained from uninterrupted observation of these enterprises' activity in 2015. The purpose is supported by the following methods applied: general methods for developing and processing masses of information; economic mathematical modeling based on the development of normal distribution density function.

The following **methods** were used: general methods of formation and processing of arrays of information; economic-mathematical modeling, based on the development of the density function of the normal distribution.

Results. Key indicators characterizing the activity of entrepreneurial bodies in three dimensional categories and six major industries are identified. The regularities in distributing the investments in fixed capital per enterprise and per worker are found. Agriculture is proved to be invested into the most, while trade is invested the least. The regions with the low investment volume in fixed capital are specified.

Conclusion. The results of the work can be used to determine the estimated needs for financial resources, to develop the ratings in the investment climate

in the regions of Russia, to justify the plans to support businesses, including the provision of grants, subsidies, subventions, grants.

Key words: small enterprises; medium enterprises; microenterprises; investment; economic mathematical models; subjects of the country; types of economic activity

References

Balynin, I. V. (2016), "The features of Formation of an Investment Portfolio in the Current Socio-Economic Conditions", *Audit i finansovyj analiz*, no. 4, pp. 290–293.

Bogomolova, L. L. and Tokmacheva, I. V. (2016), "Economic Evaluation of the Structure of Investments in Fixed Capital of Small Business of the Northern Region", *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal*, no. 10, pp. 1–11.

Bystrov, O. F., Pozdnjakov, V. Ja., Prudnikov, V. M., Percov, V. V. and Kazakov, S. V. (2008), *Upravlenie investicionnoj dejatel'nost'ju v regionah Rossijskoj Federacii* [Management of Investment Activity in the Regions of the Russian Federation], INFRA-M, Moscow, Russia.

Ventcel', E. S. (2001), *Teoriya verojatnostej* [Theory of probability], Vysshaja shkola, Moscow, Russia.

Vilenskiy, A. V. (2011), "The Assessing of the Consequences of Copying the Model of the Developed Countries' Support of Small and Medium Entrepreneurship in Moscow", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, no. 2, pp. 8–30.

Zlobin, B. K. and Plahova, L. V. (2008), *Investicionnaja sistema regiona: koncepcija, mehanizm upravlenija* [Investment System of the Region: Concept, Machinery of Management], Finansy i kredit, Moscow, Russia.

Kartasheva, V. K. (2015), "Problems and Contradictions of the Formation of the Investment Climate in the Russian Economy", *Zhurnal jekonomicheskoy teorii*, no. 1, pp. 75–83.

Pichler, J. H., Pleithner, H. J. and Schmidt, K.-H. (ed.) (2002), *Malye i srednie predprijatija: upravlenie i organizacija* [Management in KMU: Die Fuhung von Klein-und Mittelunternehmen], Translated by Alekseeva, I. S. and Tokareva, G. I., Mezhdunarodnye otnoshenija, Moscow, Russia.

Micek, E. B. (2011), *Jekonometricheskij i statisticheskij analiz investicij v osnovnoj kapital jekonomiki Rossii* [Econometric and Statistical Analysis of Fixed Capital Investment in Russia's Economy], Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.

Norin, V. G. (2014), "Investments in Small and Medium Business as a Factor in the Development of Priority Development Territory in Russia's Far East", *Sovershenstvovanie mehanizmov razvitija innovacionnoj jekonomiki Rossii i ee dal'nevostochnyh territorij: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy zaochnoj konferencii* [Proceedings of the International Scientific-Practical Correspondence Conference "Improvement of Development Mechanisms of the Innovative Economy in Russia"], Khabarovsk, Russia, 21 November 2014, pp. 85–90.

Nurimukhametov, R. M. (2009), *Tendencii razvitija investicionnyh processov v transformirujushhejsja jekonomike* [Development Tendencies of Investment Processes in the Transforming Economy], Jekonomika, Moscow, Russia.

Pinkovetskaia, I. S. (2013), "On Valuation of Investment into Small and Medium Enterprises", *Journal of Corporate Finance Research*, no. 1, pp. 48–58.

Pinkovetskaia, I. S. (2015), "Modeling the Performance of Small and Medium Entrepreneurship in Regions by Using Density Function of Normal Distribution", *Problems of Territory's Development*, no. 6, pp. 93–107.

Gnevko, V. A. (ed.) (2010), *Regional'nye aspekty funkcionirovanija i razvitija malogo predprinimatel'stva v Rossii* [Regional Aspects of the Functioning and Development of Small Entrepreneurship in Russia], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoj akademii upravlenija i jekonomiki, St. Petersburg, Russia.

Yuzvovich, L. I. (2011), "Integrated Target Concept of Investment Financing in the Context of Modernization of the Russian Investment Market", *Economic and Law Issues*, no. 4, pp. 320–326.

Anson, M. (2003), "Private Equity Investing in Central and Eastern Europe", *The Journal of Investing*, Winter, pp. 15–21.

Kotey, B. (1999), "Debt Financing and Factors Internal to the Business", *International Small Business Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 11–29.

Kyong-Soo, Choi and Jeongmi, Choi (2015), "Small and Medium Business and Investment Decision", *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 24, no. 8, pp. 1–6.

Ou, C. and Haynes, G. W. (2006), "Acquisition of Additional Equity Capital by Small Firms – Findings from the National Survey of Small Business Finances", *Small Business Economics*, vol. 27, no. 2, pp. 157–168.

Poire, M. and Sabel, C. (1984), *The Second Divide: Possibilities for Prosperity*, Basic Books, N.Y., USA.

Skuras, D., Tsegenidi, K. and Tsekouras, K. (2008), "Product Innovation and the Decision to Invest in Fixed Capital Assets: Evidence from an SME Survey in Six European Union Member States", *Research Policy*, vol. 37, no. 10, pp. 1778–1789.

Wu, J., Song, J. and Zeng, C. (2008), "An Empirical Evidence of Small Business Financing in China", *Management Research News*, vol. 31, no. 12, pp. 959–975.

Received 9 February 2017

УПРАВЛЕНИЕ РЕСУРСНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ И РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

УДК 65.011:625.7/8

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-94-110

ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т. В. БУКИНА

канд. геогр. наук, доц., доцент департамента экономики и финансов
Пермский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38
ORCID: 0000-0001-8465-113
ResearcherID: K-3217-2015
Электронный адрес: bukinatv@mail.ru

Е. К. БУКИН

магистрант образовательной программы «Государственное и муниципальное
управление»
Пермский филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 614070, Россия, г. Пермь, ул. Студенческая, 38
ORCID: 0000-0003-4306-1877
ResearcherID: D-5940-2017
Электронный адрес: buego94@mail.ru

Правильная ссылка на статью:

Букина Т. В., Букин Е. К. Формирование управленческой стратегии развития и функционирования сети федеральных автомобильных дорог Российской Федерации // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 94–110. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-94-110.

Введение: в настоящее время достигнутый уровень развития автодорожной сети России не в полной мере соответствует потребностям экономики, что негативно сказывается на развитии страны, особенно в условиях быстро возрастающих темпов автомобилизации населения. Кроме того, уровень организации дорожного движения, как основного элемента эксплуатации, остается довольно низким и имеет большое количество факторов, тормозящих его развитие, что обусловлено отсутствием учета территориальной специфики при разработке проектов в сфере дорожного строительства.

Цель: обоснование необходимости более эффективного учета территориальной специфики при строительстве и эксплуатации сети автомобильных дорог федерального значения Российской Федерации.

Методы: для учета территориальной специфики развития и функционирования федеральных автодорог авторами была разработана методика, которая принимает во внимание два основных аспекта: географический и логистический. Географический аспект оценивается на основе проведенного дорожного климатического районирования и характеризуется геоморфологическими и климатическими особенностями территории, а логический аспект – с помощью методов математического моделирования транспортной нагрузки и определяется транспортно-техническими характеристиками автомобильной дороги.

Результаты: рассмотрены особенности развития федеральной автодорожной сети; проанализирована нормативно-правовая база, регламентирующая строительство и эксплуатацию федеральных автомобильных дорог; типизированы федеральные автомобильные дороги с учетом территориальной специфики.

Выводы: разработанная авторами методика учитывает территориальную специфику при строительстве и эксплуатации сети автомобильных дорог федерального значения Российской Федерации. Она позволяет сократить издержки при строительстве и использовании системы автомобильных дорог, увеличить срок службы дороги, а, значит, способствует устойчивому развитию автотранспортной системы страны. Данная методика может стать основой для формирования управленческой стратегии в автодорожной сфере. Она позволяет получить комплексную характеристику отдельно взятой автодороги, что дает возможность вносить изменения в технологические схемы строительства, а также разрабатывать мероприятия по эксплуатации в зависимости от постоянных и изменчивых характеристик территории.

Ключевые слова: управленческая стратегия; сеть автомобильных дорог; территориальная специфика; организация дорожного движения; нормативно-правовая база, регламентирующая строительство и эксплуатацию федеральных автомобильных дорог

Сегодня одной из важных хозяйственных систем является сеть автомобильных дорог, поскольку в ходе технического прогресса особенно высокими темпами развивается сфера транспорта, прежде всего автомобильного, как связующего звена между всеми видами экономической деятельности (Меркушев и др., 2014). Интересы развития общества, производственные процессы требуют дальнейшего повышения производительности работы транспортной системы, интенсификации автомобильного транспорта, что, в свою очередь, напрямую связано с вопросами развития и функционирования автотранспортной сети.

Существуют различные аспекты, определяющие ее развитие и функционирование. Наше внимание в рамках данной статьи направлено на формирование управленческой стратегии в сфере автомобильных дорог федерального значения Российской Федерации, ключевым элементом которой станет обоснование необходимости более эффективного учета территориальной специфики при строительстве и эксплуатации данного вида дорог.

Фокус исследования именно на стратегии объясняется тем, что только грамотно построенная стратегия определяет горизонт для развития системы, что позволит в дальнейшем корректно сформулировать стратегические цели и спланировать конкретные мероприятия, необходимые для их достижения.

Формирование управленческой стратегии в сфере автомобильных дорог федерального значения предполагает, во-первых, рассмотрение особенностей развития федеральной автодорожной сети, во-вторых, анализ современной нормативно-правовой базы, регламентирующей строительство и эксплуатацию

федеральных автомобильных дорог. Это позволит выявить проблемы, возникающие в процессе управления автодорогами и предложить механизм их решения.

Начнем с выявления проблем и перспектив развития федеральной автодорожной сети России. Следует отметить, что в настоящее время она не соответствует потребностям социально-экономического развития страны, которое определяет необходимость использования автомобилей массой от 2 до 5 т и более 20 т для перевозки грузов. За последние два десятилетия доля автомобилей этой весовой категории выросла почти в три раза (табл. 1). При этом уровень развития автомобильных дорог в России до сих пор не достиг уровня 1990 года (рис. 1).

Таблица 1

Динамика изменения структуры парка автомобилей в России (1990–2015 годы)

Годы	Для автомобилей по грузоподъемности, %						
	до 2 т	2–5 т	остальные	в том числе			
				5–8 т	8–10 т	10–15 т	15 т
1990	4,70	88,70	6,60	5,00	1,60	–	–
1995	11,25	73,75	15,00	2,11	6,73	2,92	3,24
2000	13,40	62,25	24,35	4,17	10,37	4,18	5,63
2005	18,65	49,90	31,45	5,51	11,96	4,30	9,68
2010	21,20	42,20	36,60	6,14	12,49	4,72	13,25
2015	27,30	58,45	39,95	7,22	16,33	9,40	20,24

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата.

Необходимо отметить, что начиная с 1970 года увеличивается разрыв между показателями общей протяженности дорог и потребностью в них (рис. 1) при значительных темпах роста автомобилизации населения, который, по данным Росстата, с 1970 по 2015 год составил около 800 %¹. Это свидетельствует о том, что показатель пропускной способности автодорог России за рассматриваемый период снизился в 8 раз, так как он рассчитывается исходя из отношения числа транспортных средств на 1 км автодороги с твердым покрытием.

Минимально необходимая протяженность дорог общего пользования с твердым покрытием в 2015 году составляла 1500 тыс. км (рис. 1). За минимальный порог насыщения территории России автомобильными дорогами принято считать 2000 тыс. км (Васильев, 2005), при котором населенные пункты будут связаны дорогами с твердым покрытием, а наиболее крупные населенные пункты на освоенной территории будут иметь в среднем по две и более надежно функционирующие транспортные связи.

Задачи по развитию дорожной сети на период 2010–2030 годы были определены в «Транспортной стратегии Российской Федерации», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 года № 1734-р². Согласно

¹ СНиП 3.06.03-85. Автомобильные дороги [Электронный ресурс]. URL: <http://files.stroyinf.ru/Data1/1/1954> (дата обращения: 17.05.2016).

² О Транспортной стратегии Российской Федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 22.11.2008 г. № 1734-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82617/ (дата обращения: 06.12.2016).

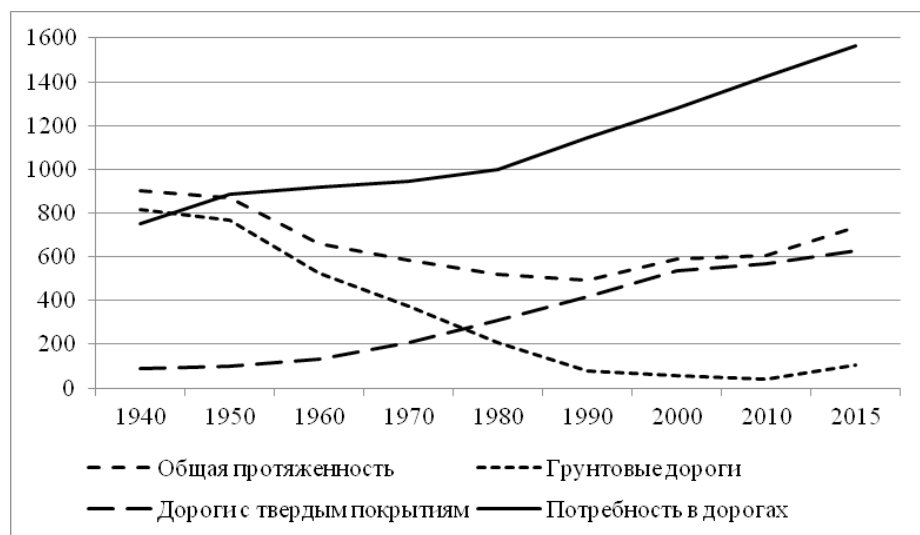

Рис. 1. Показатели развития сети автомобильных дорог России.
Источник: составлено авторами по данным федерального дорожного агентства (Росавтодора)

документу, были разработаны два варианта прогноза развития транспортного комплекса страны: базовый (консервативный) и инновационный. Данный прогноз был составлен на основе Федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 05 декабря 2001 года³. Базовые показатели развития авто-транспортной инфраструктуры Российской Федерации к 2020 году по двум вариантам прогноза представлены в таблице 2.

Каждый из вариантов прогноза предполагает увеличение общей протяженности транспортной сети на 36,4 % (табл. 2). Данный уровень развития автодорожной сети позволит обеспечить покрытие территории Российской Федерации сетью автомобильных дорог на 80–85 %, что, в конечном итоге, приведет к снижению коэффициента удаленности на 0,63. Коэффициент удаленности – это относительная величина, показывающая степень перепробега при транспортировке грузов и пассажиров по автомобильным дорогам (Клинковштейн и др., 2001). Все это позволит создать условия для обеспечения населения транспортной инфраструктурой и станет основой успешного экономического развития как регионов в отдельности, так и страны в целом.

Наряду со строительством новых дорог остро стоит проблема приведения существующих дорог в соответствие с нормативными требованиями. Одни

³ О Федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 05.12.2001 г. № 848. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_86305/ (дата обращения: 02.12.2016).

Таблица 2

**Базовые показатели развития автотранспортной инфраструктуры
Российской Федерации к 2020 году**

Вид работы, км	Вариант 1 (базовый)			Вариант 2 (инновационный)		
	Федеральные дороги	Территориальные дороги	Всего	Федеральные дороги	Территориальные дороги	Всего
Ремонт дорог с усовершенствованным покрытием	33300,0	143700,0	177000,0	33300,0	180700,0	214000,0
Ремонт дорог с низшим типом покрытия	5100,0	171200,0	176300,0	5100,0	195100,0	200200,0
Ремонт мостов	128,0	280,6	408,6	128,0	280,6	408,6
Строительство новых дорог	1185,0	23100,0	24285,0	1185,0	45300,0	46485,0
Реконструкция существующих дорог	2898,0	29000,0	31898,0	4283,0	35100,0	39383,0
Строительство путепроводов	38,7	25,7	64,4	38,7	25,7	64,4

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата.

из них имеют низкокачественное покрытие, так называемую «малопрочную дорожную одежду», не позволяющую пропускать движение современных большегрузных автомобилей. Другие исчерпали пропускную способность или имеют много опасных участков для движения. Все они подлежат полной или частичной реконструкции.

К началу 2016 года Федеральная целевая программа «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)» в области развития автотранспортной инфраструктуры по целевым показателям была выполнена на 42 %⁴.

Данное значение показателя обусловлено низкими темпами реконструкции федеральных автомобильных дорог, что не позволяет эффективно использовать возможности автотранспортной системы России (табл. 3). Кроме того, за период 2008–2013 годов в России построено 18 567 км автомобильных дорог общего пользования, в том числе 2 032 км федеральных и 16 535 км территориальных. Таким образом, объемы работ по реконструкции сопоставимы с объемами работ по строительству новых дорог, что говорит о сбалансированности развития системы дорожного движения. Однако достигнутые

⁴ О внесении изменений в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 30.05.2016 г. № 485. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71320720/#review> (дата обращения: 02.12.2016).

Протяженность реконструируемых автомобильных дорог (2008–2013 годы)

Вид автомобильных дорог	Протяженность реконструируемых дорог по годам						
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2008–2013
Всего	2700	2592	1805	2298	2601	3033	15029
федеральные	273	222	99	557	568	544	2263
территориальные	2427	2370	1706	1741	2033	2589	12766

Источник: составлено авторами на основании данных Центра дорожной информации.

темпы реконструкции дорог совершенно не соответствуют реальной потребности, задаваемой уровнем нагрузки потока.

Одним из свидетельств этого является рост показателя аварийности на автомобильном транспорте. Ущерб от дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) угрожает национальной безопасности России. Согласно данным Росстата за 2015 год, число погибших в ДТП от всех видов транспортных несчастных случаев превышает 70 %⁵. Негативные последствия от аварийности на автомобильном транспорте в несколько раз превышают ущерб от железнодорожных катастроф, пожаров и других видов несчастных случаев.

Особую остроту данная, отличающаяся сложностью и многоплановостью, проблема приобрела в последние пять лет, что обусловлено, главным образом, большими темпами автомобилизации населения, а также недостаточной эффективностью функционирования системы обеспечения безопасного движения по автомобильным дорогам.

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, около 70 % ДТП в мире происходит из-за неправильной организации дорожного движения. В России эта проблема стоит особенно остро. Во-первых, на нее слишком поздно обратили внимание. Во-вторых, отсутствует комплексный подход к обеспечению организации дорожного движения в стране. Сегодня многие мероприятия проводятся независимо друг от друга, преследуют разные цели и направлены на решение отдельных конкретных проблем в ущерб решению системных вопросов. При таком подходе возникает так называемый «эффект альбедо», который заключается в увеличении аварийности из-за повышения сложности движения. В-третьих, не учитывается территориальная специфика, что в условиях единства транспортной сети не позволяет решать проблемы в рамках взаимодействия федеральных и региональных органов власти. В-четвертых, принятие решений без учета территориальной специфики снижает эффективность проводимых мероприятий.

К тому же, с учетом введения новых санитарных норм функционирования объектов автотранспортной сети, все автомобильные магистрали федерального и регионального значения с интенсивностью движения свыше 10 тыс.

⁵ *Естественное движение населения Российской Федерации – 2015 г. [Электронный ресурс] // Федер. служба гос. статистики (Росстат): офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения: 30.12.2016).*

автомобилей в сутки, а также транспортные коридоры следует прокладывать не только вне территории крупных и крупнейших городов, но и за пределами их пригородных зон.

Можно сказать, что уровень организации дорожного движения, как основного элемента эксплуатации автодорог Российской Федерации, остается довольно низким и имеет большое количество угроз, тормозящих его развитие, что обусловлено отсутствием территориальной специфики при разработке проектов в сфере дорожного строительства. Дорожное хозяйство страны не выполняет в должной мере свою основную функцию – обеспечение пользователей дорог возможностью безопасного, своевременного и комфортного перемещения грузов и пассажиров.

Рассмотрим особенности законодательного регулирования строительства и эксплуатации федеральных автомобильных дорог Российской Федерации. Систему нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу автомобильных дорог, можно разделить на четыре основных блока: международные акты; федеральные нормативные правовые акты; государственные стандарты; иные технические нормативы и иные документы. Каждый блок решает определенные задачи: первый блок отвечает за интеграцию автомобильных дорог России в международную транспортную систему и состоит из единственного документа – европейской конвенции «О безопасности дорожного движения». Второй блок создан для внутригосударственного регулирования сферы строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Третий вводит качественные и количественные показатели для оценки механизмов регулирования, представленных во втором блоке. Четвертый блок вносит рекомендации и разъясняет вопросы, возникающие в процессе управления в рамках второго и третьего блоков (рис. 2).

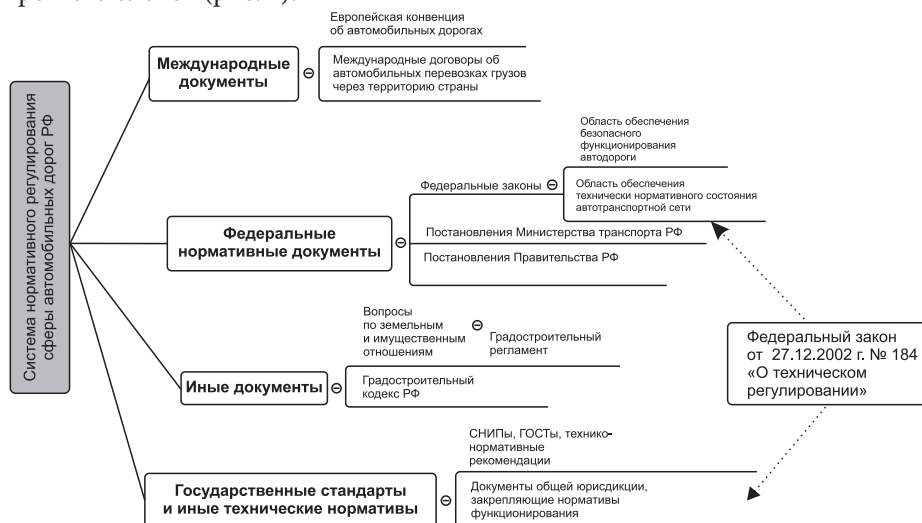

Рис. 2. Система нормативно-правовых актов в сфере регулирования автомобильных дорог в Российской Федерации.

Источник: составлено авторами

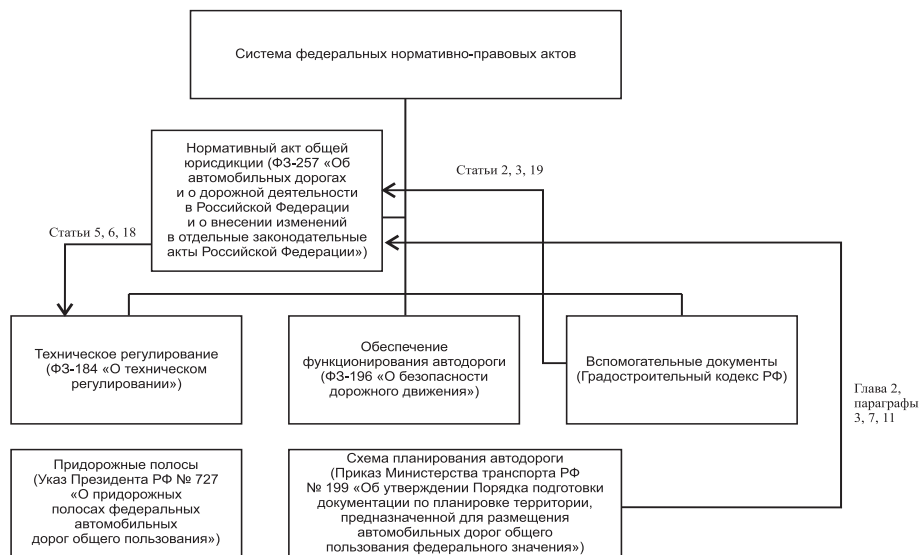

Рис. 3. Нормативные акты, регламентирующие отдельные аспекты функционирования федеральной автодорожной сети.

Источник: составлено авторами

Второй блок, который мы рассматриваем как основной, регулирующий сферу автомобильных дорог в России, включает в себя три уровня нормативно-правовых документов:

- 1) нормативные акты, регламентирующие общие аспекты государственного регулирования;
- 2) специальные нормативные документы, регламентирующие отдельные аспекты функционирования федеральной автодорожной сети;
- 3) документы внутреннего пользования, которые необходимы для регулирования деятельности федеральных агентств и ведомств, работающих в автодорожной сфере (рис. 3).

На первом уровне представлен единственный нормативный правовой акт – федеральный закон от 8 ноября 2007 года № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 257)⁶.

В статье 17 «Содержание автомобильных дорог» устанавливается, что оно осуществляется в соответствии с требованиями технических регламентов в целях обеспечения сохранности автомобильных дорог, а также организации дорожного движения, в том числе посредством поддержания бесперебойного и безопасного движения транспортных средств по автомобильным доро-

⁶ Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 14.11.2016).

гам. Особенно важно подчеркнуть, что упомянутая статья предусматривает содержание дорог в соответствии с техническим регламентом – единым для всех автомобильных дорог, расположенных в различных территориях России, без учета территориальной специфики.

В статье 18 уточняется, что ремонт автомобильных дорог осуществляется в соответствии с требованиями технических регламентов в целях поддержания бесперебойного движения транспортных средств по автомобильным дорогам и безопасных условий такого движения, а также для обеспечения сохранности автомобильных дорог. При этом классификация работ по ремонту автомобильных дорог устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере дорожного хозяйства. Следует отметить, что под понятием «ремонт дороги» понимается формальное соответствие состояния дорожного покрытия требованиям технического регламента. Согласно техническому регламенту, закладывается смета строительства и эксплуатации автомобильной дороги.

Статья 20 регламентирует строительство, реконструкцию, капитальный ремонт пересечения автомобильной дороги с другими автомобильными дорогами и ее примыкания. Все это допускается при наличии разрешения на строительство, выдаваемого в соответствии с Градостроительным кодексом РФ.

В этой же статье рассматриваются правила реконструкции и строительства в зоне пересечения транспортных магистралей. Отличительной чертой российской законодательной системы является ведомственный подход, обуславливающий несовпадение, а часто и противоречие нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность отдельных органов власти в сфере безопасности дорожного движения.

Статья 28 закрепляет права пользователей автомобильными дорогами. Они, во-первых, имеют право свободно и бесплатно осуществлять проезд на транспортных средствах, перевозку пассажиров, грузов по автомобильным дорогам общего пользования в пределах Российской Федерации, если иное не установлено ФЗ № 257. При этом данная статья не закрепляет в своем аппарате термин «пользователи автомобильной дороги». Во-вторых, получать компенсацию вреда, причиненного их жизни, здоровью или имуществу в случае строительства, реконструкции, капитального ремонта, а также содержания автомобильных дорог, вследствие нарушений требований ФЗ № 257 и требований технических регламентов. В-третьих, у пользователей есть право получать оперативную информацию о маршрутах транспортных средств по автомобильным дорогам, об условиях движения транспортных средств по автомобильным дорогам, о допустимых нагрузках в расчете на одну ось, скорости движения транспортных средств и других сведений. Однако на сегодня в России не принято ни одного нормативно-правового акта, который предусматривал бы создание единой информационной базы такого рода.

Статья 30 позволяет вводить временные ограничения или прекращение движения транспортных средств по автомобильным дорогам. Подобные ограничения могут быть введены:

- при реконструкции, капитальном ремонте и ремонте автомобильных дорог;
- в период возникновения неблагоприятных природно-климатических условий, в случае снижения несущей способности конструктивных элементов автомобильной дороги, ее участков;
- в иных случаях в целях обеспечения безопасности дорожного движения.

При этом в законе не регламентированы ни сроки, на которые могут быть введены временные ограничение или прекращение движения, ни виды транспортных средств, которые под них попадают, ни особенности дорог, которые могут повлечь принятие соответствующих решений исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления. «Порядок осуществления временных ограничений или прекращения движения транспортных средств по автомобильным дорогам федерального значения и частным автомобильным дорогам» утвержден подзаконным актом – приказом Минтранса России от 12 августа 2011 года № 211⁷.

Важно подчеркнуть, что представленные статьи ФЗ № 257 нормируют все автомобильные дороги по одному стандарту, не учитывая при этом территориальных особенностей. Например, при расчете стоимости реконструкции одного километра автомобильной дороги необходимо обеспечить соответствие проекта требованиям СНиПа 3.06.03-85⁸. При таком подходе полностью нивелируются особенности территорий, в которых расположены автомобильные дороги, а при строительстве различия климатических условий и подстилающей поверхности приводят к удорожанию проекта и повышению издержек в процессе эксплуатации автомобильной дороги.

Зачастую наблюдается противоречие между нормами ФЗ № 257 и другими нормативными источниками, используемыми при проведении технических расчетов. Там, содержание статьи 20 ФЗ № 257 противоречит содержанию статьи 18 Градостроительного кодекса РФ и статьи 23 федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – ФЗ № 196) в части требований к строительству развязок на транспортных пересечениях. В ФЗ № 196 установлено, что уклон съезда с эстакады и крутизна поворотов рассчитываются в зависимости от климатических условий территории – количества осадков и количество переходов через ноль. Обращаясь к статье 18 Градостроительного кодекса РФ, обнаруживаем, что уклон при съезде с эстакады составляет 6–8°, а угол поворота – 120–150°, и эти значения постоянны. При этом статья 20 ФЗ № 257 не предусматривает технических ограничений при строительстве развязок и не закрепляет данные нормы ссылками на иные нормативные источники. Исходя из вышеизложенного может возникнуть ситуация, при которой объект, построенный

⁷ Об утверждении Порядка осуществления временных ограничений или прекращения движения транспортных средств по автомобильным дорогам федерального значения и частным автомобильным дорогам [Электронный ресурс]: приказ Министерства транспорта Рос. Федерации от 12.08.2011 г. № 211. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70106098/paragraph/7:1> (дата обращения: 08.12.2016).

⁸ СНиП 3.06.03-85. Автомобильные дороги...

в соответствии с нормами ФЗ № 257 и Градостроительного кодекса РФ, не может быть принят в эксплуатацию из-за его несоответствия ФЗ № 196.

Более того, ФЗ № 257 создает возможности для ущемления прав граждан, закрепленных в Конституции РФ. В главе 8 этого федерального закона разрешается строительство платных автомобильных дорог. При этом законодательно не закреплено, что в России запрещено строительство платных дорог без возможности альтернативного проезда по бесплатной магистрали. В итоге это может привести к нарушению прав граждан на свободное перемещение.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о несовершенстве нормативно-правовой базы, регламентирующей строительство и эксплуатацию автомобильных дорог. Она не учитывает территориальной специфики расположения автомобильной дороги, не регламентирует объекты, на которые распространяются положения закона. В итоге мы не имеем усредненной стоимости одного километра автомобильной дороги.

Поэтому для совершенствования функционирования и развития автодорожной сети при разработке управленческой стратегии применим комплексную классификацию транспортной нагрузки на автодороги, которая позволит учесть территориальную специфику.

В качестве одного из важных факторов, отвечающего за функционирование автодороги, выступает состояние автодорожного покрытия (далее – АДП). За период 2010–2016 годы из-за ненормативного состояния АДП произошло около 9 тыс. ДТП, что составляет около 53 % от общего числа⁹. Состояние покрытия занимает сегодня 4 место в рейтинге причин ДТП, что свидетельствует о важности этого фактора в эксплуатации данной дороги (рис. 4).

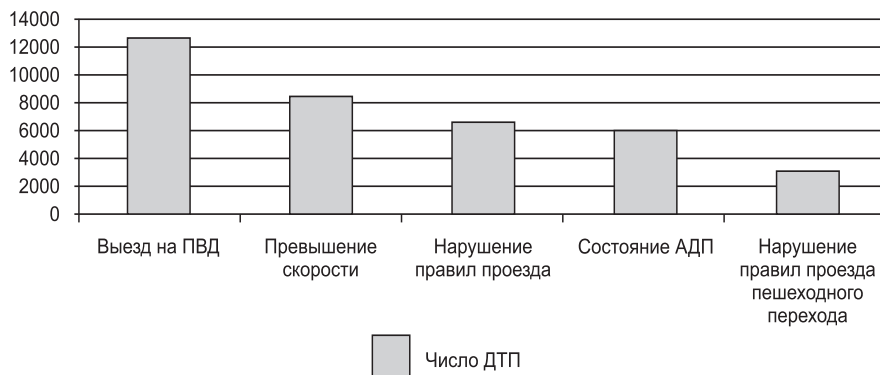

Рис. 4. Количество ДТП на федеральных автодорогах за период 2010–2016 годы.

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата

Состояние покрытия дороги зависит, прежде всего, от правильного распределения нагрузки на автодорогу. Нагрузку можно ограничивать и перераспределять благодаря высоким темпам развития автотранспортной сети и

⁹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Госавтоинспекция: офиц. сайт. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 03.12.2016).

эффективного управления автодорогой, за счет совершенствования организации дорожного движения.

Для учета территориальной специфики развития и функционирования федеральных автодорог авторами была разработана методика, которая принимает во внимание два основных аспекта: географический, который оценивается на основе проведенного дорожного климатического районирования, и логистический, который оценивается с помощью методов математического моделирования транспортной нагрузки.

Географический аспект характеризуется геоморфологическими и климатическими особенностями территории.

Климатический фактор, согласно данным о климатическом районировании, включает в себя две основные характеристики – осадки и температурный режим.

В зависимости от количества осадков выделяются три зоны, в которых расположены автодороги: зоны с малым увлажнением (K0); зоны со средним увлажнением (K1); зоны с избыточным увлажнением (K2) (табл. 4).

Таблица 4

**Особенности организации дорожного движения в зависимости
от количества выпадаемых осадков**

Категория автодороги	Количество осадков	Мероприятия по организации дорожного движения и особенности строительства автодороги
K0	400–600	При организации дорожного движения на дорогах категории K0 следует обратить особое внимание на ограничение скоростного режима для длинномерных транспортных средств. Данная категория не требует особых мероприятий при строительстве автодорог.
K1	600–800	При организации дорожного движения на дорогах категории K1 необходимо оборудовать данный участок предупреждающими знаками «Скользкая дорога»; в местах скопления воды ограничить скорость до 70 км/ч.
K2	800–1000	При организации дорожного движения на дорогах категории K2 следует вводить ограничение скоростного режима до 60 км/ч; установить системы «мягких» бортов безопасности на поворотах, оборудовать автомобильные дороги водосточными сооружениями. При строительстве проектный уклон дороги от центральной оси к обочине увеличить до 1,7° (по СНиП-12/74).

Источник: составлено авторами.

Данная методика может решить проблему, связанную с выявлением оснований для установки дорожных знаков. К тому же данная классификация позволит рассчитать уклон автомобильной дороги, закладываемый при ее строительстве, что исключит фактор накопления осадков. В итоге уменьшится аварийность на дороге и число «Аквапланирования».

Наибольшее влияние на состояние покрытия и технологию его укладки оказывают суточные колебания температуры. Для территории России, согласно данным климатического районирования, выделяются два типа зон – с амплитудой до 20°C и более 20°C. В зависимости от значения амплитуды следует внести поправки в технологическую схему строительства и расчета эксплуатационной нагрузки с учетом коэффициента зависимости от температуры воздуха. Данная методика предполагает разделение территории на два основных района: территория, расположенная в зоне с большой годовой амплитудой (Т1), и территория с маленькой амплитудой колебания (Т0) (табл. 5).

Таблица 5

**Особенности организации дорожного движения в зависимости
от температурного режима**

Категория автодороги	Амплитуда колебания	Мероприятия по организации дорожного движения, особенности строительства автодороги
Т1	Амплитуда более 20°C	При организации дорожного движения на дорогах категории Т1 необходимо ограничить нагрузку на каждую ось до 6 т. При строительстве дороги использовать финскую технологию строительства: создавать дополнительную бетонную подушку; водоотводный наклон; формировать трехслойное покрытие, которое не пропускает воду в микротрещины асфальта, тем самым предотвращает формирование трещин.
Т0	Амплитуда до 20°C	При организации дорожного движения на дорогах категории Т0 необходимо ввести ограничение нагрузки для данного типа автодорог – стандартное (12,2 т на каждую ось) (п. 6.11 ПДД). Данная категория не требует столь затратных проектов строительства дороги: для данной автодороги достаточно обычной песчаной подушки и стандартного двухслойного покрытия (СНИП-16/22).

Источник: составлено авторами.

Большое значение для нормального функционирования автодороги имеет подстилающая поверхность. В связи с тем, что ни в одном программном документе данному фактору не уделяется внимание, предлагается при проведении классификации автодороги оценить геолого-геоморфологические особенности территории. В данную методику не закладывается фактор сейсмичности, так как он учтен в технологической схеме строительства автодорог по СНиП 3.06.03-85.

В рамках данной классификации предлагается разделить территорию по геоморфологическим особенностям на три основные группы: А – дороги в устойчивых геоморфологических зонах; В – дороги с подвижной подстилающей поверхностью; С – дороги в зонах активного геоморфологического преобразования (табл. 6).

**Особенности организации дорожного движения в зависимости
от геоморфологических особенностей местности**

Категория автодороги	Тип фундамента	Мероприятие по организации дорожного движения, особенности строительства автодороги
А	Устойчивый	На дорогах данного типа предполагается строительство автомагистралей с двух- и трехуровневыми развязками, ограничением максимальной скорости до 120–150 км/ч. По данной дороге предполагается пускать основные потоки транзитного транспорта, что позволит снизить нагрузку на участки автомобильных дорог, обладающих меньшей геоморфологической устойчивостью.
В	Переменно-устойчивый	Данные дороги представляют собой постепенное разрушение АДП под воздействием высокой скорости или большой массы транспортных средств. В связи с этим предлагается ограничить скорость до 60 км/ч и нагрузку на ось до 5 т на каждую. Проводить капитальный ремонт автомобильной дороги раз в 5–7 лет.
С	Крайне неустойчивый	Данный участок представляет собой дорогу повышенной опасности. На ней необходимо: ограничить движение длинномерных и тяжеловесных транспортных средств; установить камеры фотовидеофиксации, позволяющие осуществлять контроль за движением транспортных средств на всем участке. При строительстве дорог в зонах геоморфологической неустойчивости необходимо выравнивание дороги, а также ее максимальное облегчение по весу транспортного средства и по уровню дорожной инфраструктуры: минимальное количество знаков, бортов безопасности, разделительных полос и прочих технических средств, увеличивающих нагрузку на этот участок.

Источник: составлено авторами.

Логистический аспект характеризуется транспортно-техническими характеристиками автомобильной дороги. В качестве этих характеристик принято выделять основной фактор воздействия на автодорожное покрытие – предельную транспортную нагрузку.

Для определения транспортной нагрузки автодороги воспользуемся модифицированным индексом Херфиндаля-Хиршмана (ИНН). Он рассчитывается по формуле: $ИНН = Y^2$, где Y – доля тяжеловесных транспортных средств в общем потоке. Получаемое значение может быть интерпретировано следующим образом: если $ИНН < 1000$, то влияние тяжеловесных транспортных средств на покрытие незначительное; если $1000 < ИНН < 1800$, то влияние тяжеловесных транспортных средств на асфальтовое покрытие умеренное, а если $ИНН > 1800$, то влияние тяжеловесных транспортных средств на состояние покрытия предельно допустимое. В зависимости от значения ИНН предлагается выделить три категории автомобильных дорог: Х0 – дороги для легковых

Особенности организации движения и строительства автодорог в зависимости от транспортной нагрузки

Категория автодороги	ИНН	Мероприятия по организации дорожного движения, особенности строительства автодороги
X0	ИНН<1000	При строительстве необходимо учитывать легкую нагрузку на дороги. Данная дорога может быть построена по принципу кратчайшего расстояния между пунктами, с помощью тоннелей и мостовых переездов. Ограничить скорость на данном участке автодороги до 120 км/ч и установить средства фотовидеофиксации через каждые 20 км. Использовать средства успокоения движения в виде искусственных неровностей и систем создания кругового движения.
X1	1000<ИНН<1800	Дорога должна иметь две полосы в каждую сторону для выполнения безопасного обгона. Обеспечить угол поворота до 80°. При строительстве необходимо использовать технологию двойного асфальта. Оборудовать трассу «отбойниками» двойной прочности. Максимально уменьшить количество мостов на данной автодороге.
X2	ИНН>1800	Ограничение средневзвешенной нагрузки на ось до 6 т. Установка станций взвешивания на данных автомобильных дорогах для контроля веса. При строительстве дороги использовать технологию тройного асфальта и бетонной подушки. При строительстве дорог сократить угол поворота до 15°. Полностью исключить наличие средств успокоения движения на данных дорогах. Через каждые 5 км создать полосы для аварийной остановки транспортных средств с песчаными барьерами, которые могут гасить скорость в случае отказа тормозов. В местах подъемов и спусков данная дорога должна иметь не менее двух полос в каждую сторону.

Источник: составлено авторами.

автомобилей; X1 – дороги смешанного типа; X2 – дороги для грузовых автомобилей (табл. 7).

Для оценки эффекта введения данной методики рассчитаем логистический индекс Корхера, который показывает уровень аварийности в зависимости от условий строительства и эксплуатации автомобильных дорог. Данный индекс рассчитывается по формуле:

$$S_x = M * Q * D_L,$$

где M – уровень покрытия,

Q – степень нагрузки на автодорогу,

D_L – влияние внешней среды.

Этот коэффициент изменяется от 0 до 1; чем он меньше, тем ниже уровень аварийности на автомобильной дороге. Расчеты показали, что данный коэф-

фициент равен 0,27, что говорит об эффективности представленной методики для классификации автодорог.

Таким образом, использование данной методики позволяет типизировать все автомобильные дороги и учитывать специфику территории при принятии управленческих решений. Данная методика может стать основой для формирования стратегии дорожного строительства. Учет территориальной специфики обеспечивает не только сокращение издержек, но и увеличение срока службы дороги, а значит, формирование системы устойчивого развития транспортной системы Российской Федерации.

Кроме того, необходимо отметить тот факт, что разработанная методика позволяет получить комплексную характеристику отдельно взятой автодороги, что делает возможным вносить изменения в технологические схемы строительства, а также разрабатывать мероприятия по эксплуатации автодорог в зависимости от постоянных и изменчивых характеристик территории.

Библиографический список

Клинковштейн Г. И., Афанасьев М. Б. Организация дорожного движения. М: Транспорт, 2001. 247 с.

Меркушев С. А., Чекушева Л. Ю. География транспорта России. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. 438 с.

Справочная энциклопедия дорожника. Т. 1. Строительство и реконструкция автомобильных дорог [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Васильева. М.: Информавтодор, 2005. 1519 с. URL: <http://www.gosthelp.ru/text/SpravochnikSpravochnayaen2.html> (дата обращения 05.12.2016).

Статья получена 27 января 2017 года

UDC 65.011:625.7/8

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-94-110

THE MANAGEMENT STRATEGY FOR DEVELOPMENT AND FUNCTIONING OF NATIONAL HIGHWAY SYSTEM

Tatyana V. Bukina

National Research University the Higher School of Economics
in Perm, 38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia

ORCID: 0000-0001-8465-113

ResearcherID: K-3217-2015

E-mail: bukinatv@mail.ru

Egor K. Bukin

National Research University the Higher School of Economics
in Perm, 38 Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia

ORCID: 0000-0003-4306-1877

ResearcherID: D-5940-2017

E-mail: buego94@mail.ru

The right reference on this paper is:

Bukina, T. V. and Bukin, E. K. (2017), (2017), "The Management Strategy for Development and Functioning of National Highway System", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 94–110. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-94-110.

Introduction. Presently the level of national highways development does not match the socio-economic development of the country. The traffic organization is low and contains threats. The reason is no concern for the territory's peculiarities in designing road construction projects.

The **aim** is to justify the need to take into account the territory's peculiarities for the construction and exploitation of the national highways.

Methods. The paper proposes methodology that takes into account two main aspects: a geographical aspect and logistics. The geographical aspect assessment is grounded on road climatic zoning which is characterized by geomorphological and climatic features of the territory. The logistics aspect is assessed through the mathematical modeling methods to calculate the transport load and is characterized by transport and technical characteristics of the road.

Results. Features of federal road network development are considered, regulatory framework for the construction and exploitation of the national highways is analyzed, and federal highways are typified taking into account the territory's peculiarities.

Conclusion. The authors' methodology takes into account the territorial peculiarities for the construction and exploitation of the national highways. It allows reducing costs in the construction and exploitation of the road system, increasing the life of the road, and, therefore, contributes to sustainable development of the road system in Russia.

This obtained methodology can be the basis to articulate road-building strategy. Also, the methodology provides a comprehensive description of a highway that provides the opportunities to make changes in the technological schemes with due regard to the territory's characteristics.

Key words: management strategy; national highway system; territorial specificity; traffic management; legal and regulatory framework governing the construction and maintenance of national highway system

References

Klinkovshtein, G. I. and Afanašev, M. B. (2001), *Organizacija dorozhnogo dvizhenija* [Traffic Organization], Transport, Moscow, Russia.

Merkushev, S. A. and Chekmeneva, L. U. (2014), *Geografija transporta Rossii* [Geography of Transport in Russia], Perm University Press, Perm, Russia.

Vasil'ev, A. P. (ed.) (2005), *Spravochnaja jenciklopedija dorozhnika. Tom 1. Stroitel'stvo i rekonstrukcija avtomobil'nyh dorog* [Reference Encyclopedia of a Road Worker. Vol. 1. Construction and Reconstruction of Highways], Informavtodor, Moscow, Russia [Online], available at: <http://www.gosthelp.ru/text/SpravochnikSpravochnayaen2.html> (Accessed 5 December 2016).

Received 27 January 2017

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 324(73)

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-111-131

ВЫБОРЫ 45-ГО ПРЕЗИДЕНТА США: КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕХНОЛОГИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Ю. В. ИРХИН

д-р филос. наук, проф., профессор кафедры политологии и политического управления

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации», 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 82

профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6

ORCID: 0000-0002-3350-2563

ResearcherID: D-1813-2017

Электронный адрес: Irkhine@mail.ru

Правильная ссылка на статью:

Ирхин Ю. В. Выборы 45-го Президента США: ключевые особенности, технологии, результаты // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 1. С. 111–131. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-111-131.

Введение: выборы каждого очередного Президента США, как высшего должностного лица страны, обладающего большими полномочиями, всегда представляют значительный общественный и научный интерес. Во-первых, речь идет о главе и, соответственно, о стратегическом курсе самого развитого в промышленном и военном отношении государства, к тому же одного из самых влиятельных в мире. Во-вторых, нынешние выборы в США имеют существенное значение для нашей страны, поскольку при предыдущей американской администрации российско-американские отношения складывались очень сложно и по многим направлениям были, по сути, заморожены. В-третьих, на таких выборах нередко апробируются новые программы, электоральные методики, технологии, методы прогнозирования и др. Их анализ помогает лучше понять как особенности собственно президентской электоральной кампании, так и ее влияние на очередной цикл политического развития США и мировой политики.

Цель: выделить и рассмотреть ключевые особенности выборов 45-го Президента США.

Методы: для рассмотрения особенностей президентской кампании, а также программ и стратегий претендентов на пост Президента США автор использовал методы сравнитель-

ного, системного, структурно-функционального, институционального и психологического подходов. Для анализа тактик претендентов применялись бихевиоралистский, коммуникативный и постмодернистский подходы, а также методология А. Лихтмана «13 ключей от Белого Дома», конкретные методики Big Data, включенное наблюдение, фактор «колеблющихся штатов», ставший ключевым на завершающем этапе президентской избирательной кампании.

Результаты: проанализированы избирательные кампании кандидатов в Президенты США от Республиканской и Демократической партии; представлен сравнительный анализ их избирательных программ; изучены результаты голосования.

Выводы: к избирательному потенциалу Д. Трампа следует отнести следующее: харизма, ориентация на развитие национальной промышленности, поддержка Республиканской партии и военных кругов, высокопрофессиональная команда со специалистами в сфере «электронной демократии». Показаны различные аспекты избирательной стратегии Х. Клинтон. К сильным сторонам следует отнести ее широкую известность, мощную поддержку Демократической партии и лично действующего на тот момент 44-го Президента США Б. Обамы, а также мировых финансовых кругов и неолиберальных элит. Слабые стороны – проблемы со здоровьем, скандалы, недостаточная работа с конкретными группами избирателей.

Два кандидата представляют два образа будущего для США: с одной стороны, национальная индустрия, национальное государство и реалистичная внешняя политика, с другой – акцент на неограниченную власть финансовых элит, транснациональное государство, продолжение и ужесточение антироссийской политики. После выборов Президента США электоральное соперничество трансформировалась в борьбу между сторонниками демократов и республиканцев, зачастую в острых формах, за выбор направлений государственной политики.

На примере этой президентской кампании предложен комплексный подход к анализу и прогнозированию будущих президентских кампаний в США, который предполагает: 1) эффективное использование методологии А. Лихтмана «13 ключей от Белого Дома»; 2) ее дополнение фактором «колеблющихся» штатов (14-й ключ); 3) широкое применение сетевых, постмодернистских технологий и Big Data; 4) особое внимание к образу претендента и его лидерским качествам.

Ключевые слова: Президент США; выборы; электоральная стратегия; лидерский потенциал; праймериз

Особенности отбора основных кандидатов в президенты США

Для понимания характера президентских выборов США следует иметь в виду, что основную борьбу за высшую государственную должность в этой стране с середины XIX века ведут в основном два кандидата: от Демократической партии (основана в 1828 году) и Республиканской партии (основана в 1854 году).

От Республиканской партии были избраны 19 президентов, включая 45-го президента США Д. Трампа:

Сроки президентства	Персоналии
4 марта 1861 г. – 15 апреля 1865 г.	Авраам Линкольн
4 марта 1869 г. – 4 марта 1877 г.	Улисс Грант (два срока)
4 марта 1877 г. – 4 марта 1881 г.	Ратерфорд Хейс
4 марта 1881 г. – 19 сентября 1881 г.	Джеймс Гарфилд
19 сентября 1881 г. – 4 марта 1885 г.	Честер Артур

4 марта 1889 г. – 4 марта 1893 г.	Бенджамин Гаррисон
4 марта 1897 г. – 14 сентября 1901 г.	Уильям Мак-Кинли
14 сентября 1901 г. – 4 марта 1909 г.	Теодор Рузвельт (два срока)
4 марта 1909 г. – 4 марта 1913 г.	Уильям Тафт
4 марта 1921 г. – 2 августа 1923 г.	Уоррен Гардинг
2 августа 1923 г. – 4 марта 1929 г.	Калвин Кулидж
4 марта 1929 г. – 4 марта 1933 г.	Герберт Гувер
20 января 1953 г. – 20 января 1961 г.	Дуайт Эйзенхауэр (два срока)
20 января 1969 г. – 9 августа 1974 г.	Ричард Никсон
9 августа 1974 г. – 20 января 1977 г.	Джеральд Форд
20 января 1981 г. – 20 января 1989 г.	Рональд Рейган (два срока)
20 января 1989 г. – 20 января 1993 г.	Джордж Герберт Уокер Буш
20 января 2001 г. – 20 января 2009 г.	Джордж Уокер Буш, мл. (два срока)
20 января 2017 г. – н.в.	Дональд Трамп

Республиканцы в целом придерживаются следующих позиций: снижение налогов на корпорации и богатых граждан; уменьшение дефицита государственного бюджета; снижение государственных расходов на медицину и образование; борьба за нравственность и семейные ценности; ограничение аборт; увеличение военных расходов и поддержка национальной безопасности; реалистичная внешняя политика в интересах США и обычно с позиции силы; приоритетность национальных ценностей; противодействие мерам по защите окружающей среды, если такие меры противоречат интересам бизнеса; свобода владения огнестрельным оружием; сопротивление созданию профсоюзов; сохранение смертной казни; противодействие введению эвтаназии и научным исследованиям в области клонирования и др. Электорат партии – обеспеченные американцы, сотрудники крупных корпораций, белые мужчины и женщины, религиозно настроенные, консервативно ориентированные избиратели, особенно южных штатов. Идеология – неоконсерватизм и др.; политическая ориентация – правый центр, правые.

От Демократической партии были избраны 16 президентов (на три меньше, чем от республиканцев):

Сроки президентства	Персоналии
4 марта 1829 г. – 4 марта 1837 г.	Эндрю Джексон (два срока)
4 марта 1837 г. – 4 марта 1841 г.	Мартин Ван Бюрен
4 марта 1845 г. – 4 марта 1849 г.	Джеймс Нокс Полк
4 марта 1853 г. – 19 сентября 1857 г.	Франклин Пирс
19 сентября 1857 г. – 4 марта 1861 г.	Эндрю Джонсон
4 марта 1865 г. – 4 марта 1869 г.	Джеймс Бьюкенен
4 марта 1885 г. – 14 сентября 1889 г.	Гровер Кливленд
4 марта 1893 г. – 14 сентября 1897 г.	Гровер Кливленд (второй раз)
4 марта 1913 г. – 4 марта 1921 г.	Вудро Вильсон (два срока)

4 марта 1933 г. – 12 апреля 1945 г.	Франклин Делано Рузвельт (четыре срока)
12 апреля 1945 г. – 20 января 1953 г.	Гарри Трумен (два срока)
20 января 1961 г. – 22 ноября 1963 г.	Джон Кеннеди
22 ноября 1963 г. – 20 января 1969 г.	Линдон Джонсон
20 января 1977 г. – 20 января 1981 г.	Джимми Картер
20 января 1993 г. – 20 января 2001 г.	Билл Клинтон (два срока)
20 января 2009 г. – 20 января 2017 г.	Барак Обама (два срока)

Демократическую партию поддерживают значительные группы избирателей крупных городов США, густонаселенных приморских штатов с высоко-развитой экономикой (прежде всего штата Калифорния), крупный банковский сектор, наднациональные корпорации (Microsoft, Apple, Intel). В целом демократы выступают за увеличение расходов на социальные нужды; борьбу с загрязнением окружающей среды; отказ от экономического протекционизма и соответствующие постулаты глобального неолиберализма; поддержку сексуальных, расовых меньшинств; ускоренную адаптацию мигрантов к реалиям США; женские движения; проведение аборт; запрет смертной казни. В Демократической партии выделяются: прогрессивные демократы (леволиберальных, социально ориентированных взглядов); умеренные (или новые) демократы – самое влиятельное течение; консервативные демократы, а также либертарианские демократы («свободные» взгляды на мораль, секс и др.). Электорат партии состоит из образованной молодежи городов; либералов (сторонников мер социальной защиты и разумных изменений в обществе); традиционалистов (выступают в поддержку бедных слоев населения, женского движения, в защиту нравственности); нуждающихся скептиков (представляют бедные слои), недовольных ростом миграции и не верящих в социальную справедливость.

Различия и противоречия между Республиканской и Демократической партиями обусловлены исторической традицией, клановостью, позициями их руководства, которые по ряду вопросов, особенно мировой политики, могут сближаться.

Особенность этой президентской избирательной кампании состояла в том, что 44-й Президент США Б. Обама находился на своей должности уже два срока и не мог больше участвовать в выборах. Соответственно, новый кандидат от Демократической партии на пост президента как бы выравнивался в шансах с кандидатом от Республиканской партии, что неизбежно вело к обострению политической борьбы.

Президентская избирательная кампания по времени ее проведения и организации распадается на два основных периода. Во время первого – с января по июль – в ходе праймериз определяются кандидаты в президенты от политических партий, которые утверждаются летом на партийных конвентах. Во втором периоде, который завершается выборами президента 8 ноября, участвуют только выдвинутые конвентами кандидатуры.

В рамках нынешней избирательной кампании для Демократической партии первый этап не принес особых неожиданностей, сразу определились

два основных претендента. Ведущей кандидатурой от этой партии выступила хорошо известная в США и за рубежом Хиллари Клинтон (род. 26 октября 1947 года), супруга 42-го Президента США Б. Клинтона, являвшаяся сенатором от штата Нью-Йорк (2001–2009 годы), принимавшая участие в праймериз Демократической партии на первом этапе выборов Президента США в 2008 году в качестве соперника Б. Обамы, а затем назначенная им Государственным секретарем США (Дедерихс, 1995; Ирхин, 2015; Morrow et al., 2015).

Другим кандидатом от Демократической партии стал один из старейших сенаторов США (с 2007 года, а до этого конгрессмен) от небольшого штата Вермонт Берни Сандерс (род. 8 сентября 1941 года), придерживающийся социально-либеральных взглядов, выступающий за повышение минимального уровня зарплаты; помощь малоимущим; бесплатное высшее образование; отмену налоговых льгот для богатых. Сандерса во время праймериз поддерживала молодежь, часть среднего класса, прогрессивных (левых) членов или сторонников Демократической партии. Однако в целом за его кандидатуру в ходе праймериз проголосовала меньшая часть избирателей. От Демократической партии принял участие в праймериз и Мартин О'Мэлли (губернатор Мэриленда), однако он показал слабые результаты и отказался от борьбы.

26 июля 2016 года на конвенте (съезде) Демократической партии в г. Филадельфия кандидатура Х. Клинтон в поименном голосовании получила поддержку большинства из 4700 делегатов. Б. Сандерс, сняв свою кандидатуру, попросил делегатов выдвинуть Клинтон кандидатом от партии на выборах президента на основании «единодушного одобрения», и конвент согласился с этим.

Х. Клинтон во время своей заключительной речи произнесла, в частности, яркую фразу о том, что на этом конвенте демократам удалось «разбить стеклянный потолок» (так называют неформальные препятствия для занятия женщинами высших государственных постов) и впервые открыть возможность избрания женщины президентом страны. Кандидатом в вице-президенты США на конвенте был одобрен Тим Кейн (род. 20 февраля 1958 года) – сенатор (в прошлом губернатор) от штата Виргиния, в 2009–2011 годах председатель Национального комитета Демократической партии. Президент Б. Обама поддержал решение Демократического конвента, а затем, особенно на завершающем этапе избирательной кампании, выступал в поддержку Клинтон и посетил несколько ее выступлений перед избирателями.

Среди кандидатов от Республиканской партии в начале кампании не было ярко выраженного лидера. В отличие от Х. Клинтон, боровшейся в основном с Б. Сандерсом, кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп (род. 14 июня 1947 года), известный миллиардер (глава TNK Trump Organization, расположенной в Нью-Йорке в Трамп-Тауэр), владелец всемирной империи гостиниц и иной недвижимости, на первом этапе праймериз конкурировал более чем с 10 (!) претендентами-республиканцами.

Благодаря эффективной избирательной стратегии Д. Трамп убедительно выиграл первый этап праймериз в 36 штатах, при этом он сумел сохранить нормальные отношения с большинством претендентов и руководством партии. Уже на этом этапе праймериз Трамп выглядел гораздо ярче своих соперников,

существенно отличался от них реалистичной позицией по отношению к России, выступал за поддержку промышленного сектора и национальной экономики в целом, резкое увеличение количества рабочих мест, остро критиковал вашингтонский истеблишмент и др. (Pollak et al., 2017, p. 26).

В результате он вышел на первое место в рейтингах среди республиканских кандидатов. «На фоне закаленного на долгой бизнес-арене Трампа прежние лидеры гонки президентской гонки от республиканцев выглядели бледно и неубедительно. Он выделялся тем, что четко заявлял свою позицию, не боясь быть резким, и производил впечатление человека, который говорит то, что думает», – пишет российский эксперт (Немиров, 2017, с. 209). Трамп глубоко понимал логику массовой культуры, имел опыт руководства весьма популярным в США телевизионным шоу «Кандидат», победитель которого получал работу в одной из его компаний. Кульминацией каждой серии был момент, когда Трамп произносил: «Вы уволены!». Фирменное «Вы уволены» наделало столько шума, что в массовой продаже появились куклы в синем костюме и красном галстуке, произносящие эту фразу при нажатии кнопки. «Шоу познакомило с Трампом новое поколение избирателей, перед которым он предстал как некая смесь успешности, вульгарности и гедонизма» (Д'Антонио, 2016, с. 22).

Это было необычно даже для американских выборов, где всегда присутствует элемент театрализации. Такой постмодернистский подход некоторые поддерживали, другие пытались высмеять Трампа (особенно, пресса), третьим было просто любопытно. В результате образ, имидж Трампа выделялся и запоминался избирателям. Он объективно показал лучшие результаты среди кандидатов-республиканцев. В итоге отказались от дальнейшего участия в выборах: Джеб Буш (губернатор Флориды, брат 43-го Президента США Дж. Буша мл.), Тед Круз (сенатор от штата Техас), Марко Рубио (сенатор от штата Флорида), Джон Кейсик (губернатор штата Огайо), Бен Карсон (директор госпиталя Дж. Хопкинса), Джим Гилмор (губернатор штата Вирджиния), Крис Кристи (губернатор Нью-Джерси), Карли Фиорина (директор Hewlett-Packard), Рэнд Пол (сенатор штата Кентукки), Рик Санторум (сенатор штата Пенсильвания) и Майк Хакаби (экс-губернатор штата Арканзас).

Съезд республиканской партии, прошедший 12–21 июля 2016 года, утвердил Д. Трампа официальным кандидатом в Президенты США, а Майкла Пенса (род. 7 июня 1959 года), губернатора штата Индиана, – кандидатом в вице-президенты США.

Официальными кандидатами от «третьих» сил выступили: Гэри Джонсон – от Либертарианской партии (в прошлом губернатор Нью-Мексико) и Джилл Стайн (врач из штата Массачусетс) – от партии зеленых. Однако они не вызвали значительного интереса и поддержки у избирателей (Stone, 2016, p. 18).

Таким образом, ключевой особенностью первого этапа президентских выборов в США явилось выдвижение и утверждение Республиканской партией единого, сильного претендента (Дональда Трампа), который мог составить и составил серьезную конкуренцию более известной в политических кругах США и ЕС кандидатуре от Демократической партии – Хиллари Клинтон.

Программы кандидатов в президенты США

Избирательная программа Х. Клинтон в целом была умеренной: акцент делался больше на сохранение существующих порядков, чем на их реформирование. По сути, речь шла о продолжении политики 44-го Президента США Б. Обамы (Davis, 2016, р. 3–5). Среди основных ее положений:

- продолжение и развитие реформы здравоохранения Obamacare – программы, которую многие критиковали за nepозволительную роскошь в условиях дефицита бюджета, принуждение всех граждан покупать дорогую (и все равно неполную) медицинскую страховку, а также поощрение абортотв в рамках обязательного медицинского страхования и повышение доступности наркотических лекарственных препаратов;

- продолжение миграционной реформы: выдача гражданства нелегальным мигрантам и выделение еще большего количества государственных средств на их поддержку (медицинскую); отказ от их высылки за просроченные визы с запретом последующего въезда; возможность воссоединения с семьей, что вело бы к резкому увеличению количества мигрантов в стране. Планировалось создание специального ведомства по делам мигрантов, которому выдавались бы многомиллионные гранты на различные программы адаптации;

- обеспечение субсидий для получения бесплатного высшего образования (Тема болезненная для США, где объем студенческих кредитов в 2016 году достиг 1,3 трлн дол., из которых около 125 млрд – просроченные. Ситуация с кредитами в образовании напоминает ипотечный пузырь и требует огромных финансовых вложений);

- увеличение подоходного налога для богатых при сохранении неизменным налога для компаний; дополнительный 4 %-ый налог для тех, кто зарабатывает более 5 млн дол. в год; повышение налога на унаследованное имущество, особенно на дорогую собственность;

- финансовая поддержка женщин после родов на определенный срок, если они не могут продолжить работу;

- возможное реформирование инфраструктуры в течение первых 100 дней президентства и создание новых рабочих мест;

- ужесточение регулирования Уолл-стрит с учетом последствий финансового кризиса 2008 года, введение пошлины для крупных финансовых организаций в зависимости от их размера и уровня риска, который они представляют; обеспечение контроля над хедж-фондами, частными инвестиционными компаниями и другими игроками так называемой теневой банковской системы; ужесточение наказаний для тех, кто совершает финансовые преступления;

- в области внешней политики – расширение Транстихоокеанского сотрудничества; борьба против терроризма, расширение контингента американского спецназа для поддержки «умеренной оппозиции» и курдских ополченцев на территории Сирии (без ее согласия); продолжение и ужесточение антироссийских санкций, критика российской политики в Сирии, поддержка предложений о снабжении оружием украинских правительственных войск, «поддержка цветных революций» и антиправительственных движений;

– введение торговых и иных ограничительных мер в отношении КНР, если та будет нарушать правила торговли; отказ от предоставления КНР статуса страны с рыночной экономикой;

– рассмотрение кибератак, якобы инициированных Россией и КНР (хотя и никем не подтвержденных!), как угроз для США и подготовку неких политических, экономических и иных ответных мер.

Финансовая нагрузка на экономику США в случае выполнения социальной части программы Клинтон составила бы более 1 трлн дол., однако суммарный экономический эффект от этих затрат не представлялся существенным; кроме того, выполнение ряда обещаний представлялось весьма проблематичным (Davis, 2016, p. 4–8).

Избирательная программа Д. Трампа, по сравнению с Х. Клинтон, была нацелена, прежде всего, на поддержку реального (производящего) сектора экономики, а не исключительно финансовых кругов; обеспечение национальных интересов США, реалистичной внешней политики, хотя в ней были известные противоречия и элементы популизма (Horowitz, 2017, p. 5–208). Среди основных положений:

– полный отказ от программы Obamacare, чрезвычайно затратной для многих штатов и граждан (Трамп уточнял, что это вовсе не означает прекращения поддержки малоимущих и пожилых американцев, у которых нет денег на дорожную страховку или нет достойной работы.);

– высылка из США нескольких миллионов нелегальных мигрантов, объявление войны радикальным исламистам и обеспечение приоритетов для граждан США при принятии на работу, сокращение миграции из соответствующих (в основном арабских) стран и строительство между США и Мексикой стены, для того чтобы отгородиться от потоков ее нелегалов, причем за ее счет;

– анонсирование экономической реформы: улучшение условий для бизнеса, чтобы американские компании не переносили свои активы за границу; снижение подоходного налога для компаний с 35 до 15 %, а также изменение прогрессивной шкалы налогообложения, оставив только три фиксированные ставки, самая высокая из которых составляла бы 33 % против сегодняшних 40 %; возвращение из-за рубежа в США целого ряда промышленных и высокотехнологических предприятий (или их сборочных цехов); создание или восстановление десятков миллионов рабочих мест;

– во внешней политике – поддержка НАТО, но при больших финансовых расходах других стран на содержание этого блока; режим экономии на зарубежных базах США, уменьшение военного вмешательства во внутренние дела других государств; отмена программы Транстихоокеанского сотрудничества и защита внутреннего рынка США (программа была сразу отменена после избрания Трампа); выход из международных программ по проблемам климата, которые могут ограничить развитие промышленности США.

Ежегодный торговый дефицит в 800 млрд дол. и постоянно растущий государственный долг США, достигший 19 трлн дол., представлялись Трампу очень важной проблемой. Характерно в этой связи заявление Трампа о том, что за первый месяц его пребывания на посту президента дефицит бюджета США сократился на 8 млрд дол.). Трамп обращал внимание на то, что во взаимоотношениях США и КНР на первое место вышли финансово-экономические

противоречия, а также геополитические коллизии в Юго-Восточной Азии, где Трамп поддерживает Японию. Он отмечал, что хотел бы иметь хорошие отношения с Россией, и предлагал улучшить взаимодействие в интересах борьбы с терроризмом. Он также высказывался за пересмотр соглашений с Россией по программам ОСВ-3 с целью сокращения стратегических вооружений (у США крылатых ракет морского базирования и средств их доставки больше, чем у России, поэтому в случае «равного» сокращения стратегических вооружений по линии ОСВ-3, в которое морские ракеты «не вписаны», может «автоматически» возникнуть дисбаланс в пользу США). Став президентом, Д. Трамп объявил о повышении военных расходов США на 54 млрд дол. в новом финансовом году (апрель 2017 года) – такого значительного их прироста в стране не наблюдалось в последние десятилетия.

В программе Д. Трампа был ряд проблемных мест, как, например, «жесткое» отношение к мигрантам, стоимость строительства стены между США и Мексикой (более 10 млрд дол.) и др. Однако в ходе дебатов Трамп умело ставил на первое место интересы избирателей каждого конкретного штата, где он выступал, а то, что им противоречило из его общей программы, затушевывал (Pollak et al., 2017).

В целом, обе программы кандидатов имели свои сильные и слабые стороны. Программа Клинтон была более расплывчата и менее увязана с потребностями американского общества, а у Трампа – в большей мере отражала интересы людей, занятых в производительных секторах национальной промышленности.

Потенциальные возможности кандидатов в Президенты США

В целом потенциал и шансы Х. Клинтон стать Президентом США представлялись большинству политических и государственных деятелей, а также журналистам, политологам, социологам и др., как в Америке, так и за ее пределами, выше, чем у ее соперника. В активе Клинтон были: опыт работы сенатором; деятельность в должности Государственного секретаря и, следовательно, мировая известность; открытая поддержка Президента США Б. Обамы и, разумеется, мощного аппарата Демократической партии, большинства СМИ (за исключением ряда социальных сетей), значительной части многочисленной либеральной интеллигенции, мировой и североамериканской финансовой элиты, клана Рокфеллеров, правящего политического класса Евросоюза. Она быстро собрала и получила по различным каналам необходимые финансовые средства для ведения президентской кампании.

Х. Клинтон написала яркие автобиографические книги, ставшие бестселлерами во многих странах и принесшие ей подлинно мировую известность (Clinton, 2003; Clinton, 2014). О карьере Клинтон и истории ее жизни был опубликован целый ряд исследований и мемуаров (Моррис и др., 2007; Kelley, 2001). Вышли книги и ее мужа, в которых ей давалась высокая оценка как политическому деятелю (Клинтон, 2015). Во многих книжных магазинах США и за рубежом на самом видном месте выставлялись книги Клинтон солидного объема и большого формата с ее фотографией на обложке, заметной издаека. В целом Х. Клинтон легко узнавалась избирателями, имела достаточно привлекательный имидж. В ее пользу высказывались до 70 % граждан Западной и Центральной Европы.

В своей кампании она делала акцент на определенную преемственность политического курса Б. Обамы; обращалась к тем социальным группам, которые выиграли от него; ориентировалась на либеральные элиты, высший средний класс, женскую аудиторию, афро-американцев, испаноговорящих граждан США, мигрантов, получивших гражданство.

К слабым местам ее позиционирования относились: «автоматический перенос» на нее недостатков правления Обамы как на сторонницу его курса; отсутствие комплексной инновационной программы преобразований, ярких лидерских черт; наличие признаков слабого здоровья и др. (Davis, 2016). Она недостаточно уделяла внимания нуждам избирателей конкретных штатов (особенно Средней полосы), допускала неоправданный перекося в своей кампании по двум вопросам: постоянные, обычно бездоказательные, замечания о том, что Д. Трамп вряд ли сможет быть достойным президентом; голословные обвинения в адрес России (и даже В. В. Путина) в некоем вмешательстве в избирательную кампанию Демократической партии.

Риторика команды Клинтон временами напоминала фразеологию времен холодной войны. Определенный удар по имиджу Клинтон нанесли публикации WikiLeaks: о ее связях с Вашингтонским финансовым и политическим истеблишментом (обещаниях преференций для него даже ценой сокращения социальных ассигнований); об утечках из служебных документов Демократической партии США; о сомнительных финансовых операциях с арабскими контрагентами и др. В некоторых публикациях давался критический анализ ее образа жизни и деятельности (Jones, 2016; Thorn, 2008a; Thorn, 2008b).

В целом Х. Клинтон практически до начала октября 2016 года имела более существенную поддержку электората, чем Д. Трамп. Представители многочисленных социологических служб США и СМИ отмечали, что за ее кандидатуру, по данным различных открытых опросов, были готовы проголосовать на 5–7 % больше граждан, чем за Трампа (Schmidt et al., 2016).

Потенциал и шансы Д. Трампа, как кандидата в Президенты США, составил ряд следующих факторов. Среди них: сильная харизма; известная личная и политическая независимость как миллиардера, который «сделал себя сам», преодолев многие трудности; обладание существенными финансовыми средствами при рациональном их использовании; поддержка частью руководства Республиканской партии и губернаторами ряда штатов (позже Трамп привлек некоторых из них к работе в правительственных структурах); опытная и сплоченная команда советников, хорошо владеющая современными информационными и маркетинговыми технологиями; многочисленные связи в деловой среде, сложившиеся за годы его карьеры; поддержка влиятельных групп среди генералитета, юристов и даже Ротшильдов (Титков, 2016, с. 12). Трамп, в отличие от Клинтон, прекрасно владеет компьютерными технологиями и сам ведет или организует свою переписку: число его подписчиков в социальных сетях составляет 26 млн чел. (Schmidt et al., 2016).

О личности Трампа и его жизненном пути в США и за рубежом опубликован целый ряд работ. Книги, написанные самим Трампом, стали бестселлерами и принесли ему широкую известность. Так, например, только в России переведены и опубликованы восемь его книг (Трамп и др., 2013; Трамп и др., 2014; Трамп, 2016).

Во время избирательной кампании Трамп делал акцент на необходимость восстановить былое величие США, возродить производительную национальную экономику, создать значительное количество новых рабочих мест, укрепить финансовую систему, обеспечить права, прежде всего, коренных граждан, ограничить бюрократический произвол чиновников из Вашингтона («осушить Вашингтонское болото») (Langer, 2016, p. 12). Он учел недовольство многих избирателей положением дел в стране, часто обращался к синим воротничкам (в основном со средним образованием), предпринимательскому классу и др.

Команда Трампа учитывала определенные изменения в социальной структуре США, где за последние десятилетия произошло «размывание» среднего класса. Если раньше он составлял 61 % населения страны, то ныне людей в верхних и нижних ярусах американского социума вместе взятых стало больше, чем в собственно среднем классе. За последние 30 лет заработки половины населения США не выросли. Америка в своем большинстве стала жить беднее. Соответственно, Дональд Трамп озвучил разочарование и отчаяние тех американцев, которые больше всего пострадали от экономических недугов за последнее десятилетие (Gingrich et al., 2016; Pollak et al., 2017).

Запоминающийся имидж, разумный популизм, ксенофобия, национализм, хорошее знание экономических проблем штатов и экономики в целом, а также ярко выраженные коммуникационные способности обеспечивали ему определенный уровень поддержки избирателей. Конкуренты стремились придать Трампу образ экстравагантного политика, у которого якобы нет опыта управления государством. Но когда Трамп обсуждал конкретные экономические и социальные проблемы как США в целом, так и отдельных штатов, он показывал отличное знание этих вопросов и выглядел весьма профессионально. Конкуренты также использовали против Трампа его двусмысленное высказывание о женщинах, сделанное им десять лет назад. Однако текущее семейное положение Трампа, всей его «большой семьи» было безупречным, особенно в сравнении с всемирно известными скандалами четы Клинтонов. Важно заметить, что те, кто хотел бы проголосовать за Трампа, не всегда могли осмелиться высказать точку зрения («спираль молчания»), альтернативную активно формируемой прессой позиции о якобы «неизбежной победе Клинтон» и «катастрофе» в противном случае.

До конца избирательной кампании Трамп отставал по рейтингам от Клинтон. После скандала с утечкой официальной информации в бытность Клинтон Государственным секретарем США и привлечения ФБР к его расследованию рейтинги Д. Трампа выросли, однако они были меньше, чем у его соперницы. Подавляющее большинство специалистов и журналистов, прогнозировавших результаты президентских выборов, отдавали предпочтение Х. Клинтон вплоть до окончательного подсчета голосов избирателей и выборщиков. В силу этого победа Трампа оказалась весьма неожиданной для многих избирателей, а также элит США и ЕС и большинства исследователей.

Отдельные ученые, используя объективистские, системные подходы, показали еще до конца избирательной кампании, что Д. Трамп может ее выиграть. Речь, прежде всего, идет об исследованиях профессора истории Американского университета в Вашингтоне А. Лихтмана, часть из которых выполнена

в соавторстве с российским геофизиком В. Кейлис-Бороком (Lichtman, 1996; Lichtman, 2012; Lichtman et al., 1981). В книге «13 ключей к президентству. Предсказание без опросов» А. Лихтман выделил тринадцать показателей, которые, по его мнению, являются решающими для прогнозирования любой президентской кампании США (Lichtman, 1996, р. 12). Причем за предыдущие 8 избирательных кампаний автор ни разу не ошибся в своих прогнозах голосования избирателей, а результаты решения выборщиков правильно предсказал семь раз из восьми (Докторов, 2013, с. 12). Незадолго до выборов Президента США А. Лихтман выступил в СМИ (New York Times) и предсказал победу Трампа. В России прогноз А. Лихтмана был представлен кратким эпизодом на ТВ. За несколько дней до выборов Президента США о возможной победе Трампа говорил В. В. Жириновский (на канале «Россия» в известной программе «Вечер» В. Р. Соловьева), который предположил, что избиратели США могут отдать предпочтение более рациональному политику.

А. Лихтман считает, что идеальный вариант для кандидата от правящей партии – иметь положительные результаты по всем 13 выделенным им показателям. Если же 6 индексов (или больше) свидетельствуют в пользу оппонента, то, скорее всего, он и будет избран. Рассмотрим эти положения применительно к ситуации электоральной кампании 2016 года (Таблица).

Таблица

Шкалы и индексы для прогнозирования президентской кампании в США

№	Название шкалы	Шкала или индекс
1	2	3
1.	Партийный мандат	После промежуточных выборов партия власти имеет в палате представителей мест больше, чем после предыдущих промежуточных выборов.
2.	Соревновательность в правящей партии	Нет серьезной борьбы за номинацию в правящей партии.
3.	Участие действующего президента	Кандидат правящей партии – действующий президент США.
4.	Третья партия	Нет сильного кандидата от третьей партии или независимого кандидата.
5.	Текущая экономика	Экономика США не находится в рецессии в год выборов.
6.	Долгосрочная экономика	Рост реальных доходов на душу населения был не ниже, чем во время предыдущих двух сроков президента.
7.	Изменения в политике	Действующая администрация проводит значительные позитивные изменения во внутренней политике.
8.	Социальные волнения	Отсутствуют масштабные социальные волнения.
9.	Скандал	Действующая администрация не запятнана крупным скандалом.
10.	Ошибки в международной политике	Действующая администрация не допустила серьезных ошибок во внутренней и внешней политике.

1	2	3
11.	Успехи в международной политике	Действующая администрация добилась крупных успехов во внутренней и внешней политике.
12.	Харизматичность кандидата от правящей партии	Кандидат от правящей партии обладает харизмой.
13.	Харизматичность кандидата от оппозиции	Кандидат от оппозиционной партии не имеет харизматических качеств.

У Трампа, по предложенной выше методике, набирался ряд важных показателей, и это означало, что у него есть шансы выиграть президентские выборы. Среди них: большинство в палатах Конгресса у Республиканской, а не Демократической партии; кандидат правящей партии не являлся Президентом США; действующая администрация (кандидат) запятнана скандалами; у действующей администрации не было крупных успехов во внутренней и внешней политике; у кандидата от правящей партии отсутствовала харизма, а у претендента от оппозиции она была и др.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что методика Лихтмана не учитывает данные социологических опросов и тактик кандидатов в борьбе за голоса избирателей в конкретных штатах. Иначе говоря, она может быть полезна при общем анализе президентской кампании и возможных результатов голосования избирателей, но не всегда помогает понять позиции выборщиков по некоторым штатам. Так, Лихтман ошибся в результатах голосования выборщиков, когда Буш мл. выиграл президентскую кампанию 2000 года, хотя за А. Гора (от Демократической партии) формально проголосовали на полмиллиона избирателей больше.

Особенности выборов по штатам

Решающую роль при избрании Президента США, как известно, играют коллегии выборщиков. Следует учитывать, что в США существуют две большие группы штатов, избиратели которых традиционно ориентированы на Демократическую или Республиканскую партию. В этом смысле для кандидатов в Президенты США весьма важно «подтвердить» традиционный выбор избирателей «своих штатов», особенно крупных по численности населения, дающих наибольшее количество голосов выборщиков. Например, Калифорния и Нью-Йорк «дают» 55 и 29 голосов выборщиков соответственно, причем, как правило, в пользу кандидата от Демократической партии, а Техас и Флорида – 38 и 29 – Республиканской партии.

Для кандидатов важно склонить на свою сторону избирателей «колеблющихся» штатов, а еще лучше – штатов, голосовавших на предыдущих выборах за кандидата от другой партии. Поскольку количество штатов, традиционно ориентированных на Демократическую или Республиканскую партию примерно одинаково, то ключевым аргументом может явиться позиция избирателей (и выборщиков) именно «колеблющихся» штатов. Сразу после победы на выборах Д. Трамп подчеркнул, что Х. Клинтон, в частности, проиграла из-за того, что сделала ставку не на те штаты. Он заявил, что гонка за голоса выборщиков существенно труднее, чем борьба за мнение избирателей.

В этой связи целесообразно проанализировать итоги выборов по штатам (в скобках дается количество голосов выборщиков от штата).

Так, выделяются 19 «прореспубликанских» штатов Юга и Центрального Севера США, которые с существенным преимуществом проголосовали за Трампа и дали ему соответствующее число голосов выборщиков: Алабама (9), Айдахо (4), Арканзас (6), Канзас (6), Кентукки (8), Луизиана (8), Миссисипи (6), Монтана (3), Небраска (5), Северная Дакота (3), Южная Дакота (3), Оклахома (7), Южная Каролина (9), Теннесси (11), Техас (38), Юта (6), Западная Вирджиния (5). Кроме того, следует отметить 5 штатов, которые также поддерживали республиканского кандидата, но с небольшим преимуществом: Аризона (11), Индиана (11), Джорджия (16), Миссури (10), Северная Каролина (15)¹. В целом, эти 24 традиционно «республиканских» штата дали Трампу около 200 голосов выборщиков (но не искомые 270).

Завершающий вклад в победу Д. Трампа внесли избиратели (и соответственно выборщики) штатов так называемого «Ржавого пояса» или Среднего Запада: Айова (6), Висконсин (10), Мичиган (16), Огайо (18), Пенсильвания (20)², где за последние годы были закрыты многие промышленные предприятия, снизился уровень жизни. Избиратели этих штатов (белые рабочие и их семьи), прежде предпочитавшие Демократическую партию, в силу упадка индустриального производства и распространения безработицы, а также после соответствующей агитации отдали свои голоса за Трампа (особенно в сельских округах). Именно на них кандидат от Республиканской партии сделал акцент в последнюю неделю выборов. Эти 5 штатов дали ему «дополнительно» 70 голосов выборщиков, лишив, соответственно, Х. Клинтон этого потенциала. Кроме того, за Трампа проголосовала Флорида (29!), поддержавшая четыре года назад Б. Обаму. В результате Трамп получил необходимое число голосов избирателей и смог рассчитывать на голоса даже более чем искомым 270 выборщиков.

Кандидатуру Х. Клинтон активно поддерживали избиратели и затем выборщики 8 штатов: Калифорния (55), округ Колумбия (3), Мэриленд (10), Гавайи (4), Массачусетс (11), Нью-Йорк (29), Род-Айленд (4), Вермонт (3). С небольшим преимуществом ей удалось одержать победу еще в ряде штатов: Коннектикут (7), Делавер (3), Иллинойс (20), Колорадо (9), Мэн (4), Нью-Джерси (14), Нью-Мексико (5), Орегон (7), Вашингтон (12)³. По сравнению с предыдущими президентскими выборами кандидат от демократов проиграла несколько штатов, получив в итоге лишь 227 голосов выборщиков.

Выборы продемонстрировали некоторые новации информационного воздействия на избирателей, использованные командой Д. Трампа. Речь идет об использовании «Больших данных» (Big Data), в которых содержится и обрабатывается огромный массив данных, выявляются разнообразные связи пользователей социальных сетей, что позволяет идентифицировать их и адресно направлять политическую информацию. Эта методика исходит из того, что почти все граждане оставляют определенные «следы» в компьютерных сетях.

¹ 2016 Presidential Election Results [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politico.com/2016-election/results/map/president> (дата обращения: 30.11.2016).

² Там же.

³ Там же.

Классификация граждан по привычкам и психологическим чертам дает возможность устанавливать их приоритеты, а также влиять на них путем целенаправленной рассылки информации. По мнению аналитиков, анализ 68 лайков в Facebook достаточен, чтобы определить цвет кожи испытуемого (с вероятностью 95 %), его сексуальность (88 %), приверженность Демократической или Республиканской партии (85 %).

Центром таких исследований являлась лаборатория «Cambridge Analytica». Ее компьютерные системы в принципе могут дать информацию о политических симпатиях, антипатиях или неопределенности конкретных избирателей и обеспечить адресные рассылки информации. Так, например, в день третьих дебатов между Д. Трампом и Х. Клинтон его команда отправила в социальные сети (преимущественно Facebook) свыше 175 тыс. различных вариаций посланий. Они различались лишь в деталях, чтобы максимально точно психологически подстроиться под конкретных получателей информации: заголовки и подзаголовки, фоновые цвета, использование фото или видео в посте.

Команда Клинтон широко использовала традиционные методы социологии: учет интересов больших групп населения и построение соответствующих их интересам программ и имиджа претендента, а также систему простых, однозначных открытых вопросов для мониторинга политических ориентаций избирателей. Однако эти подходы не всегда оправдывали себя, поскольку часть граждан опасалась высказывать «протрамповскую» точку зрения. Команда Трампа эффективнее применила дифференцированные подходы анализа позиций избирателей, включавшие выходы на небольшие группы населения, которые точно показывали их приоритеты. В частности, было учтено недовольство властью значительного числа белых мужчин (синих воротничков) в Северо-Восточных штатах, где из-за конкуренции с китайскими производителями было закрыто много заводов.

Методики Big Data не подменяют иные способы коммуникационного и культурного взаимодействия в политике, а являются лишь современным способом определения позиции избирателей и дальнейшего воздействия на них. Телеканал «ABC» показал, что проблема команды Клинтон заключалась в основном в том, что она не сумела наладить должный диалог с избирателями. В то время как в обществе созрел запрос на перемены, демократы апеллировали к опытности своего кандидата и его поддержке избирателями тех штатов (например, Калифорнии), где у них уже были высокие рейтинги. Клинтон не смогла привлечь на свою сторону подавляющее большинство молодых избирателей: за нее проголосовали около 54 % молодых американцев, а за Трампа – 37 %. Для сравнения, в 2012 году среди избирателей от 18 до 29 лет более 70 % поддерживали Б. Обаму. За Трампа проголосовали около трети граждан США латиноамериканского происхождения (несмотря на его известные высказывания об ограничении миграции из Мексики) и значительная часть афро-американцев.

В результате президентских выборов 2016 года большинство голосов избирателей получила Х. Клинтон (почти на три миллиона больше, чем Трамп: 65,8 млн голосов против 62,9 млн голосов). Однако в силу норм и правил существующей в США избирательной модели, в которой засчитываются только голоса выборщиков, победу на выборах одержал Д. Трамп. Коллегия выборщиков в США подтвердила победу Д. Трампа. Его кандидатуру поддержали

304 выборщика при минимально необходимых 270. За Х. Клинтон свои голоса отдали 227 выборщиков; несколько из них проголосовали без учета воли избирателей (Chiasu et al., 2017). Х. Клинтон и 44-й Президент США от Демократической партии Б. Обама признали результаты голосования.

Таким образом, можно выделить ряд особенностей выборов 45-го Президента США.

1. С формальной точки зрения на выборах победил кандидат от Республиканской партии. Д. Трамп стал 19-м Президентом США, избранным от этой партии. В то же время данные выборы стали пятыми в истории США, когда президентом страны стал кандидат, набравший меньшее число голосов избирателей, чем проигравший кандидат. Д. Трамп стал старейшим избранным Президентом США, чем побил рекорд Р. Рейгана (на полгода), занявшего этот пост также в 69 лет. В известном смысле повторилась картина выборов 43-го Президента США, когда кандидат от Демократической партии А. Гор, набрав на полмиллиона голосов избирателей больше, чем кандидат от Республиканской партии Джордж Буш (мл.), уступил ему по голосам выборщиков. В этом смысле сложился противоречивая система формирования высшей власти.

2. Данные выборы продемонстрировали острые разногласия по ряду принципиальных вопросов между кандидатами от Республиканской и Демократической партии (стратегия промышленного развития, отношение к миграции, мировая политика и др.), внесли определенный раскол в общество. Избирательная кампания после своего официального окончания как бы продолжается в новых условиях. Учитывая весомые электоральные достижения Клинтон, минимальное преимущество Трампа по голосам избирателей в целом ряде штатов, сохранившееся влияние и огромный потенциал неолиберальных элит, руководство Демократической партии и их сторонники довольно успешно пытаются противодействовать тем направлениям политики Трампа, которые не соответствуют их интересам. Ставятся задачи снизить уровень легитимности 45-го Президента США; серьезно повлиять на разработку и проведение его политики, включая назначения высших руководящих кадров; подготовить предпосылки для победы Демократической партии через 2 года на промежуточных выборах в Конгресс США и через 4 года – на президентских.

3. Выявлены серьезные проблемы и в проведении самой избирательной кампании. Она оказалась более закрытой, чем в странах Европы. Многие иностранные наблюдатели не были допущены на избирательные участки, десятки миллионов (!) избирателей США голосовали по почте задолго до выборов, имея право изменить свою точку зрения. Сама процедура выборов, когда победителем считается человек, набравший меньшинство голосов избирателей, является в известной мере историческим анахронизмом. Идеологическая ангажированность выборов привела к тому, что социологи, политики и представители СМИ не смогли верно предсказать их результаты, отразить реальные чаяния и надежды значительного корпуса избирателей.

4. На выборах были продемонстрированы новые технологии. С одной стороны, повысилось значение Big Data, сетевых коммуникаций и адресной работы с избирателями, особенно в ключевых штатах и группах населения; с другой – принципиальное значение приобрели кибертехнологии. Кандидатом от Демократической партии широко использовался для отвлечения

внимания избирателей от реальных проблем США надуманный фактор «внешней стороны» (России), якобы влияющей на выборы.

5. Выборы показали важность имиджа кандидата в Президенты США, его лидерских и психологических качеств, профессионализма команды и групп поддержки.

Результаты президентских выборов в США в 2016 году признаны как в стране, так и во всем мире. 45-й Президент США Д. Трамп за свои достижения и характер назван ведущими мировыми журналами «Человеком года». Его избрание открыло некоторые новые возможности для упрочения международных отношений, повышения степени доверия во взаимоотношениях между США и Россией. Будущее покажет значение выбора, сделанного в США в острейшем электоральном соперничестве, которое трансформировалось в продолжающуюся и сегодня борьбу за осуществление государственных политик с их возможными компромиссами, проблемами и неоднозначными управленческими решениями.

Библиографический список

Д'Антонио М. Всегда мало: Дональд Трамп и жажда успеха. М.: Эксмо, 2016. 442 с.

Дедерихс М. Р. Хиллари Клинтон и власть женщин. М.: ЗАО «ЦСЭИ», 1995. 230 с.

Докторов Б. З. Восемь верных прогнозов Алана Лихтмана. Размышления после президентских выборов 2012 года в США М.: ЦСПиМ, 2013. 55 с. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/uploads/books/8_vernyh_prognozov_Alana_Lihtmana.pdf (дата обращения: 18.12.2016).

Ирхин Ю. В. Институт первых леди США: формирование, признание и очарование // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 184–197.

Клинтон Б. Моя жизнь. М.: Альпина Паблишер, 2015. 1088 с.

Моррис Д., МакГэн Э. Конди и Хиллари: Пути восхождения к власти. М.: Вершина, 2007. 334 с.

Немиров А. Дональд Трамп. Провокация успеха. М.: Алгоритм, 2017. 318 с.

Титков В. А. Дональд Трамп. Кошмар неоконцов или тонкая игра элит. М.: Книжный мир, 2016. 276 с.

Трамп Д., МакИвер М. Лидерство. Золотые правила Дональда Трампа. М.: Эксмо, 2013. 260 с.

Трамп Д., Занкер Б. Мысли по-крупному и не тормози. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 224 с.

Трамп Д. Трамп никогда не сдастся. 41 урок лидерства от эксцентричного миллиардера. М.: Эксмо, 2016. 240 с.

Chiacu D., Cornwell S. U.S. Congress Certifies Trump's Electoral College Victory [Электронный ресурс] // Reuters. 2017. 6 янв. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-congress-idUSKBN14Q25R> (дата обращения: 15.01.2017).

Clinton H. R. Living History. N.Y.: Simon and Schuster, 2003. 2215 p.

Clinton H. R. Hard Choices. N.Y.: Simon and Schuster, 2014. 830 p.

Davis A. How Trump Won: Why Hillary Clinton Lost and What the Democrats Can Learn from the Shocking 2016 Election. N.Y.: Amazon Digital Services LLC, 2016. 35 p.

Gingrich N., Christensen C., Ramsey R. Electing Trump: Newt Gingrich on the 2016 Election. N.Y.: Gingrich Productions, 2016. 72 p.

Horowitz D. Big Agenda: President Trump's Plan to Save America. N.Y.: Humanix Books, 2017. 208 p.

Jones A. Hillary For Prison: the Ugly Truth about Hillary Clinton Mainstream Media Does Not Want You to Know: Wake Up Call "Conspiracy Theory" to Make America Great Again! N.Y.: Amazon Digital Services LLC, 2016. 11 p.

Kelley C. E. The Rhetoric of First Lady Hillary Rodham Clinton. N.Y.: Praeger, 2001. 260 p.

Langer M. D. P. Why Trump Won: The Reasons behind the Biggest Upset in America's History. USA: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. 66 p.

Lichtman A. J., Keilis-Borok V. I. Pattern Recognition Applied to Presidential Elections in the United States, 1860–1980: Role of Integral Social, Economic and Political Traits // Proceedings of the National Academy of Science. 1981. Vol. 78, № 11. P. 7230–7234. DOI:10.1073/pnas.78.11.7230.

Lichtman A. J. The Keys to the White House. Lanham: Madison Books, 1996. 230 p.

Lichtman A. J. Predicting the Next President: the Keys to the White House 2012. Washington, D.C.: Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 226 p.

Morrow R., Stone R. The Clintons' War on Women. N.Y.: Skyhorse Publishing, 2015. 352 p.

Pollak J., Schweikart L. How Trump Won: the Inside Story of a Revolution. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 2017. 256 p.

Schmidt K., Andrews W. A Historic Number of Electors Detected, and Most Were Supposed to Vote for Clinton // The New York Times. 2016. 19 Dec.

Stone R. The Making of the President 2016: How Donald Trump Orchestrated a Revolution. N.Y.: Skyhorse Publishing, 2017. 408 p.

Thorn V. Hillary (and Bill): The Drugs Volume: Part Two of the Clinton Trilogy. USA: American Free Press, 2008a. 301 p.

Thorn V. Hillary (And Bill): The Sex Volume. USA: American Free Press, 2008b. 335 p.

Статья получена 14 февраля 2017 года

UDC 324(73)

DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-111-131

ELECTIONS OF THE 45TH PRESIDENT OF THE USA: KEY FEATURES, TECHNIQUES, RESULTS

Iouri V. Irhin

The Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, 82 Vernadskii ave., Moscow,
119571, Russia

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq.,
Moscow, GSP-3, 125993, Russia

ORCID: 0000-0002-3350-2563

ResearcherID: D-1813-2017

E-mail: Irkhine@mail.ru

The right reference on this paper is:

Irhin, I. V. (2017), "Elections of the 45th President of the USA: Key Features, Techniques, Results", *Ars Administrandi*, vol. 9, no. 1, pp. 111–131. DOI: 10.17072/2218-9173-2017-1-111-131.

Introduction. The relevance of the paper is determined by systematic features of the 45th US President elections which led to the unexpected results for researchers, politicians and a large number of citizens and has led to a certain division of American society.

Aims. The paper serves to identify and consider the key features of the 45th US President elections.

Methods. The methods of comparative, systemic, structural-functional, institutional, and psychological approaches are used to review the features of the presidential campaign and the policies of the candidates for the post of the US President. Behavioral, communication and postmodernist approaches, as well as the A. J. Lichtman methodology from "The 13 Keys To The White House", participant observation, special Big Data methods, special allocation and study of the "vibrating" state as the key factor of the final stage of the presidential electorate campaign are applied to analyze the election strategies of candidates.

Results. The election campaigns of the candidates for the US President from the Republican and Democratic Party were analyzed; a comparative analysis of their electoral programs is presented; the results of voting were studied.

Conclusion. The paper reveals Trumps election potential: charisma, national industry-based development, support from the Republican Party, army circles, a highly professional team with a specialist in the sphere of "electronic democracy". The paper shows different aspects of Clinton's electoral strategy with its strong sides: the widest known, mighty supported by the Democratic Party, by B. Obama, the 44th US President, by world financial circles and neoliberal elites. Problems with health, scandals, insufficient work with important groups of voters can be referred to as the weak points.

Two candidates represent two different futures for the United States: focus on the national industries, national state and realistic foreign policy, one the one hand, while one the other hand, focus on the power of the unlimited financial elites and supranational state, toughening of anti-Russian policy. The struggle between former candidates continues even after the election of the 45th President of the United States, often in aggressive forms and actions.

The author offers new comprehensive approaches to the analysis and the forecast of the future presidential campaigns in the USA, which suggests 1) the effective use of A. J. Lichtman methodology from "The 13 Keys To The White House"; 2) learning factors of the "vibrating state" (14 key); 3) the wide used Big Data, networks and postmodernist technologies; 4) special attention to the brand and the leadership qualities of the candidates.

Key words: the US President; election; electoral strategy; leadership potential; primaries

References

D'Antonio, M. (2016), *Vsegda malo: Donald Tramp i zhazhda uspeha* [Never Enough: Donald Trump and the Pursuit of Success], Translated by Samuilova, S. N., E'ksmo, Moscow, Russia.

Dederichs, M. R. (1995), *Hillari Klinton i vlast' zhenshin* [Hillary Clinton und die Macht der Frauen], Translated by Trifonov, O., JSC "CSJeI", Moscow, Russia.

Doktorov, B. Z. (2013), *Vosem' vernyh prognozov Alana Lihtmana. Razmyshleniya posle prezidentskih vyborov 2012 goda v SSHA* [Eight True Predictions from Alan Lichtman. Reflections after the 2012 US President Elections], Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia [Online], available at: http://fom.ru/uploads/books/8_vernyh_prognozov_Alana_Lihtmana.pdf (Accessed 18 December 2016).

Irhin, I. V. (2015), Institute of the «First Ladies»: Formation, Development, Charm, *Social'no-gumanitarnye znaniya*, no 2. pp. 184–197.

Clinton, B. (2015), *Moja zhizn'* [My Life], Translated by Nikol'skij, M. and Ionov, V., Al'pina Publisher, Moscow, Russia.

Morris, D. and McGann, E. (2007), *Kondi i Hillari: Puti voshozhdeniya k vlasti* [Condi vs. Hillary], Translated by Kozuljaev, A. V., Vershina, Moscow, Russia.

Nemirov, A. (2017), *Donald Tramp. Provokacija uspeha* [Donald Trump. Provocation of Success], Algoritm, Moscow, Russia.

Titkov, V. A. (2016), *Donald Tramp. Koshmar neokonov ili tonkaja igra jelit* [Donald Trump. A Nightmare of Neocons or a Delicate Game of Elites], Knizhnyy mir, Moscow, Russia.

Trump, D. and MacIver, M. (2013), *Liderstvo. Zolotye pravila Donald Trampa* [Think like a Champion: an Informal Education in Business and Life], Translated by Kurilyuk, M., E'ksmo, Moscow, Russia.

Trump, D. and Zanker, B. (2014), *Mysli po-krupnomu i ne tormozi* [Think Big and Kick Ass in Business and Life], Translated by Vershovskiy, M., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Trump, D. (2016), *Tramp nikogda ne sdaetsya. 41 urok liderstva ot e'kscentrichnogo milliardera* [Trump Never Give Up: How I Turned My Biggest Challenge into Success], Translated by Novikova, T. O., E'ksmo, Moscow, Russia.

Chiacu, D. and Cornwell, S. (2017), "U.S. Congress Certifies Trump's Electoral College Victory", *Reuters*, 6 January [Online], available at: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-congress-idUSKBN14Q25R> (Accessed 15 January 2017).

Clinton, H. R. (2003), *Living History*, Simon and Schuster, N.Y., USA.

Clinton, H. R. (2014), *Hard Choices*, Simon and Schuster, N.Y., USA.

Davis, A. (2016), *How Trump Won: Why Hillary Clinton Lost and What the Democrats Can Learn from the Shocking 2016 Election*, Amazon Digital Services LLC, N.Y., USA.

Gingrich, N., Christensen, C. and Ramsey, R. (2016), *Electing Trump: Newt Gingrich on the 2016 Election*, Gingrich Productions, N.Y., USA.

Horowitz, D. (2017), *Big Agenda: President Trump's Plan to Save America*, Humanix Books, N.Y., USA.

Jones, A. (2016), *Hillary For Prison: the Ugly Truth about Hillary Clinton Mainstream Media Does Not Want You to Know: Wake Up Call "Conspiracy Theory" to Make America Great Again!*, Amazon Digital Services LLC, N.Y., USA.

Kelley, C. E. (2001), *The Rhetoric of First Lady Hillary Rodham Clinton*, Praeger, N.Y., USA.

Langer, M. D. P. (2016), *Why Trump Won: The Reasons behind the Biggest Upset in America's History*, CreateSpace Independent Publishing Platform, USA.

Lichtman, A. J. and Keilis-Borok, V. I. (1981), "Pattern Recognition Applied to Presidential Elections in the United States, 1860–1980: Role of Integral Social, Economic and Political Traits", *Proceedings of the National Academy of Science*, vol. 78, no. 11, pp. 7230–7234. DOI:10.1073/pnas.78.11.7230.

Lichtman, A. J. (1996), *The Keys to the White House*, Madison Books, Lanham, USA.

Lichtman, A. J. (2012), *Predicting the Next President: the Keys to the White House 2012*, Rowman & Littlefield Publishers, Washington, D.C., USA.

Morrow, R. and Stone, R. (2015), *The Clintons' War on Women*, Skyhorse Publishing, N.Y., USA.

Pollak, J. and Schweikart, L. (2017), *How Trump Won: the Inside Story of a Revolution*, Regnery Publishing, Washington, D.C., USA.

Schmidt, K. and Andrews, W. (2016), "A Historic Number of Electors Detected, and Most Were Supposed to Vote for Clinton", *The New York Times*, 19 Dec.

Stone, R. (2017), *The Making of the President 2016: How Donald Trump Orchestrated a Revolution*, Skyhorse Publishing, N.Y., USA.

Thorn, V. (2008a), *Hillary (and Bill): The Drugs Volume: Part Two of the Clinton Trilogy*, American Free Press, USA.

Thorn, V. (2008b), *Hillary (And Bill): The Sex Volume*, American Free Press, USA.

Received 14 February 2017

CONTENTS

I. STATE POLICY AND POLITICAL INSTITUTIONS: HISTORIC AND PRESENTDAY ISSUES	
Olompiev K. S. Russian Authorities and Civil Society: Evolution in Their Relationship in the Transition Period of 1985–1991	1
II. ISSUES IN HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT	
Miroljubova T. V. and Zubarev N. Yu. Mortality as an Indicator to Slow Down the Socio-Economic Development in the Region	16
Zakharov V. M. and Germanova O. V. Competence Potential in Assessing the Effectiveness of Regional Management	32
Shashkova A. V. Implementation of One of G20/OECD Principles of Corporate Governance – Stakeholders’ Role (Toyota Case Study)	43
III. ECONOMIC POLICY AND ECONOMIC DEVELOPMENT MANAGEMENT	
Urasova A. A. Key Aspects of the Economic System Transition to the Sixth Technological Order	52
Guseva M. S. and Gabbasova Ju. R. Integrated Development of Single-Industry Towns: Experience in Samara Region	62
Pinkovetskaia Ju. S. Assessment of the Achieved Investment in the Fixed Capital of Small and Medium Enterprises	77
IV. RESOURCE POTENTIAL MANAGEMENT AND INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT	
Bukina T. V. and Bukin E. K. The Management Strategy for Development and Functioning of National Highway System	94
V. FOREIGN EXPERIENCE OF STATE MANAGEMENT AND INTERNATIONAL RELATIONS	
Irhin Io. V. Elections of the 45th President of the USA: Key Features, Techniques, Results	111

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Автор предоставляет Издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его статьи в составе публикаций журнала, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), иные системы и базы, информация о которых представлена на сайте журнала по адресу: <http://www.ars-administrandi.com>.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав Издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование Издания в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Авторское вознаграждение за предоставление автором Издателю указанных выше прав не выплачивается.

Автор включенной в журнал статьи сохраняет исключительное право на нее независимо от права Издателя на использование журнала в целом.

Направление автором статьи в журнал означает его согласие на использование статьи Издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он осведомлен об условиях ее использования. В качестве такого согласия рассматривается также лицензионный договор на право использования научного произведения в научном журнале «Ars Administrandi», направляемый автором (соавторами) в адрес редакции после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.

Редакция включает полнотекстовые варианты статей, а также фамилию, инициалы, ученую степень и звание, должность, место работы, электронный адрес автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова статьи в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), иные системы и базы, размещает их на сайте журнала.

Гонорар за публикации не выплачивается. Плата за публикацию рукописей не взимается. Авторский экземпляр высылается автору (соавторам) по указанному им (ими) адресу.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления рукописей размещены на сайте журнала в разделе «Условия публикации» по адресу: <http://ars-administrandi.com/condition.htm>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакционной коллегии могут обращаться по адресу: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Ответственный редактор – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 2-396-830. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2017. Т. 9, № 1

Редактор *Л.В. Хлебникова*

Корректоры *И.Р. Саматов*

Компьютерная верстка *Р.И. Березина, Н.С. Кнутовой*

Дата выхода в свет 30.03.2017. Формат 70х100 1/16.

Усл. печ. л. 11,21. Тираж 500 экз. Заказ № 118217.

Редакция научного журнала «Ars Adminisrandi» («Искусство управления»)

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Тел. (342) 2396830

ars-administrandi.com

E-mail: arsadmag@yandex.ru

Редакционно-издательский отдел

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»

614000, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 5

тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно